

ВАЙНАХ

Литературно-художественный журнал

2. 2020

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Министерство
информации и печати
Чеченской Республики**

Адрес учредителя: 364060,
г. Грозный, бульвар С. Дудаева, 8.
Дом Радио

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций по Чеченской
Республике 05 февраля 2014 г.
Регистрационное свидетельство
ПИ № ТУ 20-00089
Журнал выходит с 1991 г.

Директор
ГАУ «Издательский дом»
**Али Халидович
Темирханов**

Главный редактор
**Али Халидович
Темирханов**

Редколлегия:

**М. Ахмадов
М. Магомадов
З. Алиева
С. Алиев
С. Мусаев
Л. Довлеткиреева
Р. Межиева
А. Умарова**

Адрес редакции/издателя: 364024
г. Грозный, ул. Н. Назарбаева, 92

Тел.: 8 928-477-37-69
E-mail:

izdatelskiy_dom2019@mail.ru
Сайт: <http://www.izdat-dom.ru>

Журнал выходит один раз
в квартал. 16+

izdat_dom_chr

izdat_dom_chr

izdatel_dom_chr

izdatdomchr

izdat_dom_chr2019

СОДЕРЖАНИЕ:

25 АПРЕЛЯ – ДЕНЬ ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКА

Хамзат ЮНУСОВ. *«Как океан безбрежный...»*.....2

ПРОЗА

Машар АЙДАМИРОВА. *Талисман гор*. Роман.
Продолжение.....8
Иса ЗАКРИЕВ. Рассказы. *Торговец*.
Одиночество в пыли. *Свидание*.....89

ПОЭЗИЯ

Беслан ЗАЙНУТДИНОВ. *Осень жизни*. Стихи.....36
Заур ГАНАЕВ. *Ноктюрн*. Стихи.....47
Роза ТАЛХИГОВА. *Моя печаль...* Стихи.....51
Зелим МУСАЕВ. *Мне выпал шанс*
родиться здесь... Стихи.....83

ПАМЯТЬ

Гапур АЛИЕВ. *Письма в никуда*. Сонеты.....42

ЮБИЛЕЙ

Канта ИБРАГИМОВ. *Стигал*.
Отрывок из романа.....54
Мансур МАГОМАДОВ. *Новая литературная*
вершина Канты Ибрагимова.....63

ДЕБЮТ

Элина ЦУГАЕВА. *Всадник*. Рассказ.....67

ПУБЛИЦИСТИКА

Ибрагим ГАМЗАТОВ. *Во имя мечты...* Очерк.....74
Мансур МАГОМАДОВ. *Социальная и религиозно-
философская мысль Чечни в начале XX века*.
Прогрессивная общественная мысль Чечни в
освещении газеты «Терский край» (1910–1912)
Продолжение.....92

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валерий СУХОВ. *Переключка эпох: поэты*
Северного Кавказа о Лермонтове.....104

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Саламбек АЛИЕВ. *История родного города*.....111

СЛОВО О ХУДОЖНИКЕ

Ася УМАРОВА. *Монументальная живопись*
Яхиханова.....111

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....112

*25 апреля – День чеченского языка***Хамзат Юнусов****«Как океан безбрежный...»**

...Ребенок с молоком матери начинает познавать мир. Первые слова ласки от матери он слышит на родном языке. Еще не умея говорить, он улавливает эти самые родные, самые приятные звуки от той, которая по воле Божьей произвела его на свет и кормит грудью. И не удивительно, что одно из первых его слов – «Нана» («Мама»). В дальнейшем, познавая мир, он удовлетворяет свое любопытство через все новые и новые, ранее неизвестные ему слова родной

речи. Так рождались, воспитывались богатством материнского языка и выросли в чеченском обществе девушки – для продолжения жизни, и юноши – для содержания и защиты семей.

В ученом мире нет сомнений в том, что чеченский язык – один из древнейших на земле. Его следы простираются до Передней Азии, к Шумерской цивилизации, в государства Урарту и Миттани в Междуречье, к закавказским царствам – до Алании на Северном Кавказе, о чем свидетельствует большое количество клинописных артефактов, переводимых на современные языки с помощью чеченского. Об этом говорят исследования русского ученого К.М. Туманова – «О доисторическом языке Закавказья», немецкого историка и археолога Эриха Церена – «Библейские холмы», чеченского языковеда К.З. Чокаева – «Наш язык – наша история», труды академика Н.Я. Марра, профессоров А.И. Шавхелишвили, В.В. Бунака, Е.И. Крупнова, А.П. Дьяконова, Г.А. Меликишвили, Ю.Д. Дешериева и многих других.

Чеченский язык входит в нахскую группу (чеченский, ингушский /Россия/ и бацбийский /Грузия/) иберийско-кавказской языковой семьи, все чаще называемой ныне учеными кавказской.

Попытки создания литературного чеченского языка на основе арабской графики предпринимались местными богословами еще в XVIII веке. А в начале 60-х годов XIX века русский военный инженер, лингвист и этнограф, один из крупнейших кавказоведов Петр Услар, совместно с чеченцами – прапорщиком милиции Кеди Досовым и муллой Янгулбаем Хасановым, создает грамматику чеченского языка на основе кириллицы. Ее используют в течение шести недель в крепости Грозной для обучения грамоте 25 чеченских детей. В результате Кеди Досов создает первый чеченский букварь. Однако их усилия так и

остались невостребованными – царская администрация на Северном Кавказе не была заинтересована обучением грамоте представителей малых народов.

Окончательно литературный чеченский язык сложился в XX веке на основе плоскостного диалекта. За период с 1922 по 1938 годы письменность на чеченском языке пережила несколько реформ: три года обучение языку и издание книг, учебников и газет осуществлялось на основе арабской графики, в 1925 г. – ввели латиницу, а в 1938 г. все языки малых народов СССР были переведены на кириллицу. Первые чеченские языковеды и деятели образования 20-30-х годов сумели за короткое время создать учебники и учебные пособия для школ, различные словари и разговорники, а писатели активно издавали свои произведения в разных жанрах и переводили на чеченский язык классиков русской литературы. С 1923 года стала выходить газета на чеченском языке.

23 февраля 1944 года чеченцы были высланы в Среднюю Азию и Казахстан, где для них установили специальный режим проживания. Чеченский язык вместе с названием народа был вычеркнуты из книг, энциклопедий; уничтожены памятники культуры, переименованы все населенные пункты – чеченского народа больше как бы не существовало. Долгих 13 лет язык был предан забвению. Но даже в этих условиях люди не теряли честь и достоинство, старались облегчить друг другу страдания. Именно в это время объединилась немногочисленная группа интеллигентных чеченцев того времени – тех немногих, кто сумел выжить, которые не покладая рук работали в области науки, культуры и искусства, и сумели добиться в 1955 году учреждения газеты на родном языке в Алма-Ате, ставшей центром сохранения чеченского языка.

В 1957 году Чечено-Ингушская АССР была восстановлена. Оставшиеся в живых чеченцы и ингуши вернулись на Родину. Языком обучения в республике был русский. В городских школах чеченский язык теперь не преподавался даже как предмет. В сельских же школах родной язык и литература были предметом изучения.

В 60-80-е годы возобновляется научное изучение языка, фольклора, истории и этнографии чеченцев. Постепенно язык стал развиваться, а своеобразной кузницей национальных кадров стал историко-филологический факультет Чечено-Ингушского госпединститута (с 1972 года – Чечено-Ингушский госуниверситет, а эти два направления станут самостоятельными структурами вуза). Исследователи нескольких поколений создавали грамматику чеченского языка, многотомные издания фольклора, двуязычные и специализированные словари, были изучены практически все нормы и правила развития и функционирования языка. Однако особенности национальной политики в СССР, которая имела целью стирание национальных различий и создание так называемого советского народа, накладывала свой отпечаток и на развитие в том числе чеченского языка. Мы видели параллельное существование двух процессов: с одной стороны – чеченский язык изучается и развивается, с другой – он уничтожается постепенным вытеснением русским языком не только на официальном, но и на бытовом уровне.

А в последнее десятилетие XX века чеченскому народу было совсем не до языка – трагические для народа попытки независимости, а затем и две военные кампании поставили народ перед дилеммой – быть бы живую.

Вся история человечества показывает и доказывает, что тот или иной народ к великому процветанию и прогрессу приходил только тогда, когда изучал и сохранял свой язык, традиции и нравы, когда расцветал духовно, отталкиваясь от развития и познания собственного языка. Без духовного начала нет и не может быть материального развития. Мы не имеем в виду простое материальное обогащение отдельных людей, примеры которого, несмотря на катаклизмы последних десятилетий (часто – даже благодаря им), наблюдаем, а говорим о материально-техническом развитии всего народа через образование и духовность.

Референдум 23 марта 2003 года, в результате которого народ проголосовал за принятие Конституции Чеченской Республики, заложил начало духовно-нравственного возрождения чеченского народа. С выборами Президента и Парламента Чеченской Республики завершился процесс возвращения региона в конституционное поле Российской Федерации, у чеченского народа появилась возможность принимать необходимые законы и созидать в правовом пространстве государственности. И в числе первых был принят республиканский закон «О языках в Чеченской Республике». В нем, как и в Конституции ЧР, подтверждается, что государственными языками Чеченской Республики являются русский и чеченский языки. А день его подписания Президентом Чеченской Республики – 25 апреля объявлен в республике Днем чеченского языка, который на государственном уровне широко празднуется ежегодно.

Несмотря на шагающий по планете семимильными шагами технический прогресс и его негативное влияние на уровень применения в каждодневной жизни языков малых народов, в нашем обществе сегодня хорошо понимают всю важность и злободневность проблемы сохранения и дальнейшего развития чеченского языка. И Глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров, и другие руководители республиканского и муниципального уровней прекрасно это осознают и готовы принять любые предложения для поддержания родного языка. Многие свои встречи с людьми, различные совещания и заседания, массовые мероприятия республиканского уровня Рамзан Кадыров проводит на выразительном чеченском языке.

Все больше руководителей и политиков не только осознают, что язык – это основа духовной культуры народа, а значит – краеугольный камень духовно-нравственного возрождения и материально-технического расцвета нации, но и начали соответственно действовать, принимать решения, контролировать их выполнение. Создав постоянно действующий Экспертный совет по сохранению и развитию чеченского языка при Главе Чеченской Республики, Рамзан Кадыров стимулировал целый ряд действий со стороны руководителей сферы образования и ученых-языковедов, писателей и журналистов, работающих на чеченском языке. Институт проблем образования при Министерстве образования и науки преобразован в Институт развития чеченского языка и истории. Под крышей этого Института группа ученых, писателей, журналистов и педагогов подготовила обновленный Свод основных орфографических правил чеченского языка, в который не вносились изменения более 60 лет,

хотя с развитием общества развивается и любой язык, и каждые 3-5 лет назревает необходимость что-то дополнять и изменять в орфографии. Поэтому за прошедшие десятилетия с 1961 года, когда был издан чеченско-русский словарь Ахмата Мациева (чеченского Даля, как его называли еще при жизни), с включением в него основных правил орфографии чеченского языка на тот период, в языке накопилось много проблем. И ныне, наконец, Свод орфографии полностью обновлен и утвержден Указом Главы Чеченской Республики. Также начата работа по созданию «Большого орфографического словаря чеченского языка», в котором, как предполагается, будет более миллиона слов и словоформ.

Лексика чеченского языка очень богата, это доказывает и художественная литература талантливых чеченских писателей и поэтов. Все существующие ныне жанры в мире художественной литературы подвластны чеченскому языку. К услугам желающих усовершенствовать свои знания в области языка имеется целый ряд чеченско-русских, русско-чеченских словарей и разговорников. Еще 30 лет назад вышел огромной ценности труд этнографа, поэта и педагога Ахмада Сулейманова «Топонимия Чечни», который является бесценной энциклопедией чеченских географических названий. А последнее десятилетие особенно богато созданием и выходом целого ряда словарей и энциклопедий, среди которых: «Чеченско-русский фразеологический словарь» в 3-х томах доктора филологических наук, профессора МКК (Бельгия) Дауда Байсултанова, в нем приведены 12 тысяч фразеологических единиц чеченского языка; «Анатомия человека. Чеченско-русский атлас. Латинско-русско-чеченский словарь терминов» кандидата медицинских наук Руслана Берсанова; ряд энциклопедий флоры и фауны Чеченской Республики разных авторов; «Русско-чеченский тематический словарь» А. Таранова, который охватывает основные сферы повседневной деятельности человека – бизнеса, науки, культуры; «Чеченско-русский, русско-чеченский словарь математических терминов» С. Умархаджиева (доктора математических наук) и А. Ахматукаева (поэта и переводчика); «Чеченско-русский, русско-чеченский словарь юридических терминов» Э. Абдурашидова; «Русско-чеченский, чеченско-русский словарь компьютерной лексики» группы ученых во главе с доктором математических наук С. Умархаджиевым; «Русско-чеченский словарь спортивных терминов и словообразований» С.-А. Аслаханова; «Частотный словарь литературного творчества Магомед-Салаха Гадаева» А. Абдулкадырова; «Словарь строительных терминов чеченского языка» коллектива авторов; «Словарь синонимических парадигм чеченского языка» А. Абдулкадырова; «Чеченско-французско-русский словарь эквивалентных фразеологизмов» Д. Байсултанова; «Лексико-семантический тезаурус чеченского языка» А. Абдулкадырова; «Историко-этимологический словарь чеченского языка» К. Чокаева; «Этимологический словарь чеченского языка» А. Вагапова.

Естественно, не стоит на месте и наука о языке. Секции и отделы Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики продолжают изыскания в области языковых проблем. За последние годы вышли в свет труды ученых-языковедов: академическое издание «Грамматика чеченского языка» (в трех томах, вышел 1-й том, вот-вот увидит свет

2-й) под редакцией доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента АН ЧР А.И. Халидова; дополненное и переработанное издание «Современный чеченский язык: лексикология, фонетика, морфология» доктора филологических наук, профессора, академика АН ЧР А.Д. Тимаева; «Структурно-семантическая характеристика фразеологии чеченского языка» Д.Б. Байсултанова; «Социолингвистический анализ развития чеченско-русского двуязычия» доктора филологических наук, профессора, академика АН ЧР М.Р. Овхадова; «Синтаксис чеченского простого предложения» доктора филологических наук, профессора Х.Б. Навразовой; публикации статей в журнале «Таллам» («Исследование») и в сборниках научно-практических конференций по чеченскому языку.

В Академии наук Чеченской Республики еще пять лет назад создан и активно функционирует отдел прикладной семиотики, который работает над проектом чеченской локализации компьютерных программ. Идее создания отдела предшествовало заключение ЮНЕСКО о вымирающих в мире языках, среди которых оказался и чеченский язык в статусе «вызывает опасение». Проект предполагает перевод компьютерных программ на чеченский язык и адаптацию их к культуре чеченского народа, создание для пользователя комфортных условий для набора и обработки текстов на чеченском языке на компьютере и мобильных устройствах, автоматическую проверку орфографии и грамматики, распознавание и чтение чеченских текстов, создание обучающих компьютерных программ и т. д. В рамках проекта выполнена огромная работа. Сотрудниками отдела создана электронная лексическая база чеченского языка, содержащая более 2,5 миллиона слов и словоформ. Для автоматизации процесса подготовки этой базы созданы компьютерные программы на различных языках программирования. В Роспатенте получено 8 свидетельств об официальной регистрации программ для ЭВМ.

При реализации основного проекта сотрудниками отдела прикладной семиотики исследуются также задачи по речевым технологиям, в частности, разрабатываются методы компьютерного синтеза чеченской речи и распознавания чеченских текстов. Изучены различные современные системы речевых технологий, налажены научные контакты с сотрудниками Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации РАН, Эдинбургского университета (Великобритания), НИИ Прикладной семиотики Академии наук Республики Татарстан.

В Чеченской Республике постоянно ведется работа по контролю исполнения закона «О языках в Чеченской Республике», в котором, в частности, предполагается написание наименований географических объектов, оформление надписей на зданиях органов власти и государственных учреждений, дорожных и иных указателей на чеченском и русском языках.

Два вуза в республике – Чеченский государственный университет и Чеченский государственный педагогический университет – и Грозненский, и Гудермесский педагогические колледжи готовят национальные кадры по чеченскому языку и литературе. Родной язык и литература преподаются во всех школах, гимназиях и лицеях с 1-го по 11-й классы, а также в различных

колледжах и техникумах. А во многих детских садах воспитательный процесс и основные мероприятия проходят на чеченском языке.

Несмотря на стремительное развитие информационных технологий последних лет, засорение и безграмотное использование языка (и не только чеченского, ныне это происходит со всеми языками, даже с русским) во всевозможных социальных сетях Интернета, огромную конкуренцию со стороны мобильных электронных СМИ, на возникающие экономические проблемы, печатные издания Чеченской Республики выходят в свет в бумажном варианте, хотя тиражи заметно снизились в последние годы. Однако редакции газет и журналов на чеченском языке своевременно сориентировались в информационном потоке и имеют официальные сайты в сети Интернет, а многие активно ведут аккаунты в различных социальных сетях. Естественно, круглосуточно звучит чеченская речь и с экранов телевизоров, и на коротких радиоволнах трех телерадиокомпаний Чеченской Республики.

Особое отношение в республике сложилось к писательскому труду. Ежегодно 20-30 наименований книг на чеченском языке выпускает только Союз писателей Чеченской Республики – произведения писателей и поэтов, драматургов и публицистов. А самая трепетная забота – о детях: уже несколько лет Союз реализует проект по изданию ярких и красочных книг для школьников, прекрасно осознавая, что дети – будущее народа. Каждый выход очередной книги – праздник, в котором активно и по-детски искренне участвуют сами школьники, познавая новые для себя глубины и краски богатого чеченского языка.

Все те меры, которые предпринимаются в республике по сохранению и развитию чеченского языка, дают нам основания полагать, что выводы комиссии ЮНЕСКО по отношению к чеченскому языку преждевременны. И, как пишет в своем известном стихотворении «Язык матери» народный поэт Шайхи Арсанукаев, «Как океан безбрежный, богат язык чеченский». Именно к такому познанию и осознанию собственного языка и стремятся сегодня чеченцы, понимая, что только тот представитель нашего народа, который на достаточном уровне знает родной язык, является истинным носителем традиций и адатов этого народа, настоящим патриотом своего отечества, морально устойчивым и духовно богатым гражданином родной страны.

Проза

Машар Айдамирова

Талисман гор

Роман

Продолжение. Начало в №№ 1-4 (2018), 1 (2019), 1 (2020).

Глава 9

Возвращение

Как глубоко заблуждается тот, кто считает, что все ночи похожи друг на друга, точно братья-близнецы!

Ночь – это целая композиция симфонии души, в которой каждый

инструмент издает чарующий звук множества струн твоей богатой фантазии. Твое обостренное воображение выдает на черном полотне ночи самые необычные творения. В кромешной мгле до твоего слуха доносятся настороженные голоса притаившихся птиц, откуда-то сверху падает недовольное уханье пучеглазого филина. Ночные зверюшки пугливо шарахаются от малейших шорохов, только глаза, полные необъяснимого страха, висят во тьме фосфоресцирующим огнем, словно светлячки. Тихая, спокойная трель невидимых пташек рождает в твоей душе лунную сонату, звезды мерцают, завораживая своей загадочной недосыгаемостью.

Но эта сказка может внезапно исчезнуть, стоит кому-либо ненароком нарушить гармонию ночной тишины.

Как сейчас.

Заслышав шаги таинственных путников, все живое вокруг юркнуло в плотную темень, затаилось в тревожном ожидании.

– Нас много, и стучаться в ворота в такой неурочный час... Как бы хозяев не напугали...

- И немудрено, время-то неспокойное.
- Как бы им дать знать, что мы люди мирные?
- Мы пойдем вперед.
- И то верно. Давайте, девушки, а мы тут в сторонке подождем!

Даже ночи не хватало черной краски, чтобы скрыть эту белоснежную обитель в своих темных объятиях – она светилась кусочком дня на темном полотне ночи. Рассказывали, что ее строили из особого камня, завезенного из заморских стран, чудесную башню воздвигли во имя любви. В любую погоду она излучала божественный свет, словно священный храм, указывая спасительный путь заблудшим путникам.

И в эту ночь он тоже послужил добрым знаком для наших героев, проделавших огромный путь и еле передвигавшихся от усталости.

Но, к большому удивлению ночных гостей, хозяева замка были абсолютно беспечны, даже ворота не были заперты на засов.

– Приходите свободными, дорогие гости! Не стойте у порога, смело заходите! – прозвучал в темноте доброжелательный женский голос.

– Добрый вечер, нана! Простите нас за наше внезапное вторжение!

– Ночной гость – самая большая милость из божественных даров. Что вы медлите, девушки, заходите!

– Мы не одни, с нами еще товарищи, – слегка замялись они.

– Еще лучше, места хватит на всех. Зовите их.

Мужчины тихо поприветствовали гостеприимную хозяйку, но не двинулись с места.

Женщина поняла причину их сдержанности, громко позвала:

– Сын, Господь благословил нашу обитель, у нас гости!

В дверях появился молодой, красивый юноша, взглянул на ночных незнакомцев и от неожиданности встал как вкопанный.

Мать недоуменно посмотрела на сына, тот стоял бледный и растерянный. Но поняла причину такого состояние с первого же слова, слетевшего с его уст.

– Добро пожаловать, Иштар!

– Мир вашему дому, Давид! – произнесла в ответ царственная гостья.

Гостеприимные хозяева тут же накрыли стол, но уставших путников клонило ко сну, они едва притронулись к еде. Вскоре все забылись крепким сном.

Не спали только Элиса и Иштар, им было о чем поговорить.

На второй день рано утром гости собрались уезжать. Элиса вышла их провожать, приготовила им еду на дорогу. Девушки за короткое время успели к ней привязаться и благодарно обнимали ее на прощание.

Давид старательно избегал встречи с Иштар, но в последний момент был вынужден показаться ей на глаза. Он подошел к самому старшему из гостей – Маккалу и, слегка смущаясь, заговорил:

– Будь моя воля, не отпустил бы вас так быстро, погостили бы у меня еще неделю. Пешим ходом долго добираться, поэтому примите от меня небольшой подарок, – молодой человек подвел к ним отличных коней, уже снаряженных в путь-дорогу.

– Мой юный друг, это очень дорогой подарок! Спасибо тебе, пусть сторицей воздастся вам ваша доброта и щедрость!

Тархан и Алмаз выбрали самых рослых скакунов, те беспокойно захрапели, покосившись на двух богатырей.

– Тархан, Алмаз, осторожней, как бы им хребет не сломали!

– Бедные животные!

– Да они на полпути околеют от непосильной тяжести на спине!

– Ничего, если что, понесем их на себе, – отшучивались великаны.

– Дауд, ты бы лучше им верблюдов предложил, – засмеялся Арзу. Он поймал иноходца Тархана, который пугливо шархнул от грузного наездника, за узду.

– Нет, Арзу, попроси слона, так будет надежнее, – смеялся Кюри.

– А вот тебе, Кюри, особый подарок! – Давид подошел к закрытой конюшне. Не успел он открыть ворота, как из него, как угорелый, выскочил конь, на черном лбу его белела звезда.

Кюри от неожиданности растерялся. Он так тосковал по своему другу и совсем потерял надежду увидеть его снова.

– Он сразу почуял твое присутствие, и мы еле удерживали его в конюшне, рвался к тебе, – Давид радовался их счастью. – Я впервые увидел этого

удивительного скакуна в Суйр-Корте, когда вы оба показывали чудеса дружбы и отваги. Потом встретил его в степи, его пытались заарканить дикие кочевники, но я отбил его у них, сказав, что это мой конь – он откликнулся на свое имя, послушно пошел за мной. Я понял, что с вами произошла беда, иначе верный и преданный друг не блуждал бы по степи. С тех пор он у меня, но не думай, что он позволил оседлать себя, – улыбнулся Давид. – Кажется, он поклялся в верности тебе.

Кюри обнял мохнатую голову друга, тот радостно заржал, в его огромных глазах светилась радость встречи. Затем резко вырвался, стал гарцевать вокруг хозяина. Кюри весело гикнул, вскочил на него, они закружились в счастливой джигитовке.

Фатима, наблюдавшая за этой трогательной сценой встречи двух друзей, наклонилась к Азе, тихо прошептала:

– При нашей встрече он не так радовался!

Аза засмеялась:

– Да ты ревнуешь, подружка!

Дика глазами поискала Иштар:

– Аза, что-то не видно нашей баччи¹. Где она?

– Она с Элисой.

Вскоре они вышли из дома. На плечи Иштар было накинуто золотое руно, на голове блестела корона-перстень Прометея. Все так и замерли, залюбовавшись красотой Талисмана Гор.

Давид поник головой.

– Мои братья и сестры, – обратилась к ним Иштар. – Благодаря тому, что эти реликвии, символизирующие честь и достоинство нашего народа, попали в благородные руки, они снова вернулись ко мне. Этим священным реликвиям много лет, они ровесники нашего народа, и каждая девушка нахов пропиталась их священным духом. И еще много столетий эти чудесные реликвии будут служить во благо нашему народу.

Маккал и Зелимхан одобрительно воскликнули в ответ:

– Это истинная правда! Народ, у которого такие дочери, бессмертен!

– Давид!

Услышав свое имя из уст Иштар, сердце молодого человека тревожно забилось, голова пошла кругом, лоб покрылся холодной испариной.

– Давид, Всевышний посылает нам трудности, чтобы испытать твердость силы духа и веры своих детей, которых Он сотворил. Ты и твоя матушка достойно выдержали удары судьбы, вы следовали законам совести, чести. Отныне вы позабудете все лишения и тяготы, которые вам пришлось вынести, и счастье поселится в этом гостеприимном доме. Пусть ваш очаг будет изобиловать всегда, и друзей будет больше, чем врагов!

Счастливая Элиса обняла своего сына.

Леча подошел к Давиду, крепко пожал руку новому другу.

– Можете не сомневаться в словах Иштар: Талисман Гор прорицательница, ее пророчество всегда сбывается. Будьте счастливы! Если мы вам понадобится, мы всегда будем рядом, только позовите! Прощайте!

Мать и сын долго провожали их взглядом, пока они не исчезли за поворотом склона горы.

– Нана, гостей ты проводила, теперь проводи и сына.

– Ты далеко собрался? – мать схватила сына за руку, словно испугавшись, что он вдруг исчезнет.

– Говорят, монголы горят желанием увидеться со мной.

Давид почувствовал, как вздрогнула рука матери.

– Нана, в моей груди давно пылает огонь мести за отца, который погиб от рук ненавистных монголов, защищая свою землю и народ. Теперь настала моя очередь исполнить свой долг перед отчизной и памятью отца. Поверь, я очень страдал, с первого дня хотел рвануться в бой, но не мог оставить тебя без единственной опоры. Позволь мне исполнить свой священный долг!

Элиса прикинула к груди сына, слышала, как его сердце отбивает бешеный такт, в нем клокотал, пытаясь вырваться наружу, незатухающий вулкан мести. Если не дать ему вырваться наружу, он испепелит его изнутри, погубит своей всепоглощающей лавиной ярости и гнева.

– Да, сынок, идем, будем готовиться в путь! – тихо произнесла она.

Глаза матери были полны слез, но это были слезы гордости за сына.

Наши герои застали Родину в траурном облачении.

Вокруг царила незнакомая, чуждая атмосфера. Не ощущалось былой легкости и душевного равновесия.

Только Маккал и Зелимхан не нарадуются долгожданной встрече с Даймохк. Им теперь и смерть не страшна. Одна мысль, что их тела предадут родной земле, умиротворяет их души.

– За время нашего отсутствия здесь многое могло измениться, – поделился своими тревожными мыслями Маккал. – Я имею в виду не то время, что мы с Зелимханом провели на чужбине, а последние два года, – уточнил он. – Судя по вашим рассказам, Шамшук успел пустить корень зла довольно глубоко, и мы не знаем, чья сила одержала верх. Поэтому мы должны быть предельно осмотрительны... Внутренняя междоусобица намного страшнее, чем война с внешним врагом.

Взоры молодых воинов устремились на спокойного и рассудительного баччи. Леча стоял, нахмутив лоб, потом взглянул на друзей, молчаливо ожидающих от него решения.

– Первым делом необходимо отвести девушек в безопасное место, – заговорил он своим низким голосом. – Мы не знаем, где наши друзья, это сильно затрудняет нам задачу, как дальше поступать. Сыщики Шамшука наверняка рыщут повсюду, придется обходить большие дороги. Мы не можем рисковать.

Все молчаливо согласилось, Леча повернулся к Иштар, та поняла его без слов.

– Леча, ты прав, дальше мы разделимся. Я со своими девушками вернусь домой, на Священную гору, благо, это недалеко, осталось всего ничего. А вы тем временем разузнайте обстановку, найдите Астамара, наверняка он на поле сражений и ему понадобится наша помощь. Мы встретимся с Малх-Азни, затем примкнем к вам.

– Хорошо, но с одним условием – Алмаз и Тархан будут вас сопровождать. Так нам будет спокойнее.

– Это лишне, мы сами справимся...

– Нет, это даже не обсуждается! – резко отрезал Леча. На том и закрыли короткое совещание.

Стали быстро собираться, нельзя было медлить ни минуты.

Кюри подошел к Фатиме, она стояла, прислонившись к стволу дерева,

устремив печальный взор в никуда.

– Фатима, что ты так загрустила? Все страхи позади, и мы дома! – в его голосе прозвучала боль скорой разлуки.

– Да, дома, – тихо ответила она и, взглянув в сторону подруг, добавила: – Им есть куда возвращаться, а я... куда мне пойти – ни дома, ни семьи, – девушка часто-часто заморгала, в ее больших черных глазах засверкали слезы. – Был единственный родной человек, брат, и то неизвестно, где он, жив ли...

Ее слова больно обожгли сердце молодого человека.

– Не говори так, Фатима, прошу тебя! Разве я тебе чужой? Да я ради тебя готов горы перевернуть, я ведь люблю тебя больше жизни! – приложив руку к сердцу, искренне признался он. – Да, я полюбил тебя с первого взгляда, но жизнь сыграла с нами злую шутку, бросив в водоворот судьбы, и я не смог найти удобный момент признаться тебе в своих чувствах. Мы жили одной семьей, вместе одолевали трудности. Я думал: вернемся домой, и я открою тебе все, что накопилось в сердце. Если я ненароком чем-то обидел тебя, то прошу простить меня!

Фатима расплакалась, еле сдерживаемые слезы так и хлынули из глаз.

Кюри растерялся.

– Мои слова ранили тебя?

– Нет, нет... что ты, Кюри? Наоборот, твои слова растрогали меня до глубины души, – тихо произнесла девушка. – Настоящая любовь не нуждается в громких словах. Думаешь, я не догадывалась о твоих чувствах? Конечно, знала твою маленькую тайну, ты ни словом не обмолвился, но твои глаза выдали тебя.

Сердце Кюри затрепетало, лицо вспыхнуло от нахлынувших нежных чувств – он давно ждал этого чудесного мгновения, когда они смогут открыть друг другу свои чувства. И когда, наконец, оно настало, они оба вдруг растерялись. Фатима смущенно замолкла на полуслове.

Кюри пришел ей на помощь.

– А что говорит твое сердце, Фатима? – спросил он.

– Мое сердце говорит, что оно разрывается от одной лишь мысли о предстоящей скорой разлуке, – сквозь слезы ласково проговорила она.

Фатима вернулась к подружкам с посветлевшим лицом, от глаз подружек не скрылось ее душевное состояние, окрыленное счастьем и радостной истомой.

Первая не выдержала Аза:

– Фатима, твое лицо так и пылает огнем! Как бы оно не воспламенилось и не спалило твое милое личико!

– Ничего, Аза, скоро и твое запыхает таким же пламенем! Вот тогда и на тебя полюбуемся! – развеселившаяся Фатима ловко вскочила на коня.

– Это мне не грозит, – махнула рукой Аза. – Чтобы Леча признался в любви?! Прежде небо обрушится на землю!

– На то и друг, чтобы вовремя примчаться на помощь! Твой Леча через Кюри передал свое храброе сердце в твои руки.

– В жизни не поверю!

Иштар и Дика молча наблюдали за шутливой перебранкой подруг. Но это не означало, что им чужды сердечные дела.

Нет, совсем нет.

Глядя на влюбленных девушек, Иштар вспомнила Биберда, снова сердце сжалось от невыразимой тоски. Мысли, витавшие в тумане потерянной любви, выдохлись, сердце вдоволь выплакалось до крови, а крылья, взметнувшиеся было навстречу любви, так и не расправились до конца, они обгорели, их

спалила судьба, диктующая свои условия.

Ну а Дика спокойна, ей пока не грозит расставание – Тархан будет рядом с ней. Влюбленные на какое-то время забыли обо всем на свете, они упивались последними минутами радости видеть и чувствовать друг друга. Но счастье, как обычно, всегда мимолетно и не любит долго засиживаться в гостях.

Молодые люди не успели даже толком попрощаться.

Как всегда, Алмаз первым заметил надвигающуюся опасность.

– Наемники! – громко предупредил он.

Зычный голос Маккала утонул в бешеном потоке быстротечного Чанты-Аргуна:

– Быстрее, нам удастся уйти от них, если успеем проскочить через ущелье!

– Слишком поздно, Маккал, нас окружают! – Арзу рукой указал на дорогу.

Со стороны ущелья во весь опор скакали всадники, поднимая густые клубы пыли.

Внезапное нападение застало их врасплох, маленький отряд отчаянно заметался на месте. Громовой голос Тархана привел их в чувство.

– Надо перебраться на другой берег реки, пока они не настигли нас... Там, под утесом башни-близнецы, укроемся в них!

К счастью, им не пришлось искать брод, они пулей пролетели через небольшой мост Нартол и, поднимая целый фонтан брызг, ринулись к каменным укрытиям. Отпустив лошадей, беглецы закрылись в башне, бросились к бойницам и стали наблюдать за своими преследователями, с гиканьем обступавших башню со всех сторон. Первый залп метких стрел, пущенных изнутри, заставил их отступить, нападавшие спрятались за выступами горы и залегли в ожидании.

Враг на время отступил, но это была не победа, а временное затишье.

– Эту схватку нам не одолеть, – Зелимхан безнадежно вздохнул.

– Ты прав, если не подоспеет помощь, они возьмут нас измором, – согласился Маккал.

Зелимхан снова стал изучать окрестности через бойницу. Враг нагло расхаживал по открытому месту, недосягаемому для их стрел; несколько человек бросились разжигать огонь и вскоре запахло жареным мясом, приятно щекоча ноздри порядком проголодавшихся пленников башни.

– Да эти молодцы никуда не торопятся, расположились лагерем и устроили себе пир! – воскликнул Зелимхан. – Чего они добиваются? По этой дороге не проходит караван, а то, что мы не богатые путники, и слепому видно – ни поклажи, ни выюков, набитых золотом...

– Леча! – Маккал позвал сына.

– Да, отец, я слушаю! – отозвался тот, неотрывно следя за врагом.

– Как ты думаешь, кто они? Может быть, они узнали вас? Или это разбойники с большой дороги?

– Не знаю, но скоро, думаю, все станет известно, – Леча снова приник к своему наблюдательному пункту.

Алмаз шумно вздохнул, поискал глазами друга, но он как сквозь землю провалился.

– Дика, ты не видела Тархана? – тихо спросил он девушку.

– Он остался в кхай-комнате², в самом низу башни, ищет что-то, – так же шепотом ответила она.

– Ищет что?

В ответ она лишь пожала плечами.

Алмаз спустился вниз и нашел друга за странным занятием: он внимательно

исследовал каждый камень в стенах и на полу: осторожно выстукивал по ним, прислушивался к издаваемым звукам. Алмаз постоял немного и, видя, что он не обращает на него никакого внимания, собрался было уходить, но Тархан остановил его:

– Подожди, Алмаз, не уходи, мне нужна твоя помощь.

– Что ты тут ищешь?

– Выход.

– Я не понимаю, объясни толком.

– Друг мой, ты что, забыл? Я – бавло³, сын архитектора и строителя башен, – Тархан снова углубился в свои поиски. – Эту башню построили совсем недавно, и я даже вычислил мастера работы. Видишь, эта башня стоит впритык к утесу.

– Да, и что?

– А то, что мастера учли такую ситуацию, в какой мы сегодня оказались. Значит, должен быть где-то потайной выход, мы же строим свои башни, используя все возможности, предложенные самой матушкой-природой...

– Тархан снова закричал, засуетился вокруг огромной каменной плиты, аккуратно вбитой в пол.

– Ну и как, разгадал секрет мастера? – нетерпеливо спросил Алмаз.

– А как же! – победно воскликнул запыхавшийся друг. – А ну-ка, мой друг, помоги мне сдвинуть плиту с места, только осторожно, не стоит ломать и портить ювелирную работу мастера. Смотри, как аккуратно ее уложили, в жизни не догадаешься!

Друзья осторожно оттащили тяжелую плиту. Под ней оказалось пустое пространство, черная темень обдавала холодом и страхом неизвестности. Тархан сделал первый шаг и нащупал небольшие ступеньки, ведущие куда-то вниз, он пошарил руками стены по бокам.

– Предусмотрительные строители должны были оставить здесь огниво и факелы... Так и есть... Нашел...

Огонь вспыхнул и взметнулся ярким пламенем, осветив глубокое подземелье и разбудив тишину, мерно спавшую в глухой темноте. Встревоженная шорохами, она заохала, зацокала, эхом перекатываясь в бесконечных лабиринтах своего подземного царства.

– Ой, да это же пещера! – удивился Алмаз.

– Да, твои глаза тебя не обманули, мой друг. Ну а теперь поглядим, какой сюрприз нам приготовила эта самая пещера. Осторожней, гляди под ноги, боюсь, этот узкий проход не про нашу статью.

Дорожка вела вниз, и чем дальше спускались, тем явственнее доносилось глухое урчание реки.

– Ты смотри, оказывается, здесь бьет подземный источник! – факел в руках Тархана часто-часто затрепетал. – Вода спускается в нашу сторону, значит, она приведет нас к выходу.

Алмаз молча шагал за другом.

– Тархан, бесполезно искать спасение через реку, – подумав, решил он.

Тархан остановился и вопросительно обернулся.

– И что ты посоветуешь?

– Должен быть другой выход... Гляди, наверху забрезжил свет, давай посмотрим, что там.

Они начали с трудом карабкаться наверх, отсыревшие камни и гранитные утесы затрудняли путь, скользкие выступы грозили сбросить упрямец вниз.

Но они одолели высоту и, тяжело отдуваясь, чуть перевели дыхание. Затем подползли к узкому отверстию и выглянули наружу и, переглянувшись, дружно расхохотались. Прямо под ними низверглось глубокое ущелье, в котором клокотала разъяренная река Чанты-Аргун.

– Ну, вот тебе и триумфальный выход на свет, Алмаз, – сказал Тархан. – Уж лучше идти по руслу воды, чем бросаться вниз головой в эту бездонную яму.

– Да, можно было бы попробовать вдвоем, но нас много... к тому есть и девушки. И еще, не забывай, снаружи наверняка выставили дозор, и нас выловят как мышей. Лучше достойно принять смерть в бою, чем так бесславно кончить...

– Тс-с-с, тихо ты, – оборвал его на полуслове Тархан.

– Что такое? – больше глазами спросил он.

– Я только что видел, как чья-то тень метнулась в расщелине... кажется, нас заметили.

Тархан схватился за лук, натянул тетиву и приготовился выстрелить, но не успел – Алмаз одернул его, сделав знак притаиться.

– Ты слышал?

Тархан прислушался.

– Нет, ничего не слышу.

Наверху, прямо над их головами, кто-то начал рыть землю, явно пытаясь добраться до них. Земля загородила солнечный свет, и они снова оказались в кромешной тьме.

– Белый! Друг мой! – радостно воскликнул Алмаз.

В ту же минуту к нему бросилось какое-то огромное и лохматое существо.

Наконец-то, спустя столько времени, друзья встретились – Алмаз и его четвероногий брат, вождь стаи волков – Белый.

В крепости мехкарий сегодня затишье.

Здесь нет того бывшего оживленья, что не смолкало ни днем, ни ночью: не слышно ни бряцанья оружия, ни воинственных салютов, ни звонких, переливчатых голосов. Как будто сглазили – обитель отважных воительниц впала в уныние.

Эти разительные изменения произошли в последнее время. Началось с того самого дня, когда Шамшук на военном совете старейшин лишил Малх-Азни права голоса.

В тот день все было странно.

На военном совете отсутствовали авторитетные старейшины, за которыми всегда оставалось последнее слово. Участниками оказались какие-то авантюристы, никому не известные люди, без роду и племени. Мудрость, здравомыслие, отвагу отодвинули в сторону. Ответственные посты, отвечающие за мир и безопасность страны, передали людям, мало пекущимся о благосостоянии народа. Военные должности достались тем, кто не имел ни малейшего понятия о воинской доблести. Впервые за историю Мехк-Кхиэл на весы были поставлены не мудрость и самопожертвование, а богатство – деньги стали мерилем силы и влияния.

Малх-Азни вернулась со своим отрядом мехкарий и закрылась в крепости.

А что ей еще оставалось делать?

На войне необходима всеобщая воинская дисциплина, стратегия и тактика, без этого невозможна победа. Поодиночке с врагом не справиться.

Малх-Азни не горела желанием покрыть себя славой за счет жизни своих бесстрашных подопечных.

Шамшук далеко зашел в своих политических играх, преуспел в своем рвении внести разлад и суматоху в обществе. Да, подлости и коварства ему не занимать, властолюбие напрочь затуманило его разум, притупило все остальные лучшие качества, если они у него даже и были.

А Малх-Азни и ее мехкарий? Что они для себя просили? Или какие богатства нажили за свое бескорыстное служение отечеству?

Мехкарий всегда стояли на страже мира и свободы своей страны, народ в них души не чаял, они стали символом духа Нохчалла. Они не требовали для себя ни высоких наград, ни славных памятников в свою честь.

Мехкарий умели доблестно сражаться, берегли честь и достоинство как зеницу ока.

Их девичья крепость не единственная в горах Кавказа. Воинственные девы были и у других народов, немало предводительниц снискали себе уважение, но их имена затерялись в анналах истории.

У каждого народа собственная история происхождения своих воительниц, неразрывно связанная с их адатами и обычаями.

Войско амазонок впервые появилось в высокогорном районе Эльбруса. Затем воинственные девы расположились в прибрежных лесах Каспийского моря. Они даже близко к себе не подпускали мужчин, а для женщин двери всегда оставляли открытыми.

Но время все меняет, вносит свои коррективы даже в самые прочные основы государственности. Таким образом, время ворвалось в привычные устои амазонок, разрушило вековой порядок и установило свои законы. Черкесские амазонки сказывали, что их пра-пра-прабабушка по имени Емечч была великой предводительницей и еще слыла прорицательницей. Между ее амазонками и черкесскими мужчинами-воинами долгое время шла борьба за первенство, потери с обеих сторон были велики. Эта бессмысленная война изнурила их до такой степени, что предводители сели за стол переговоров. Долгих четыре часа спорили, наконец пришли к единому мнению. Емечч вышла из шатра и громогласно заявила, что с этого дня прекращаются всякие распри меж двух сторон – и для упрочения этого союза она вступает в брак с воеводой. Она также обязала каждую амазонку последовать ее примеру. После этого девушки выходили замуж, обзаводились семьями, но сохранили за собой право охотиться и участвовать в войнах.

У мехкарий нахов была своя история, своя особенность.

Как только девочка появлялась на свет, по просьбе родителей приходил местный жрец, проверял малышку на здоровье, отсутствие телесных изъянов. И только после тщательного обследования ее передавали в руки опытной предводительницы мехкарий для ее дальнейшего обучения, чтобы она в будущем с честью послужила родине, стала ее надежной защитой и опорой. Родители добровольно отдавали родное дитя не для того, чтобы избавиться от нее, а с самыми благими намерениями, уверенные в том, что она будет окружена любовью и заботой не меньше, чем в доме родителей.

Мехкарий из племени нахов никогда не стремились возвыситься над мужчинами, не оспаривали первенства. У них была самая бескорыстная и благородная цель – стоять на страже своей родины, они были своего рода зеркалом, собранным из кристаллов бессмертных ценностей нахов. Зеркалом, в которое мог взглянуться Къонах в любой момент, без тени сомнения в ее чистоте

и порядочности. Мехкарий были не только бесстрашными воительницами на поле сражений, но и верными хранительницами семейного очага, надежной опорой для своих суженых. Не было ни одного случая, чтобы они преступали данную ими клятву верности и преданности.

Мехкарий считали себя грозными воинами легендарного Ариеса. Они так и назывались – мехкаариз, мехкарий, то есть страны-ариз. Их почитали, ими гордился Даймохк, на них лежала огромная ответственность. Эту тяжелую ношу ответственности они добровольно взвалили на свои хрупкие плечи, и ни за какие земные блага не изменили бы своей миссии. Мехкарий растили и отдавали стране таких же достойных сынов, в стране нахов Къонахи не были редкостью, они покрывали родную землю славой и при необходимости, не раздумывая, приносили свои жизни на алтарь смерти во имя мира и свободы, во имя сохранения других жизней.

Женщину чтили как святыню, ее берегли. Старейшины отводили ей особое место, а она принимала дань уважения как должное – не кичилась, не требовала большего, довольствовалась тем, что она имеет. Мехкарий своей беспримерной отвагой и мужеством вдохновляли мужчин, они заряжались могуществом ее духа, но мехкарий не пытались выпячивать эту силу, а просто становились их тенью и находили умиротворение под этой сенью.

Так и жили, в полной гармонии и взаимопонимании.

Вот таким образом эта традиция перекочевывала из поколения в поколение. Прекрасная и славная традиция.

Но Шамшуку удалось сломать и разрушить устоявшиеся ценности. Как говорится, терпению удалось завоевать неприступную гору.

Враг пока что не дошел до границ их земли, как только он повернет в горы, зарвавшийся Шамшук и его приспешники вспомнят о них – мехкарий нет равных в бою.

На улице стояла прекрасная погода.

Малх-Азни созвала своих юных мехкарий на площадь. Нельзя расслабляться воинам, иначе быстро потеряешь форму – необходимо постоянно поддерживать и физическую, и духовную силу. Предводительница отдала распоряжение подготовиться к военным тренировкам, девушки бросились исполнять приказ.

– Жовхар, ты не видела мальчика, где он?

– Баччи, мы поймали его, он верхом на лошади ехал по берегу реки.

– Где он теперь?

– Прячется от тебя.

– Найдите его и приведите ко мне.

– Я здесь! – донесся сверху голос провинившегося ребенка. Тоненький голосок послышался с вершины древнего бука.

– Как ты туда залез?

В ответ молчание.

– Спускайся!

– А ты не будешь сердиться?

– Может быть, если ты сумеешь спуститься с дерева и не упасть!

Вскоре перед ней предстал пятилетний очаровательный ребенок: черные, вьющиеся локоны мягких волос, блестящие под лучами солнечных лучей, большие черные глаза под охапкой густых ресниц, на молочно-белом лице румянцем горят круглые щеки. Мальчик робко взглянул в глаза суровой воительницы и, не увидев в них гнева, расплылся в радостной улыбке, вызвавшей на обеих щечках милые ямочки.

«О Боже, как может такое прекрасное существо произойти от такого омерзительного отца, как Муртаз?! – в который раз задавалась вопросом Малх-Азни, глядя на прекрасное чело этого необыкновенного ребенка. – Ну разве можно на него сердиться?»

Но нельзя показывать свою слабость, потакать его капризам, безнаказанность может испортить ребенка, из него потом не сделаешь настоящего мужчину-воина.

– Шовхал, сколько раз тебе было сказано, чтобы ты строго следовал правилам крепости? Законы распространяются на всех! – строгим голосом произнесла она. – В горах прошли проливные дожди, река вышла из берегов, а ты собрался на прогулку... Ты видел в доме шкуры диких животных?

– Да, видел, – виновато понурил голову мальчик.

– Они сняты с хищников, которые недавно разгуливали в том лесу... Ты еще очень мал, чтобы в одиночку бегать в окрестностях.

– Но ты меня никогда не берешь с собой, – тихо проговорил он.

– Возьму, как только наступит время.

– А когда? Мне еще долго ждать? – ребенок снова вопрошающе взглянул в ее глаза.

Малх-Азни больше не выдержала, наклонилась, взяла малыша на руки и крепко сжала в своих объятиях.

– Скоро, мой маленький, очень скоро!

Нет, этот ребенок давно уже перестал быть для нее заложником-аманатом. Женщине, так истосковавшейся по материнским чувствам, которую судьба не очень баловала, он стал утешением в ее непростой жизни. Она давно потеряла надежду увидеть единственную дочь Дику, не менее родную Иштар. А этот смысленный малыш помогал ей не захлебнуться в горестных думах, что так часто навещали воительницу, лишая сна и покоя.

Теперь она в ответе за этого мальчугана, но долго удерживать его у себя она не вправе – мальчик должен пройти школу мужества у Ламхи и самого лучшего воина-сурхо. Да, в нем течет кровь Муртаза, но она ни за что не допустит, чтобы смертельный яд отца отравил чистую кровь сына, чтобы его грязные деяния отразились на невинной душе ребенка.

Неизвестно, что судьба уготовила этому мальчику, но до тех пор, пока в ней теплится жизнь, она никому не даст его в обиду.

Ребенок, словно прочитав ее мысли, нежно приник своей красивой головкой к груди вновь обретенной матери.

К вечеру отряд мехкарий вернулся в крепость. Воительницы расседлали уставших лошадей, привели в порядок оружие и, с позволения баччи, ушли на покой.

Малх-Азни не любила ночи, бессонница мучила женщину, тяжелые мысли изматывали душу. Она оставалась наедине с собой, лишь ночь немигающим взором упиралась в ее ясные очи. Уставший от беготни за целый день, Шовхал сладко засопел в ее руках, она отнесла его, уложила в кроватку. Малыш что-то забормотал во сне, затем блаженно улыбнулся, повернулся на бок, снова провалился в прерванный сон. Женщина коротала время, пыталась заняться хозяйственными делами, чтобы не оказаться в плену горьких мыслей.

Вдруг в окно ворвался протяжный волчий вой, от которого замерло сердце. Завывание волка смолкло на минуту, но потом повторилось вновь и вновь, все настойчивее и душераздирающе. Встревоженная Малх-Азни беспокойно заходила по комнате, поднялась к бойнице, выглянула наружу. Но ничего не

высмотрела: безлунная ночь не позволяла видеть дальше собственного носа – крошечная тьма черным пластом придавила землю.

Женщина напрягла слух, прислушалась к ночной жизни.

Сердце тревожно забилося в груди. Не к добру это! Она интуитивно почувствовала что-то неладное. Такое долгое завывание волков считается у горцев плохой приметой.

«Да что это со мной? Испугалась какой-то приметы, подумаешь – волки воют! Эх, сердце – душа в пятки, разве ты забыло, в чьей груди ты бьешься? Ты порочишь имя своей хозяйки, и не достойно храброй Малх-Азни, – стала укорять она себя. – М-да, кажется, настало время сменить наставницу мехкарий! Постарела ты, мать, раз стала такой чувствительной!»

Хотела было успокоиться, но новый взрыв, уже целой стаи, дружного воя, заставил ее содрогнуться, от этого призывного хора мурашки пробежали по телу.

В дверях появилась одна из ночных дозорных, выставленных у стен крепости.

– Малх-Азни, стая волков окружила нашу крепость!

Предводительница не торопилась с ответом, она замерла у окна. Вновь, с новой силой, еще громче и яростнее, волна протяжного завывания наполнила все пространство вокруг.

– Надоест, уйдут с рассветом! – коротко бросила она.

Наступило утро, но ночные гости не сдвинулись с места.

– Баччи! – запыхавшись, снова прибежала дозорная. – Они даже не собираются уходить... Один из них стоит прямо у крепостных ворот...

Вдруг Малх-Азни осенило, она порывисто вышла из башни.

– Открыть ворота!

Ее приказ незамедлительно исполнили.

Прямо перед ней, без тени страха, неподвижно замер огромный белый волк, его шея была обвязана шелковым шарфом, ее подарком дочери.

– Белый?! – тихо выдохнула она.

Волк живо вскочил, словно радуясь, что его узнали, и беспокойно завертелся, призывая следовать за ней.

Малх-Азни почувствовала новый прилив силы, луч надежды озарил ее уставшую душу. Утреннюю тишину прорезал громовой голос грозной воительницы:

– Мехкарий, немедленно готовьтесь, мы выступаем!

Помощь подоспела как раз во время.

Враги окружили башню плотным кольцом, из бойниц никто не стрелял. Было очевидно, что укрывшимся уже нечем защищаться, оставалось только выскочить и пустить в ход свои мечи и сабли. Но тогда их легко перестреляли бы на месте.

Вдруг стрелы посыпались дождем, нападавшие даже толком не поняли, что происходит, они начали падать один за другим. И как только увидели летящих стрелой мехкарий во главе с легендарной Малх-Азни, сразу же рассыпались кто куда – кто успел, добежал до леса, а многие полегли на месте.

Спасенные вышли из башни, пошли навстречу своим спасителям.

Малх-Азни взволнованно искала среди них Иштар и Дику, сердце гулко забилося в груди. Вот они, наконец, показались, радостно побежали к ней. Женщина до последней минуты не верила в такое чудо, теперь еле сдерживала свои чувства. Мехкарий, не дожидаясь разрешения баччи, с радостными возгласами встретили своих подруг.

Только сейчас Малх-Азни обратила внимание на воинов, молча наблюдавших за счастливым воссоединением семьи. От них отделился зрелый мужчина крепкого телосложения.

– Малх-Азни, вы только что вырвали нас из когтей смерти! Если бы не вы... спасибо вам огромное! Пусть Всевышний благословит тебя и твоих мехкарий!

– Не стоит благодарностей, мы ничего такого не сделали! Это вам спасибо! И благодарности заслуживает совсем другой герой!

Мужчины недоуменно переглянулись.

Малх-Азни обратилась к Алмазу.

– Алмаз, твой лохматый друг привел нас к вам на помощь, так что, все почести только ему...

Женщина рассказала о ночном визите стаи, об их вое под открытым небом, о том, что Белый был настойчив и добился понимания. Слушатели лишь удивленно цокали, восхищаясь умом и смекалкой вождя белой стаи, верного друга Алмаза. А он с гордостью выслушивал комплименты в адрес своего белого побратима.

Иштар, в свою очередь, представила Маккала и Зелимхана, вкратце поведала о своих злоключениях.

– Малх-Азни, мы сразу же узнали тебя, – заговорил Маккал. – Мы не знаем, что изменилось на нашей земле за восемнадцать лет нашего отсутствия. Но одно то, что увидели прежнюю Малх-Азни, такую же храбрую и отважную, рождает уверенность в том, что на родине все благополучно.

Предводительница амазонок залилась смехом.

– Маккал, Зелимхан, мы всегда останемся теми, кто мы есть, пока стоят эти седые горы. Но сегодня ситуация изменилась – новоявленные лже-кьонахи стали отворачиваться от нас, как от прокаженных. Они диктуют свои условия жизни, пытаются заменить кодекс чести нахов. Изменения начали с женщин.

Ее слова больно обожгли двоих друзей.

– В таком случае, их ждет печальный конец!

– Всю правду вы узнаете в Нашхе. Нам дали понять одно – в нас больше не нуждаются. Людям, алчущим власти, чувство благодарности не свойственно, ибо в основе стремления к власти лежит чувство противоположное – чувство собственного превосходства, – заключила Малх-Азни. – А теперь прошу простить меня, мы должны вернуться до заката солнца. Если вы больше не нуждаетесь в моей помощи, мы расстанемся, с вашего позволения!

– Спасибо, Малх-Азни, вы и так для нас сделали больше, чем надо!

– Тогда прощайте! Пусть ваш приезд будет благословенным!

– Счастливого вам пути!

Наши герои проводили воинственных дев восхищенными взглядами.

Час расставания оказался тягостным – молодые сурхои заметно приуныли. Но вскоре они тоже пустились в путь.

Их звала Нана-Даймохк.

Малх-Азни не преувеличивала, она сказала правду.

По прибытии в Моцкарой они воочию убедились в правоте ее слов.

Акбулат, отец Тархана, поведал гостям о странных переменах, произошедших в последнее время в их обществе, военное положение и устрашающие слухи о вражеской силе ввергли людей в панику, какие-то доселе неизвестные люди сеют смуту, ловко манипулируют старейшинами родов. В Моцкарое друзья застали Ширдага, он как раз приехал за военной подмогой – на фронте катастрофически не хватало воинов.

Нашху они нашли в предсмертной агонии.

Нашха была не простой горной страной. Нашха являлась сердцем всех нахов, ее сухожилия служили связующим звеном и духовно-нравственным регулятором – она стала консолидирующим стержнем всего народа.

Нашха была родоначальницей многочисленных тейпов, отсюда они брали свое начало и питались щедротами ее глубинных пластов. Потомки легендарного Турпала-Нохчо пустили прочные побеги, край расцвел, они черпали силы из нерушимого единства, ставшего оплотом братского союза могущественного рода.

Каждый день семеро сыновей Турпала-Нохчо собирались вокруг чугунного котла, собранного из семи пластин, по имени каждого из них. Он был установлен в самом центре площади и считался самым священным местом. Братья-богатыри угощались из общего котла, завтракали, обедали, ужинали вместе. Котел стал символом их единства.

Аул изменился до неузнаваемости: всегда прежде настезь распахнутые двери теперь закрыты на засов, на узких улицах ни души, не слышно веселого гомона неугомонных детей, домашние животные и те притихли, только собаки остервенело лают за изгородями.

Маленький отряд, сохраняя молчание, вступил в опустевший аул.

Отяжелевшее мрачными мыслями хмурое небо бессильно припало к земле. Небо выплало свое горе по людям и, подняв еще влажные от слез облака на вершину гор, чуть просветлело, приветствуя гостей.

В самом живописном уголке природы расположился майдан аула. Красоту и величие этой местности придавал священный котел семи братьев-богатырей. Но сегодня майдан осиротел – ни котла, ни людей.

Макал и Зелимхан решили первым делом навестить главную святыню нахов, но так и замерли на опустевшем майдане, потрясенные и подавленные. Столетиями горевший священный огонь в очаге погас, от него остался всего лишь пепел. Стальные арда-цепи, на которых клялись в верности стране и народу нахов, валялись тут же на пепле, надломленные и почерневшие от людского клятвopеступления.

До этого момента друзья не верили своим ушам, теперь они молча взирали на жестокую реальность. Молодые сурхои тоже стояли ошеломленные, только варвары могли сотворить такое кощунство, глумиться над самым сокровенным достоянием Нашхи. Обида, а затем гнев охватили воинов, сердца их зывали к мести, им не терпелось найти преступников и учинить над ними расправу.

Маккал и Зелимхан позвали разгневанных юношей.

– Леча, Кюри, Арзу, соберите цепи. Тархан, Алмаз, поднимайте гранитный столб и поставьте на прежнее место.

Молодые люди бросились исполнять поручения.

– Зелимхан, друг мой, где-то здесь должен быть железный колокол, что предупреждал о наступающей опасности, поищи его.

Зелимхан нашел его в почерневшей золе, выкатил железный круг, еще раз пошарил в грудe пепла, нашел крючок, вдел его обратно в пластину, повесил на прежнее место. Круг качнулся в воздухе, словно маятник от часов.

– Макал, лучше бы умерли там, на чужбине, чем увидеть такое! – дрогнувшим голосом произнес Зелимхан, слезы градом катились из его глаз, он даже не старался скрывать их.

– Не говори так, друг, мы не вправе нарушить клятву, данную на арда-цепях – защищать Даймохк, быть рядом и в горе, и в радости! Смотри, угли в потухшем

очаге еще тлеют, достаточно одной искры, чтобы снова зажечь огонь в очаге предков. Мы не можем допустить, чтобы какая-то свора обезумевших собак за какие-то два-три года разрушили все то, что с такой любовью строили наши предки – адаты, обычаи, традиции. Нет, не быть этому!

С высоты священной горы, словно с небес, перекатываясь от одного склона к другому, кубарем скатился вниз оглушающий перезвон. Монотонные удары разбудили спящий аул, пробудили разум, затерявшийся в хаосе зависти и ненависти, вернули мужество, покинувшее одичавшее пристанище, силу духа. Арда-цепи били в железную пластину, настойчиво призывая людей на священную гору отцов.

Народ поспешил на майдан, настороженно, недоверчиво озираясь вокруг. И стар, и млад, словно призраки, длинной вереницей потянулись к забытой поляне.

Вскоре вся площадь наполнилась людьми. Толпа выжидающе замерла, страх неизвестности обуял присутствующих.

Маккал выступил перед оробевшими земляками с речью.

Маккал не только произносил речь.

Нет.

Маккал вершил правосудие с высокой трибуны, он был и обвинителем, и судьей на этом собрании.

– Ладно, один или два человека сошли с ума, десять – потеряли мужество. Но как может целый аул, все тейпы-тукхумы разом лишиться рассудка? Вы не смогли остановить своих старейшин, повадившихся на пир к Тимарке, того самого Тимарки, которого Мехк-Кхиэл обвинил в самых позорных деяниях! Значит, вся вина за сегодняшнюю трагедию лежит на вас, безответственных и равнодушных невеж! Куда девался священный котел потомков Турпал-Нохчо?

Односельчане понурили головы. Кто-то подал неуверенный голос:

– Разобрали по пластинам!

– Кто разобрал? – Маккал кипел от ярости.

– Старейшины рода.

– Сколько их было?

– Семь.

– А вас сколько? Что вы делали, когда они чинили такое варварство? Вы стали посмешищем в глазах наших врагов. Границы наших земель открыты для захватчиков, вы прикинулись глухими на зов помощи, спрятались в своих башнях, как трусливые зайцы! Зачем тогда Акбулат и его сыновья воздвигли боевые башни, разве перевелись Кьонахи, готовые прийти на помощь при первом же зове Даймохк-Наны? Вы поверили словам Шамшука, развесили уши, слушаете сладкие побасенки Тимарки и его коварного гостя, Цхогала. Мудростью старейшин Мехк-Кхиэл пренебрегли, Талисмана Гор, Иштар, самым коварным образом продали, унизили мехкарий, оскорбили отважную Малх-Азни! Чего вы еще ждете, самое худшее уже произошло?! Что у вас осталось, чего ожидаете? Как вы собираетесь жить дальше? Будете плодить рабов? Серые горы никогда не примут раболепство, свободолюбивые горы не позволят прижиться потомкам рабов – они отторгнут их в самом зародыше!

Маккал перевел дух, чтобы немного успокоиться.

Никто не решался нарушить мертвую тишину майдана.

Маккал был прав. Они страшились этой правды, избегали встречи с ней, вот

почему они старательно обходили стороной это священное место.

А Маккал имел полное право избобличать их в малодушии.

Маккал был Кьонах, достойный потомок достойных предков! Он заслужил право говорить от лица народа примером собственной жизни, в самое трудное время для родины он показывал невероятные чудеса мужества и храбрости на полях сражений, в мирной жизни выделялся трудолюбием, благородством. И душой, и телом он был преданным слугой страны и народа.

Маккал словно прочитал мысли односельчан и продолжил речь:

– Я знаю, вы уже давно не собирались на этом самом месте, совесть не позволяла... Вы же не станете утверждать, что не видели или не понимали происходящего вокруг! Вон стоит Ширдаг, он прискакал с линии фронта за подмогой, а вы даже ухом не повели, когда он взывал о помощи. Вы презрительно повернулись к нему спиной... Ну, конечно, какой он для вас герой, авторитет? Ведь он потешал ваших детей, развлекал их клоунадой. А кому поверили? Тимарке, его подлому гостю, которого прокляло само небо! Поверили Шамшуку, посмевавшему выставить на торги нашу землю, продать вас с потрохами за гроши! Как раз за такую цену – гроши, которую вы сами же себе и набили. Вам сказали, если вы без сопротивления, добровольно уступите им свои земли, то рог изобилия и счастья так и засыплет ваши дома, семьи... И вы поверили этим сказкам, как дети малые... Мы с Зелимханом насмотрелись на людей, народы, которые наслаждаются результатами подобных сказок – море крови, невольничьи рынки, рабство, нищета, голод, горькая доля изгнанников... Власть питается из двух источников – чувства превосходства и чувства угодливости. Власть без опоры – фикция, власть без противодействия – тирания! Вы позволили кучке подонков прорваться к власти и питаться вашим малодушием, вы не дали отпор и помогли этим преступникам установить тиранию над собой... Астамар и его немногие воины проливают кровь за вас всех, а вам все нипочем. Считайте, что вы отдали родную землю этим узкоглазым захватчикам без всякого сожаления, не утруждая ни себя, ни врага. Вы не заслужили эту прекрасную страну! И не впрок вам грудное молоко ваших матерей!

Речь Маккала возымела свое действие.

В тот же день вернулись ничего не подозревающие старейшины родов. Аульчане освободили их от высоких званий, отобрали у них пластины, отдали кузнецу, тот за пару часов восстановил прежний вид священного котла.

На второй день майдан снова заполнился народом – воины в полном боевом снаряжении встали в ряды. Каждый сурхо подходил к родовому котлу, чуть притрагивался к ритуальной еде, затем произносил клятву верности Даймохк-Нане, держась за арда-цепи. Многочисленный отряд во главе с Маккалом поспешил на помощь к Астамару.

Нашха ожила, воспряла духом.

Пряный аромат паров, поднимающийся от родового котла, приятно распространился по всем окрестностям, природа проснулась от затянувшейся депрессии, все живое потянулось к священному зиярату.

Турпал-Нохчо снова расправил плечи на своем пьедестале!

Бессмертный очаг отцов наполнился огнем, он громко трещал, горячее пламя с благоговением воздевало свои огненные руки к небесам, веселые искры салютовали свою победу.

Снежные вершины седых старцев, столько времени пребывающих в великой скорби по своим непослушным детям, вышли из густого тумана облаков – траур прошел, горы засияли солнцем, сверкая алмазной короной вечных снегов.

Глава 10

Последний бой

Магас пал.

Но пал геройски. Врагу пришлось заплатить дорогую цену за эту победу. А победа врагу была нужна как никогда – нахи должны были ответить за ту пощечину, которую они вlepили ему пятнадцать лет назад. Ни одна страна, ни один народ не остался безнаказанным, монголы жестоко карали непослушание.

Три месяца продолжалась осада Магаса.

Узкоглазые захватчики, словно крысы, беспрерывно лезли на стены неприступной крепости. Их самое сильное оружие – камнемет, был бессилён против гранитных стен. Аланы на этот раз основательно подготовились к незваному гостю. Кипящая вода и масло рекой лились с бастионов прямо на головы упрямых стенолазов. Защитники крепости метали каменные ядра из тулгад⁴, которые наносили ощутимый урон вражеским рядам.

Магас спалили дотла.

Но, прежде чем воспламениться, он достаточно спалил ненавистного врага, от этих ожогов захватчики долго не оправятся.

Кровавое сражение закончилось, город пылал в огне, обволакивая чистое, ясное небо дымом и копотью. Злопамятные монголы, наконец, свели давний счёт, и не без помощи продажных аланских феодалов.

Особо отличился алван⁵ Матарша.

Несмотря на две тяжёлые раны, он рвался в бой, изо всех сил пытаясь угодить новым союзникам. От своего воеводы ничуть не отставали и другие предатели – Агачи, Хан-ху-си, Хурдуда, Бадур и другие. Они жаждали богатства, положения, власти, и все это они могли заполучить только из барских рук монголов. Мерзкие изменники заранее подготовили почву для принятия «дорогих гостей».

От великого города Магаса остались только руины. Разрушили, разграбили, стерли с лица земли. Снегу и дождю понадобятся столетия, чтобы смыть всю эту золу и копоть с благодатной земли нахов-аланов, следы жестоких боев ещё долго будут напоминать о кровавой пляске дьявола, чёрные силы зла будут витать над спаленной крепостью.

Вместе с падением Магаса геройски пал и храбрый Роксалан-Бахадур, последний правитель Алании. С его смертью ушло в небытие сильное государство, служившее для Византии надёжным щитом от диких варваров, обосновавшихся в прибрежных районах Чёрного моря. Его конец положил начало анархии – по всей территории бывшей Алании прокатилась волна хаоса.

Гиены пожирают тушу своей добычи, не добывая его, бедное животное медленно умирает в муках предсмертной агонии. С такой же жестокостью и жадностью приступили к разделу своей добычи и монголы, они огнем и мечом прошлись по земле аланов, утоляя жажду крови и наживаясь огромным состоянием.

Многие мечтали стать хозяевами этого прекрасного края.

Но, как говорится, мечтать не вредно!

Дети этого самого края и не собирались принять в свою семью чужеродного отчима, они были готовы биться насмерть за каждую пядь Земли Отцов – Даймохк.

Теперь войско монголов стояло на подступах к горам, здесь они решили

развернуть фронт и за считанные дни расправиться с непокорными горцами.

Но не тут-то было, их план быстрого покорения края оказался провальным, от былой самоуверенности захватчиков и следа не осталось, ее как ветром сдуло. Перед непрошенными гостями возникли скалистые великаны – горы с усмешкой взирали на незадачливых чужаков с высоты небесных облаков. Густые, непроходимые леса угрожающе зашелестели зелеными кронами, одна из снежных вершин предупреждающе спустила громадную лавину, сметая все на своем пути. Быстротечные реки с ревом бросались на врага, они были готовы проглотить его и унести на самое дно бешеного водоворота. Непроходимые топи задрожали зеленой трясиной, болото громко выдохнуло торфяной газ, угрожая упечь в свое ненасытное чрево любого, кто осмелится приблизиться хоть немного к его территории. Гранитные утесы орлиным полетом взвились над вражескими головами. Со склона ближайшей горы на них с огромной скоростью, перепрыгивая террасные барьеры, полетела каменная глыба, по пути увлекая за собой меньших собратьев. Монголы в панике отпрянули назад, давя друг друга, горное эхо насмешливо вторило их испуганным воплям.

И вдруг все затихло, монголы встали как вкопанные, суровая природа затаилась. Казалось, они приглядываются друг к другу, примериваясь. Над ущельем повисла зловещая тишина, удручающая пауза нагнетала страх, в ней таилась неизбежная опасность, будто перед ними разверзлись темные ворота в подземное царство мертвых.

Затянувшаяся пауза, словно гипнотический взгляд голодного удава, ввергала каждого в неопикуемый ужас, покрывая все его тело холодной испариной.

Первыми не выдержали чужаки. Монголы задвигались, отошли в безопасное место, расположились лагерем на ровной местности.

Да, им достался достойный соперник. Сама природа-мать на его стороне. Проще простого рубиться на ровном поле, а вот попробуй пройти через узкие проходы горных ущелий, карабкаться по остроконечным утесам, пробираться через дремучие леса.

Да еще им пришлось столкнуться с новой военной стратегией – абречество измотало их непрерывными набегами. Нахи не давали им покоя ни днем, ни ночью, нападали внезапно и также исчезали. Казалось, леса и горы кишат привидениями и духами.

Но монголов было неисчислимо много, и это давало им преимущество. Сколько их ни уничтожай, они все прибывали и прибывали.

Астамар тяжело уселся на землю, растянулся под сенью молодого деревца. Молодой баччи устал до изнеможения.

Последние события, которые произошли в его стране, все, что ему довелось увидеть и услышать, сильно сказались на молодом человеке. Он был подавлен, безысходность выбивала из колеи. В военном положении их главная сила состояла в единстве и целостности народа, многочисленные тайпы-тукхумы мгновенно объединялись и наносили сокрушительный удар по врагам. Но теперь ситуация в корне изменилась, нет былой мобильности, многие старейшины родов предпочли остаться в стороне, наивно надеясь на милость монголов. Мудрую голову нации, Мехк-Кхиэл, отстранили от дел, его перестали слушать, а если голова мертва, то и туловище безжизненно и недееспособно.

За короткое время Шамшук успел разбросать семена зла, и они, как пырей, пустили корни. Как раз началась война, самая благодатная почва для всходов ядовитых зерен. Война дала волю жестокости, алчности, разбудила в человеке инстинкты дикого зверя.

Астамар чувствовал, что в рядах воинов зреет недовольство. Остатки войск, что присоединились к его дружине после разгрома аланской армии, без предупреждения ушли в неизвестном направлении. Военная дисциплина дала трещину, а это неминуемая гибель даже для самой сильной армии.

Связной принес плохие вести. К этому времени подошел и Тахир.

– Баччи, Тимарка со своими людьми ушел в горы. По данным нашей разведки, он встречался с монголами, о чем-то с ними договаривался, судя по их дальнейшим действиям, они сообща намерены окружить нас. Да, и еще, наш отряд напоролся на Шамшука и его сообщников, они притаились недалеко от лагеря, видимо, наблюдали за нами. Им удалось бежать, но в спешке они забыли вот этот хурджин. Кажется, он принадлежит Шамшуку или Цхогалу, который неотлучно находится рядом с ним.

Связной протянул военный трофей, там лежали самые необходимые дорожные вещицы, какие-то пузырьки, скорее всего с ядом, и свернутый в трубочку пергамент. Астамар развернул его, он был исписан мелким почерком на латыни.

– Что это за каракули? – округлил глаза Тахир.

Астамар пробежал его глазами, ухмыльнулся, затем слегка кашлянул, поправил голос.

– Хочешь послушать?

– Конечно, – Тахир уселся напротив, уставившись пронзительным взглядом на кусок пергамента в его руках.

– «Брат мой! Будучи осведомленными о трудах на поприще строительства государственности, мы желаем дать тебе несколько советов, прими их без обид, ибо они продиктованы заботой о благе твоём.

Государь подобен многоопытному пастырю, неустанно бдящему за стадом своим. Веди свое стадо так, дабы у овец оставалась надежда на лучшую жизнь впереди. Слова, обращенные к пастве, должны содержать увещевания воздерживаться от страстей, но поступать исключительно от здравого смысла. Умелое управление – не искоренение страстей, ибо это – дело безнадежное, но сдерживание их, что вполне возможно и достигаемо в разное время разными способами, один из которых – создание иерархии, дабы обеспечить рвение в служении тебе. Пусть преимущества высших должностей подстегивают трудолюбие низших и вынуждают их быть преданными высшим. Но никогда не выдвигай на высшие должности достойных! Излишне умные чиновники приносят больше вреда, чем пользы престолу, ибо в стремлении неустанно улучшать дела они доходят до того, что престол оказывается излишним.

Господь наш Иисус сказал: «Не судите на лица, но праведный суд судите». Справедливо чиновникам твоим воздерживаться от всякого взимания поборов, дабы в государстве не возросло, подобно опаре, злое стяжательство. В последнем случае преимущества, даруемые из твоих рук, окажутся менее очевидны, чем поборы, и теряется ценность иерархии.

Народ не должен быть настолько свободен, чтобы вольно высказывать свои суждения и поступать как ему заблагорассудится. Народ должен быть постоянно озабочен и занят. Чем же? Наилучшим устройством личных дел в гораздо большей степени, чем устройством дел государственных, ибо интересы государства есть обязанность и право престола, в этом случае государь представляется подданным вершителем судеб и обретает в глазах их власть почти божественную. Занятость же народа – в беспрестанном труде, для чего надобно воздвигать как можно больше храмов и зданий.

Измена интересам государства должна быть объявлена тягчайшим преступлением, мужество – всемерно поощряться, а трусость – проклинаться. Воинов, попавших в плен не по своей вине, должно выкупать, не считаясь с расходами – это прекрасное средство выказать себя заботливым правителем.

Людей сближают общие цели, как братьев роднит кровь. Ничто не придает самодержавию большей судьбоносности в глазах подданных, чем угроза войны. Посему следует беспрестанно готовиться к войне.

Великому народу – великая религия! Благословляющая, прощающая, поощряющая, наказывающая, проклинающая, уговаривающая, стыдящая, воздающая – она властвует над душами людей и будучи слита с силой закона, удесятерит твои возможности...»

Астамар сразу же переводил текст, Тахир слушал, раскрыв рот от удивления.

– Кому адресовано это письмо, неужели Шамшуку? И кто дает эти абсурдные советы? – спросил он.

Астамар улыбнулся.

– Нет, не Шамшуку. Мне знаком этот текст, копию этого письма я читал в архивах моего друга-летописца, который служил личным секретарем у правителя Алании Роксалана-Бахадура. Его сотни лет назад написал император Византии Константин хазарскому кагану Ибузиру, когда только-только зарождалась государство Хазария. Император имел свои планы насчет будущего хазар и пытался наладить с ними союзнические отношения, даже сына Льва женил на сестре Ибузира... Так что, это письмо от давности заросло бурьяном.

– Значит, еще не заросло, раз его Шамшук прилежно изучает, – хохотнул Тахир. – Ишь ты, губу-то как раскатал – стать единоличным правителем Нашхи! А советы императора чего стоят?! Прямо песня, хоть дудой подыграй!

– Скорей всего, Цхогал его подбивает на такую авантюру, вот и преподнес ему эту премудрость, ведь он потомок этих самых хазар.

– Спелись, значит, новую Хазарию задумали построить, тьфу ты! – в сердцах выругался лучник. – Послушай, Астамар, ты можешь отдать мне это письмецо?

Тот пожал плечами.

– Зачем тебе?

– При первой же возможности, как только встречу Шамшука, на кончике своей стрелы запущу это посланье в него! Я не промахнусь, можешь не сомневаться.

– Оно твое, бери! – протянул тот помятый пергамент.

Тахир, возбужденно им помахивая и продолжая чертыхаться, зашагал к лагерю.

Астамар снова углубился в свои размышления.

Информация связного ничуть его не удивила.

Тимарке он никогда не доверял, особенно после того, как его уличили в работорговле. Но в момент опасности для родины, военной угрозы, все обиды, обвинения, кровная месть и междоусобные распри отодвигались в сторону. Враг был общий, защищать землю отцов, женщин, детей, стариков – священный долг каждого. Из обихода уходили такие различия, как род, тейп, тукум, село, семья. Строго подчеркивалось – «наша земля», «наш народ», с обязательным местоимением «наш».

Таков был порядок военной дисциплины.

Порядок, нарушить который не удалось ни одному врагу, который стал движущим регулятором внутреннего, духовно-нравственного стрелы.

Но мир устарел, устарели и его порядки, он требовал новых реформ –

человеческий разум переходил на новый уровень своего развития. Мудрые народы, с более развитым самосознанием, безболезненно переживали смутные времена, когда мир менял свое обличье. Они, подобно малышу, что делает первые шаги, с предельной настороженностью, полагаясь на проверенное жизнью чутье, вступали на шаткую почву нового света. При этом сохраняли свой внутренний стержень, с осмотрительностью, граничащей с фанатизмом, принимали правила меняющегося мира. Дорожили своими лучшими достижениями, позволяли укорениться приемлемым установкам жизни, старались гармонично влиться в общее русло мироздания. Не кичились своей особенностью, не лезли на рожон – хватило мудрости занять золотую середину. Народы, сумевшие выстроить такую схему выживания в сложных перипетиях мировых катаклизмов, и достигли желанных высот нового уровня человеческой цивилизации.

Для того чтобы выдержать непосильное бремя неустанной борьбы за достойное место на этой земле, помимо пронизательного ума и всеобъемлющей мудрости, необходимо было, что не менее важно, единство нации, нерушимый союз племен.

Как только рушилось здание единства, начинала растлеваться и его основа. Каждый сам по себе, каждый считает, что правда на его стороне. Ослепленные собственным величием и правотой, они начинают творить зло, прикрываясь ложным благодушием: в адатах, что служили на благо народу, ищут свою выгоду, стараясь придать им другой, выгодный для себя, смысл. А если это не удается, вносят поправки, чтобы оправдывать свои преступные деяния перед обществом.

Астамар часто задумывался над последним разговором с Алдамом. Слова правителя Нашхи оказались пророческими, он как будто предвидел будущее.

Стали приниматься самые неприемлемые, чуждые народу нравы и принципы.

Интриги, сплетни одержали верх над благородной сдержанностью, терпение которой было сродни вершине самой высокой горы.

Начались распри, появились зависть, месть, дикие нравы освободились от булатных оков и закружились в победной пляске.

Яд, примешанный Шамшуком в жертвенную еду на святилище Нашхи, начал действовать – он положил начало раздору среди старейшин Мехк-Кхиэла, посеял недоверие, растоптал священный очаг предков.

Шамшук недолго оставался в одиночестве, ряды предателей стремительно пополнялись.

Клятвенную гору осквернили лжесвидетельствами, кощунство осатаневших людей изгнало правду и справедливость.

Благородный Алдам прикован к постели, а зло разгуливает по земле нахов, набирая силы и новых преданных приверженцев.

Но нельзя допустить, чтобы бразды правления полностью оказались в руках дьявола. Надо сопротивляться, бороться пока он окончательно не овладел душами людей.

Нет, пока в нем жив дух Турпала Нохчо, Астамар никогда не сдастся на милость обстоятельствам, разрушающим святыню его предков. Он исполнит свой долг перед родной землей, перед народом, который доверил ему свою жизнь, судьбу Нашхи.

Словно пытаясь отделаться от горьких мыслей, Астамар сильно сжал виски, качнул головой. Затем окинул взглядом просторы необъятной родины, прекрасную долину, величавые горы, вдохнул живительный воздух родной земли.

Ну как можно отдать эту красоту варварам на растерзание?!
На какие весы положить честь, что выше всякой жизни?
Невозможно мерить честь, нет таких весов!
По крайней мере, не было до сих пор.
Вполне возможно, уже начали ломать голову над их изобретением.

Жестокий бой, начавшийся с самого утра, затянулся до вечера.

Нахи понесли ощутимые потери. В последнее время воины и так были истощены и измождены до предела, и этот бой они выдержали исключительно благодаря невероятной силе духа. А численность врагов все не уменьшалась, они вырастали словно грибы после дождя. Наконец, из вражеского стана послышался протяжный звук, военный сигнал к немедленному отступлению – монголы тут же очистили поле сражения. Была объявлена временная передышка.

Воюющие с обеих сторон получили возможность унести тела своих убитых, залечить раны, набраться сил для нового боя.

Боже, сколько же их! Нет им ни начала, ни конца, земля кишит ими, словно муравьи в огромном муравейнике. На плоских, непроницаемых лицах даже усталости не заметно, все упрямо лезут и лезут в бой, хладнокровно перешагивая через горы трупов своих соплеменников.

Но не видать им земли нахов, как собственных ушей, не на тех напали!

Они получают достойный отпор, как бы много их ни было, им не пройти через эту гору. Не пройдут, пока хоть в одном из воинов Нашхи теплится жизнь!

К несчастью, всеобщая военная этика нарушена, политические противоречия между странами перечеркнули все, нет места военной доблести и чести.

Астамар пригласил военачальников для совещания.

Положение дел было из рук вон плохо. Тяжелораненых необходимо было срочно перевезти в ближайшие поселения, продукты и оружие были на исходе.

– Если дела и дальше пойдут так, то продержимся от силы день, но не более...

– Путь к помощи отрезан, он в руках монголов...

– Тимарка, будь он проклят, услужил врагу...

Астамар поискал глазами Тахира.

– Он готовится к завтрашнему бою, – объяснил его отсутствие один из его юных лучников.

Тахир не участвовал в публичной демонстрации экзотичной пленницы Висы. Старый лучник с озабоченным видом подсчитывал наконечники стрел. За один день боя он заметно осунулся, на впалых щеках залегли глубокие складки, усиливающие выражение жесткости. Заметив Астамара, он встал, выпрямился во весь свой богатырский рост.

Баччи поглядел на ворох стрел, рядом небольшая кучка наконечников.

– Много насчитал? – спросил он.

– Не густо, – тяжело вздохнул Тахир. – Колчаны опустели, не знаю, что и делать, самые необходимые наконечники, считай, почти закончились, а ведь они нужны нам сейчас, как никогда, – развел он руками.

Лучники отравляли наконечники боевых стрел змеиным ядом, особенно когда они готовились отразить агрессию чужеземных захватчиков вроде монголов. Для этой цели в горах в естественных условиях содержались своего рода фермы ядовитых змей, которых доили люди, специалисты этого ремесла. Такие люди освобождались от обязательного участия в сражениях, они поставляли яд для всей армии и были известны как дояры змей. Запрещалось ранить отравленной

стрелой внутреннего врага – наха или кого-либо из соседнего племени.

– Я посылал гонцов за ядом, но они вернулись ни с чем – дорога под контролем врага... Ну, Тимарка, попадись ты мне! – от злости Тахир заскрежетал зубами.

– А сколько у тебя лучников?

– Очень мало, Астамар... после завтрашнего боя никого не останется, – из его могучей груди вырвался тяжелый вздох. Тахир надел перчатку с кожаными футлярчиками для пальцев – большого, указательного и среднего, от которых шли кожаные тесемочки и перевязывались у запястья, что служило защитой для пальцев. Сильно натянул тетиву, прицелился в ближайшее дерево, пустил стрелу.

– Тетива никуда не годится, – недовольно пробормотал Тахир. Затем повернулся к Астамару, молча наблюдавшему за его движениями, положил сильную, тяжелую руку на его плечо.

– Астамар, я тебе в отцы гожусь, но я тебе не советчик – ума и мудрости у тебя предостаточно. Благодаря твоей военной прозорливости мы довольно долго удерживали наши позиции, тебе удалось то, что было бы не под силу никому из нас... Для нас, воинов, было огромной честью сражаться под твоим началом! Завтра состоится последний бой, но каждый из нас готов сложить голову за родную землю, за свободу и честь, что дороже сотни жизней!

– Благодарю, Тахир, в вашей доблести и отваге я никогда не сомневался. Постарайтесь выспаться, а завтра поглядим, что нам судьба уготовила... Спокойной ночи!

Астамар еще раз обошел свое маленькое войско, поговорил с каждым из военачальников, сказал ободряющие слова воинам, вернулся к своему ночлегу и тоже прилег отдохнуть.

Звездная ночь укутала изможденных воинов своим темным покрывалом, но оказалась бессильной убаюкать их и заставить забыться мертвым сном. Нахи провели эту последнюю ночь перед боем в тревожной дреме. Но ни один не показывает свой страх, никто не сетует, не жалуется. Каждый сурхо готов жертвовать своей жизнью, пролить кровь за родную землю. Они клятвенно заверили в своей решимости дорого отдать жизни во имя свободы, погибнуть во имя других жизней.

Солнце распростерло свои лучи над долиной смерти и озарило его кровавой зарей. Красное зарево грузно оторвалось от содрогающейся земли и разлилось пурпурной краской по зеркальной глади небосвода.

Нахи встали в широкий круг и начали свою боевую пляску, которая вдохновляла воинов на смертный бой. С каждым кругом они входили в экстаз, дружные выкрики оглашали долину, взрываясь единым кличем:

– Арс-вай!

– Арс-тох! – кричали разгоряченные сурхои.

Вот так, ни на минуту не сбавляя темпа боевой пляски, громыхая ударами о щиты мечами-кинжалами, они стремительно приближались к противнику. Земля вздрогнула, услышав знакомый гул монотонного топота ног – предки этих воинов столько раз исполняли этот военный ритуал, что можно было наполнить котловину долины пролитой ими кровью. С каждым ударом ноги о твердыню почвы, с каждой каплей пота, с каждым вдохом мать-земля передавала им живительную энергию нахов, пропитанную ею на протяжении столетий, и заряжала отважных воинов бессмертным духом их отцов-турпалов.

Монголы не первый раз видели боевую пляску своего противника, но и теперь, как завороченные, наблюдали, как нахи иступленно кружились в вихре пляски. Внезапно они разорвали круг, в мгновение ока рассыпались и, построившись в порядке, называемом «макажа», бросились в атаку. Воины острым клином врезались во вражеский строй, рассекая его надвое, зашли с тыла и стремительно окружили зазевавшегося врага.

Устрашающие воины-шишалы⁶, с диким улюлюканьем размахивая увесистыми палицами и дубинами, наводили ужас и панику на захватчиков.

Монголы опомнились и под гневными окриками своих военачальников ожесточенно ринулись в бой. Надо отдать им должное, монголы были умелыми и бесстрашными воинами. А как же иначе, ведь они проехали и завоевали полземли? Спят, едят на ходу, не проходит ни дня без войны, без сражений.

Но нахи ничуть не уступают в воинской доблести, им еще больше сил придает борьба за правое дело – они защищают свою землю, свой народ, отстаивают свою свободу и независимость.

Но... враг намного превосходит их в численности, монголы прут как муравьи.

Астамар ни на секунду не замедляет удары меча и в то же время краешком глаза следит за полем боя. Его воины дерутся отчаянно, нещадно рубят направо и налево. Тахир со своими лучниками орудует булатными мечами – стрелы давно кончились, и они взяли за другое оружие.

Нет, какие бы чудеса храбрости они ни показали, им не одолеть многочисленного врага – в полдень все кончится.

Помощь пришла, когда ее совсем не ждали. Воины из последних сил сдерживали натиск многочисленного врага, спекшаяся кровь затуманивала глаза, в ушах звенело, во рту пересохло, обезвоженные и истощенные, они бессознательно размахивали мечами.

И вдруг раздались восторженные голоса воинов. Воспаленный разум Астамара уловил всего лишь три слова:

– Малх-Азни!

– Иштар!

– Мехкарий! Мехкарий!

Нахи воспрянули духом и с новой силой рванулись в бой – мехкарий вдохнули в них мужество и открыли второе дыхание.

Рядом с Астамаром оказался мужчина исполинской силы, он прикрывал собой уставшего военачальника, беспощадно рубил врага вправо, влево, кровь брызгала вокруг него фонтаном.

– Астамар! – сквозь шум боя выкрикнул он. – Скоро Гаюр-Хан со своим войском будет здесь! Надо бы чуть продержаться, и победа будет за нами! Давид тоже в пути, с ними наши братья-грузины!

В самый разгар боя вихрем налетевшие конницы Гаюр-Хана и Давида завершили исход сражения. Монголы оказались в собственной ловушке, они моментально сориентировались и спешно начали отходить, но путь к отступлению перерезало внезапно появившееся войско.

Астамар с первого взгляда узнал их предводителя.

– Аслан! – так и охнул он.

Астамар собственными глазами видел, как Аслан подбежал к раненому отцу, Роксалан-Бахадуру, и тоже упал рядом, сраженный вражеской стрелой. Они не были близкими друзьями, но Астамар глубоко уважал благородного и великодушного принца Алании. Теперь он был безмерно счастлив, увидев его живым и здоровым.

Бой закончился.

Кровавое месиво заполонило всю долину, долина задыхалась, ее тошнило от терпкого запаха человеческой крови. Она пропиталась ею более чем достаточно, земля с отвращением отторгала чужеродную кровь монголов.

Бедная земля, она содрогнулась от человеческой жестокости!

И без того выжженная летней жарой она изнывала под тяжестью распластанных мертвых тел. Небо сжалилось над ней, оно наслало тучи, наполненные спасительной влагой, и разрешилась обильной дождевой водой.

Астамар узнал воина, который бок о бок с ним рубил врага. Наши герои рассказали ему о своих приключениях, и он вспомнил Маккала и Зелимхана.

Как не помнить? Об их дружбе и отваге слагались легенды, он с детства был наслышан о подвигах двух друзей.

Воины Маккала и Малх-Азни, спешно направлявшиеся на помощь Астамару, встретились в пути и дружно напали на отряд Тимарка, охраняющий вместе с монголами горный хребет. Рядом с ним был и Шамшук. Внезапное нападение застало врасплох предателей, Тимарке больше повезло, он был убит на месте. Шамшук попытался сбежать, но Маккал настиг его, однако оставил в живых – пусть Мехк-Кхиэл вынесет приговор изменнику.

Аслан собирал остатки своих войск и случайно наткнулся на отряд Гаюр-Хана, он примкнул к нему, и они вместе нанесли сокрушительный удар по вражеским силам.

Наследный принц Алании лежал на земле зеленой рощи. Его лекарь, неотлучный спутник и боевой товарищ, перевязывал ему кровоточащие раны, они были глубокие, местами пришлось даже зашивать. Лекарь, как заправский портной, затягивал последнюю нить, когда поблизости кто-то позвал по имени его хозяина.

– Аслан здесь?

Услышав до боли знакомый голос, принц встрепенулся.

– Иштар!

Чья-то тень загородила яркий свет заходящего солнца, и прекрасная воительница предстала перед ним во всей ослепительной красе. Солнечные лучи, отражаясь на ее бронзовых доспехах, слепили глаза. Темные очи Иштар излучали необыкновенный свет, в них нашла обитель и надолго затаилась глубокая печаль.

Аслан так и не привык к ее неземной красоте, он залюбовался ею, еще не полностью осознавая реальность. Затем, опомнившись, попытался встать.

– Тебе нельзя вставать! – всполошился лекарь. – Раны раскроются!

– Прошу тебя, не надо! – умоляюще вскинула руки Иштар.

Их мольбы оказались тщетны – Аслан, превозмогая боль, с трудом поднялся, выпрямился и приветствовал высокую гостью.

– Добро пожаловать, Иштар!

– Живи долго, Аслан! Как твои раны?

– Какие там раны, пустяки... – молодой человек делал над собой нечеловеческие усилия, чтобы скрыть приступы боли. – Видно, судьба меня не сильно-то балует, иначе мне посчастливилось бы сложить голову в сегодняшнем бою... Что ж, придется смириться, два раза обошла меня удача...

– Не мы пишем книгу наших судеб, Аслан!

– Иштар, со слов Астамара я знаю, что с тобой произошло. Я был сильно огорчен, услышав, что враги чинили зло от моего имени, исковеркали твою жизнь, связав с моим именем... Я даже не надеялся увидеть тебя снова... Слава небесам, что вернули тебя на родину живой и невредимой... А я, как видишь, совсем потерял страну, народ...

Голос Аслана предательски задрожал, он осекся на полуслове. Жгучие

слезы брызнули из глаз, пробежали по горячей щеке, растеклись по бородке и заблестели под лучами солнца крупинками жемчуга. Последние силы оставили его, голова пошла кругом, лицо покрылось мертвенной бледностью, колени сгибались, больше не в силах удержаться на ногах, юноша медленно проваливался в темноту. Лекарь подхватил на руки обмякшее тело своего господина, уложил на землю.

Сердце Иштара сжалось от невыразимой жалости к благородному юноше. Она чувствовала, что творится в душе друга ее детства, и прекрасно его понимала. В один миг лишился родителей, семьи, родины, будущего – монголы отняли все. Не понадобилось много времени, чтобы растоптать все, чем жил он и дышал, жизнь заставила испить чашу горя до дна, не раз встретиться со смертью с глазу на глаз. Они оба изменились – жизнь постаралась. Как безоблачный сон позади осталось счастливое детство, вместо задорного огня в глазах запылал другой – огонь мести, его пламя испепеляло изнутри, перехлестывая через край.

Нет, надо беречь друга детства. Он тяжело ранен, нуждается в покое, пытается достойно держаться перед ней, но это желание оборачивается для него пыткой. Девушка бросила на изможденного друга прощальный взгляд и собралась уйти.

Но не успела ступить и нескольких шагов, как услышала вслед слабый голос Аслана, полный невыразимой мольбы и боли:

– Иштар, не уходи, прошу тебя... Вряд ли мы с тобой еще увидимся...

Она снова вернулась. Юноша больше не мог скрывать слезы, они обильно струились сами по себе. Иштар не молвила ни слова, она просто уселась рядом, взяла его сильную руку в свою маленькую, изящную ладошку. Теперь и она дала волю своим слезам. Молодые люди выплакали почти все слезы, наконец, еле успокоились.

Тишину печали первым нарушил Аслан. Он вспомнил далекое детство, слабо улыбнулся, заговорил охрипшим голосом:

– Ну вот, я второй раз заплакал перед тобой! Стыд-то какой, позор! – попытался он спрятать глаза.

– Нет, мой друг, лить слезы по общей боли и горю родины, по отцу-матери, не стыдно – это священные слезы, в них нет ничего зазорного!

Подумав, с недоумением задала вопрос:

– А почему – второй раз?

– Ты что, забыла, как в детстве мы боролись за боевое первенство?

Аслану было всего десять лет, когда он впервые с отцом побывал в гостях у правителя Нашхи. В честь приезда высоких гостей устроили праздничный турнир. В конце состязаний предложили помериться силой и маленькому принцу с его сверстником. Они лихо скакали на лошадях, метали копыя, стреляли из лука, сражались мечами. Принц проиграл, но он пытался достойно принять поражение. Но когда его юный противник снял головной убор и распустил длинные золотые кудри, он не выдержал и заплакал от обиды и стыда. Тем маленьким героем оказалась Иштар.

Оба вспомнили эту историю, развеселились.

– Ты тогда не просто плакал, ты ревел! – засмеялась Иштар.

– Да, тогда я расплакался от обиды, что надо мной одержала победу девочка... А сегодня жизнь побила, довела до кровавых слез...

– Не надо так отчаиваться, Аслан, – ласково заговорила она, пытаясь как-то утешить друга. – Для хороших, благородных людей врата нашей Нашхи всегда открыты.

– Я знаю, Иштар, вы всегда были нам надежной опорой. Скольких же людей вы приютили у себя, накормили, обогрели, дали крышу над головой! Такое никогда не забывается, и мы будем помнить это, и молиться за вас. Пусть Всевышний воздаст вам сторицей за ваше добро!

– Для тех, кто желает остаться и пустить здесь корни, мы создадим все условия, сделаем все, что в наших силах.

– Еще раз благодарю, Иштар, я понимаю, к чему ты клонишь. Да будут благословенны годы твоей жизни! Но я... не думаю, что смогу здесь пустить корни, как бы мне этого ни хотелось. Ты знаешь, я очень люблю море, с детства мечтал обойти все моря и океаны. Мой отец построил мне корабль, собирался подарить ко дню моей... нашей свадьбы... Прости, что осмелился на такую откровенность, но в глубине души я лелеял мечту показать тебе весь мир... Да вот, проклятая война разрушила весь мой песчаный замок...

Аслан прервался на минуту и, не услышав от Иштар ответа, добавил:

– А мой корабль бороздит волны Черного моря. И этот корабль – все, что у меня осталось...

Снова зависла пауза. Солнце уже садилось, времени оставалось совсем немного.

– Аслан, твою страну утопили в крови, сожгли дотла, и неизвестно, что еще нам уготовила судьба. Но ты должен помнить одно – твой народ ждет тебя, надеется. От прежнего дома у них остался только ты один, как и твой корабль для тебя. Твой народ ищет в тебе свое потерянное мужество, надежду, ты стал для них маяком в будущее. В горах тоже дела обстоят не лучше – бывшее единство пошатнулось, война и смерть разрушили привычный уклад жизни. Как бы там ни было, мы обязаны встать на ноги. Конечно, будут трудности, но мы поддержим друг друга, и тогда у нас все получится.

– Я уверен в этом, но... мне придется уехать, – Аслан был чем-то сильно озабочен, и он хотел поделиться с другом, но не решался на откровенность. Принц пытался скрыть свою слабость, боялся упасть в глазах девушки, которую он боготворил.

Наконец, с трудом переселив самолюбие, тихо выдавил:

– Монголы поставили мне ультиматум – я должен предоставить их императору войско из тридцати тысяч отборных аланских воинов... Их отправят в Китай для службы в личной охране самого императора.

– И что ты решил?

– Это плата за мир и свободу оставшихся в живых, иначе монголы расправятся с народом – людей погонят на невольничьи рынки, будут делать с ними все, что им заблагорассудится... то есть, поступят, как с пленниками...

Иштар понимала – Аслан ждет от нее слова поддержки и не замедлила с ответом.

– Ты поставил воинов в известность?

– Да, они единодушно поддержали меня.

– И когда ты собираешься в Китай?

– Бразды правления в руках монголов, я теперь ничего не решаю. Когда они скажут, тогда и покинем родину, – с грустью ответил принц.

– Аслан, ты принял верное решение, достойное правителя, – одобряюще произнесла Иштар. – Все, что мы делаем, мы делаем во благо народа. Тридцать тысяч жизней твоих воинов готовы принести себя в жертву и спасти миллионы жизней своих соотечественников. Что может быть выше

этого самопожертвования? Честь и слава аланским воинам! Ты будешь их вести, они могут быть абсолютно спокойны – твоя мудрость и мужество будет сопровождать их везде. И еще, мы можем извлечь из этого договора еще одну выгоду, помимо спасения соотечественников! – радостно воскликнула она.

– Что еще? – удивленно уставился на нее заметно оживившийся Аслан.

– Как что? В самом сердце Китая наши воины построят собственный город, разве это плохо – аланы расселятся по всему свету?!

– Я об этом не подумал, – слабо засмеялся Аслан. – Как говорится, все, что ни происходит, делается к лучшему. Судьба дала шанс, так воспользуемся им!

Иштар поднялась, тихо пожала руку друга.

– Аслан, мне пора. Меня ждут мехкарий.

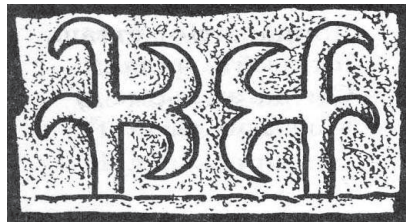
– Спасибо тебе за все, Иштар! Ты меня здорово поддержала, словно камень с души свалился.

– Прощай, Аслан, даст Бог, увидимся! Всегда будь на коне! Помни, ты – великий правитель Алании, той Алании, что живет в сердце каждого наха, твоего народа!

– И ты будь на коне, Иштар – Талисман Гор! Будь свободной!

Перевод с чеченского автора.

Окончание следует.

¹Баччи (баьчча) – предводитель, вождь.

²Кхай-комната – первый этаж башни, в которой содержали скот.

³Бавлой – чеченский тайп (букв.: строители башен).

⁴Тулгад (т1улг-1ад) – камнемет.

⁵Алван – феодал.

⁶Шишал – воин, который и своим снаряжением, и необузданной яростью должен был внушать врагу страх.

Беслан Зайнутдинов

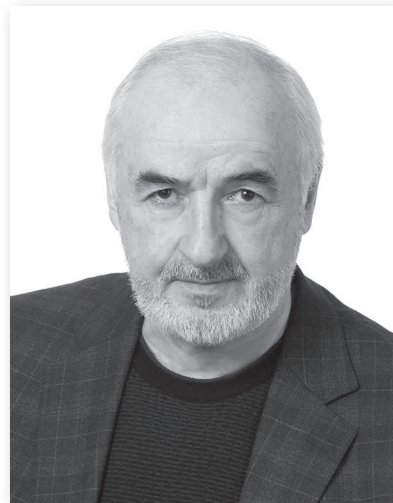
Осень жизни

Ты, жизнь, сыграй осенние аккорды,
 Смакуя запахи ушедших юных дней,
 Верни на миг волненья и заботы
 Тех дней, пред взлетом клина журавлей.
 Ты нам не «пой» про славных дел «громады»,
 что воздвигая, мы по ЖИЗНИ шли.
 Ценнее все ж людских сердец награды,
 Что добротой и совестью зажгли.
 И не ласкай нам слух притворной лестью,
 Лицо суровой правды обнажи.
 Своих соблазнов угрожая мезью,
 Вводить нас в искушенья не спеши.
 Ты ведь сама достаточно устала.
 Покой – удел, считая, лишь для снов,
 И ритмов сердца нором обуздала,
 Оставив в память клинопись рубцов.
 Так все ж сыграй последние аккорды,
 Смакуя запахи ушедших юных дней.
 Не возвращенье нам сули, а годы
 Перед полетом белых журавлей!

P.S. Что нам предписано судьбою,
 Все ж не дано преодолеть.
 Нам бы здоровье приберечь
 Для предстоящих новых встреч!

*Ученым 90-х годов
 посвящается!*

Былой ресурс отдав Отчизне –
 Все силы, жилы, кровь и сок,
 Энергию больших усилий –
 Своей цветущей жизни срок,
 Приговоренный «на покой»,
 Вершитель тех былых решений,
 Таланта ярких откровений, –
 Теперь отправлен он домой.

Здесь, в ожиданьи тощих пенсий,
 Займет свой временный постой,
 Как жертва ежедневных бедствий –
 Срок пригвождения в «отстой»...
 Кому нужна его полезность? –
 Не интересны путь, стезя.
 Мастеровитых рук искусность
 К чему приложится?

Когда
 Не реализуется возможность
 И нестандартного ума,
 – Талант черствеет в ожиданьи.
 И примененья не найдя,
 Томится в плесени. – Не зря ли? –
 Ненужность в жизни обретя.
 Неопределенности исходом
 Ведет его с утра судьба.
 Затем дневная бестолковость,
 Вечерних сумерек чреда.
 Сменив – ночная безысходность
 Сопровождает до утра...

И новый день – круга порочность –
 Спиралевым витком крутя, –
 Как испытанием на прочность,
 Вернет все «на круги своя»...

Ноль – в чем же соль...

Не случайно
 Столь пристрастный
 Вызывая интерес, –
 Где по делу, а где праздный –
 У кого в чем перевес –

Отвечая на вопросы,
 Отмечая сути соль, –
 Любопытство и внимание
 Привлекает к себе НОЛЬ.

Ноль – zero, но не пустышка!
 Это – десять будет, коль,
 Впереди здесь единица,
 Подтверждает чисел роль.

А ноли – хоть в бесконечность
 Рисовать себе позволь –
 Не получится там вечность,
 Если же в начале ноль!

И подобная картина
 Наблюдается в семье,
 Впереди когда – femina, –
 Муж плетется «на узде».

Проявляя же беспечность,
 В лидеры сдвигая «ноль», –
 Становясь при этом пешкой –
 Выбрал ты для жизни роль!

Авангард – достойных место –
 Как скала мужик – гранит!
 Ну, а женщина, известно –
 Очага огонь хранит.

Ведь с зари земных начала
 Дней – история гласит –
 Из ребра мужчины – пара –
 Рядом женщина стоит!

Твоя верная супруга –
 Коль мудра, хоть слабый пол,
 Стойкость в жизни проявляя,
 Уважая свою «ноль»,

За тобой, как за стеною,
 как послушная жена –
 Будет ваш союз надежный –
 полновесная семья!

Ну, а если все иначе –
 Ты лишил семью основ –
 Очага, чем полна чаша,
 Мир, согласие, отцов...

Воспитаньем верным чада, –
 Продолжающим твой род, –
 Не получишь, убегая
 От возложенных забот!

...Математика – царица,
 она логикой сильна,
 И в начале если цифра,
 А за ней стоит zero, –
 Получается в итоге
 Десятичное число.

Почти басня

Где они – друзья или враги?
 Ведь достойных сложно нам найти.
 На пир «вельмож»,

пока свисток звучит,
 Орда и тех, и этаких спешит.
 И не узнать,

кто друг из них – кто враг,
 Пришел намеренно или случайно так.

Пока поет зурна, и не понять –
 Приятели они иль
 вражья рать.

Но лишь попробуй ты забить
 В набат, –

Своих «друзей» на помощь
 Зазывать –

И обнаружишь, что одна беда
 Привычным
 принципам осталася верна.

...А «швец» и «жнец»..?

Поди их поищи...

Вслед за «дудцом»...

на зов свистка ушли.

Все глуше и слабей аккордов звуки,
 Почти исчезли ароматы дней,

Уж не влекут волненья и заботы –
 В осенний день –

небесный свод грустней...

Да, ЖИЗНЬ свое берет и искушает –

То лестью, приласкавшись,
 Соблазнив,
 То месьтю угрожая – запугает,
 На деле свою жесткость обнажив.
 И, в испытаньях часто изощряясь,
 Нас загружая бременем забот,
 В тисках железных
 сердце так сжимает,
 Что рвется ритмов равномерный ход!
 Но заново начать жизнь невозможно –
 Тому учиться – делать лишь больней.
 Ведь и прощаться с нею нам не ново,
 «Да и жить, конечно, не новой».
 И, одолев крутой судьбы преграды,
 Оставив за собой следы добра,
 Тем заслужив людских
 сердец награды, –
 Полет готовит светлая Душа!

Словами классика
 давно
 Совет оставлен,
 что умно
 Писать что-либо
 так легко! –
 Нужны бумага
 лишь, перо –
 и пишешь, что
 к тебе пришло!
 Сложнее только
 вот с другим –
 что за «мудро»
 в башку взбрело...
 ...Хороших мыслей
 и идей!
 И да – да здравствует
 ОРФЕЙ!!!

Ко мне недавно юность заглянула,
 Волнуясь, на свиданье!
 Торопясь,
 Души созвучных струн она коснулась,
 Печали одиночества страшась.

Пугливой птицы легкостью впорхнула.
 Тоску и серость мыслей разогнав,
 Вновь вдохновенье
 прежних лет вернула,
 Палитру ярких красок
 Расплескав.
 Открылась в миг безумно-озорная,
 веселая, прекрасная пора.
 Осколки памяти ревниво собирая,
 из воспоминаний
 Соткалась заря
 Той жизни, что теперь любуюсь
 Издалека,
 Во времени уйдя
 На расстояние почти
 прошедшей жизни, –
 Души в том утешение найдя.
 Теперь ее проделки отмечаю,
 Их в памяти восторженно ловлю,
 И молодость далекую встречаю –
 невозвратимую любовь свою!

Лаская жизнь,
 Мгновеньем упиваясь,
 Часов счастливых ходом
 Увлечен,
 Не рассмотрел, что
 Бренный мир непрочен? –
 Узнаешь скоро
 Вечности закон!
 Предопределеньем
 Затаенным сроком,
 Тот маятник – стучащая качель, –
 То ли судьба,
 Иль назови ты роком,
 Тревожным боем прозвучит –
 Поверь!

Полет, паденье –
 Крайностей явленья.
 Парить, летать –
 Восторг свой выражать!
 Паденье же –

Позор и униженье,
И боль, –
Но как особенность их понять?
Не просто и не сложно –
Отношением
К тому,
Что называют «пустота», –
Природа чьей не терпит
Проявление, –
Полет – над ней,
Паденье же – туда!

Весною холод...

Шажками робкими весна
Ступает – медленно, крадучись,
И мило смотрит мне в глаза... –
в них холод – место не уступит.

И дождик, и весны капель
Теперь уже не так волнуют –
Зимой мечталось, чтоб метель
Со снегом – может быть, подует?

Но не дождался – что с того?
Осталось сердце в зимней выюге –
Застужено насквозь оно
Льдом не телесного недуга.

Хоть жизни жаждою полно,
Оно не может разжиматься.
Что в нем томилось, намело,
Уже не хочет раскрываться.

Печаль, рубящая сплеча,
Конечно, для людей не нова,
Но песнь журчащего ручья
Для сердца сирого убога.

А для заботливых речей – призывов,
мол, пора проститься
С бедой – ответ: в том суть вещей,
Чтоб петь, и плакать, и молиться!

Но верю: вновь весна придет,
Объяв все сущее красою,
И сердце снова пропоет
Сквозь слезы песнь весны с грозью!

Для Жизни важная примета –
Антагонизм Добра и Зла,
Непримиримость Тьмы и Света,
Несовместимость Ночи-Дня.
Закон единства и конфликта
Преодолеть – Сизифов труд,
Та Истина давно открыта
И Практика – критерий суть:
Земных страстей клубок желаний,
И Небо – вечности залог,
Душа – объект для испытаний,
Плоть, – устремленная в порок.
Суждений логику сверяя,
Реальность как всегда честна,
И, объективность сохраняя,
Пристрастий лишена она:
Задумал благо – сам получишь,
Взрастил добро – в стократ вернешь,
Привычкою характер сложишь –
Судьбы ты счастье обретешь!
Но, поменяв знак «плюс» на «минус»,
Предпринимая «негатив», – как
результат, что справедливо,
Тебя обходит «позитив».
Так жизнь проходит понемножку,
Меняя областей предел:
То Света ширь, иль Тьмы полоска.
За нами Выбор – наш Удел!

Послание дочери

*Нашей Айше
в день рождения!*

Даже крохой –
«лзовий циточек», –
Называя все вокруг,
любя,
Вырастала юный
человечек,
Впечатлений радостью
делясь.

Ароматов всех
цветов душистей,
Ярче сочных радужных
цветов, –

Покорила нас улыбкой
 чистой, –
 Солнышко, ты лучше
 всех даров!

Колокольца
 звонким голосочком
 Пробуждая в доме всех
 в весне,
 Заряжая светом ангелочка,
 Сроки жизни
 ты продлила мне!

Сохрани, что весело
 искрилось,
 И мечты, душевное
 тепло.
 Не теряй восторги и
 наивность, –
 Обрести их снова
 не легко.

И взрослеть ты не спеши,
 родная,
 Время все привносит, –
 лишь поверь.
 В добрый час, однажды,
 в мир прекрасный
 Смело настезь
 ты откроешь дверь!

Выбирай широкую
 дорогу, –
 Троп недолог и извилист
 ход –
 Потерпи, чтобы достичь
 итога.
 Только так успех к тебе
 придет!

Жизнь приносит
 разные сюжеты –
 Редко, кто все сразу
 разберет –
 Приходи – найдем на все
 ответы,
 молча поделившись
 обо всем!

Мы с тобой похожи хоть
 немножко,
 И различны – вроде бы,
 при том,
 Ты вредишь, как я – так,
 понарошку,
 И упрямость – та же
 кое в чем.

В маму иногда
 преображаясь,
 И решив «надуться»
 как она,
 Очень скоро образ
 ты теряешь –
 Не умеешь злиться
 не спеша.

О тебе просить
 я лишь посмею:
 «Милость мне яви,
 РАББИ, чуть-чуть –
 Радость, что от дочери
 имею,
 Ожерельем счастья
 ей вернуть!»

И всегда, все так же –
 не иначе, –
 Айушка, тобою
 дорожу!
 И поры той
 «лозових циточков», –
 В сердце образ ангела
 ношу!

Пусть далекий
 внешним проявлением,
 искренний и
 близкий твой ОТЕЦ!

Эх, дружок, ты мой дружок!
 Ситуационный друг!
 Те друзья тебе «на случай»,
 Эти – «может, вдруг»...
 И вся дружба – вроде службы –
 Ведь, сгодится все.

Тут же польза – просьба «нужных»
 Делает добро!
 Что с тобою, брат сердечный?
 Ведь расчетом ты
 Предпочел – успех надежней –
 А не дар судьбы!
 Так беги себе вприпрыжку
 Вдаль – за далью даль –
 Превращая труд в мартышкин –
 мне совсем не жаль!
 Поминать не буду лихом,
 Не твоя вина,
 Что считал не сшитым лыком,
 Не узнав тебя!
 Требовать, конечно, глупо
 От ворон зазря –
 «Почему же ты не сокол
 Горного хребта!»
 Если, даже попытаюсь
 Пальцем шевелить,
 Чтоб тебя еще надеясь как-то
 Вразумить...
 Ты же знаешь, перст –
 Не клетка,
 А соблазн велик!
 Чтоб друзей «полезных» где-то
 Снова «замесить».
 Ну, бывай, прощай, bambino!
 Гладкого пути!
 Прекрасив в цвет седины,
 Вновь друзей найди!
 Но со мною, верный, встречи
 Больше не ищи! –
 Ведь обратную дорогу
 к сердцу не найти
 Тем, кто ищет в этой жизни
 Злата лишь – прости.

Детство во сне

Во сне я проснулся однажды
 В доме, где юность прошла,
 Где ласточка, сени избравши,
 В гнезде – там с птенцами жила.
 Доверчиво, шумно общаясь,
 Семья свой вела разговор,
 Как будто из дали скитаясь,
 Вернувшись, продолжили спор.

И домик их слеplен умело –
 Видать, домовитый отец,
 А мать – так одно загляденье,
 Таких мало видывал свет.
 А детки красотки-близняшки,
 Все громче заводят свой хор –
 Нетерпится маленьким пташкам
 Покинуть сей маленький двор.
 Им в жизнь так и хочется быстро
 Вступить, в неизведанный мир –
 Откуда им знать! Очень скоро
 Исчезнет сей сказочный пир.
 Не ведают, что уже рядом,
 Готовя коварный бросок, –
 Примерив все опытным глазом, –
 Гуляет прожорливый кот.
 Пока это их не тревожит –
 Они еще только в гнезде.
 Родители денно и ночью
 Заботу проявят везде.
 Но лечь на крыло уже скоро, –
 Подняться в лазурную высь,
 И в небе, летая проворно,
 Увидеть по-взрослому жизнь...
 Внезапно проснулся и снова,
 Вернувшись уже наяву,
 Но мысленно, вспомнил то время –
 И вот я стою на ветру:
 Весеннее солнце светило,
 Лучами глаза мне слепя,
 И полный разор учинила
 В душе моей юной, смеясь.
 Потом, полая, меняясь,
 Златой устремила свой взор
 В росу на цветах, зажигая –
 Устроив здесь гаммы раздор...
 А пчелка лениво качаясь,
 Присев на тугой лепесток,
 Приятный обед предвкушая,
 Пить сладкий готовится сок...
 Ах, буйство соцветий и звуков,
 И запахов сочный букет!
 Свобод, беззаботности остров!
 Ах, детство, которого нет!
 С тем счастьем давно уж расставшись,
 Теперь без него я живу...
 И с детством далеким обнявшись,
 В тот дом лишь во сне прихожу.

Память

**Гапур Алиев (Гуинплен)
(1949-2011)**

Письма в никуда

Сонеты

Быть вечным в этом мире
разве можно?
Нетленным разве
что-нибудь найдешь?
Вступил ты в этот мир неосторожно,
Наказанным за это и уйдешь.

И смех, и слезы, радость или горе, –
В конце концов, какая чепуха.
С рождения ты с этим миром в ссоре,
И мается бессмертная душа.

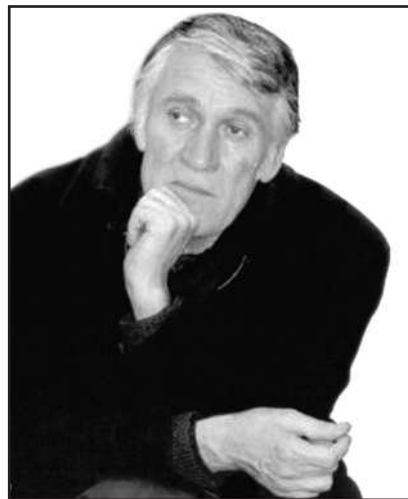
На тот уйдешь ты берег,
скрытый мглою,
Твои истлеют кости под землей,
И суд бесстрастный над твоей душою
Свершится за свершенное тобой.

За глупость – и за все, на что посмел,
Душа твоя получит свой удел.

Я не хочу бесстыжих славословий,
И к вашей славе вовсе не стремлюсь.
Олимп ваш жалкий, ветхий и убогий
Не нужен мне, Всевышним я клянусь.

Пусть я не тот. Вы выше, а я ниже.
Скажите, в чем же ваша высота?
Вы говорили громко, где-то тише,
А я кричал как резанный всегда.

Я падал, я вставал и ошибался,
Но никогда и никому не врал.

Всегда себе я верным оставался,
И выгоды себе я не искал.

Почет и слава – ради Бога – вам!
Беда и горе – всем нам пополам.

На Марсе где-то, может, на Венере,
Чудовища какие-то живут –
Сторукие, стоустые химеры –
Они к себе нас в гости не зовут.

Там, говорят, так дико неуютно,
Что нам, хорошим, там несдобровать.
Съедят тебя со вкусом!
Как-то грустно, –
Что слышно лишь как
косточки хрустят.

Стихов не пишут, не поют и песни,
И нет у них поэтов никаких.
Все очень просто – без любви и лести,
Живут химеры – жрут своих, чужих.

На Марсе или где-то на Венере
Пожить бы мне, без Мовсара в пещере.

Ты сказала: «Я стала другою».
Я поверил. Поверил тебе.
«И отныне я буду такою,
Что не снилось тебе и во сне.

Если хочешь, я буду святою,
Ты такую нигде не найдешь.
Я слезами грехи свои смою,
Ты потом ко мне сам же придешь».

Я поверил. Я очень поверил,
И себя я во всем обвинил,
Свою душу тебе я доверил,
Долго-долго себя я казнил.

Может быть, ты и стала другою,
Только вряд ли ты стала святою.

В горах, когда-то,
ночью заблудившись,
Я растерялся, думал: «Вот беда».
Шакал завоет,
волком притворившись,
Рычит медведем хитрая лиса.

Ночь плачет, воеет дико,
без умолку!
А я, как заяц, прячусь где куда.
Бежит ко мне мышонок,
сбитый с толку,
Ударился в бесславные бега.

Как там, в горах,
себя же испугавшись,
Сбежать хотел от милой навсегда,
И не сумев, как
мальчик растерявшись,
Уставился неведомо куда.

Ты – идеал,
что я себе придумал.
По-моему, тебя я с кем-то спутал.

Жуткий танец теней подземелья,
На погосте танцует толпа.
И трещит голова от похмелья,
Не ведет больше к храму тропа.

Очень многих давно мы забыли.
Мы забыли, что было, когда.
Мы по-скотски и мерзко ожили,
И пируем. Пирует чума.

Кто-то дико грызет чью-то ногу.
Чью-то руку отхапал другой.
Кто-то жалостно молится Богу.
Кто-то сытно наелся тобой.

Жутко видеть ожившую жижу, –
Этот мир вахлаков ненавижу.

Когда-то, после смерти
моей скажут,
Что был певцом
надуманной любви,
Что бешеные страсти не бывают,
Сонеты – его глупые мечты.

– Скажите, – скажут, –
где его богатство?
Какой оставил след он на Земле?
Все, что он делал, –
это просто хамство.
Он жил везде, и будто бы нигде.

Расставив дни и мысли,
словно фишки,
Писал, как будто кем-то был гоним.
Кому нужны все эти его вирши?
Чего ж орал, что любит и любим?!

Об этом вы спросите у любимой.
Мои сонеты для нее, для милой.

Спасибо песне, что уже отпелась.
Теперь ее забуду навсегда, –
И дверь моя открылась и закрылась,
Как будто бы открытой не была.

Так душно стало
в комнате мятежной, –
Стучится в дверь крылатая молва.
А за окном, захлебываясь пеной,
Бесчинствует безликая толпа.

Ломают ребра страшные объятия, –
Горит в огне последняя мечта...
Клянусь Всевышним,
только в этом счастье,
Когда горишь, не тлея никогда.

Любимая, таким тебе я нужен?
А если хочешь, буду еще хуже.

Когда тебе со мною будет трудно,
Ты не держи, ты отпусти меня.
Скажи, тебе что будет очень скучно.
Скажи, что будешь ждать меня всегда.

Пусть это глупо, пусть это неправда,
Но ты скажи, что любишь навсегда.
Скажи, со мной живется тебе сладко,
Еще скажи, что я твоя судьба.

Я в кабале речей твоих прекрасных,
Но ты такая – будто не моя.
Я видел в жизни только
грязь и падших,
Привыкнуть к тебе трудно для меня.

Ты не держи, ты отпусти меня,
Ведь я не твой, любимая моя.

Прости меня за то, что мне не снилась,
И что не стала ты судьбой моей.

Прости за то, что так легко забылась,
Осталась лишь насмешкой
прежних дней.

Прости за все, за пролитые слезы.
И веру в счастье тоже мне прости.
За глупые надежды, эти грезы...
Обиду на меня ты не таи.

Прости меня за то, что я поверил,
Что не поверил, тоже не кори.
За те мечты, что я тебе доверил,
Без сожаленья, ты меня прости.

Прости меня за то, что отлюбилась.
Прости меня за то, что мне не снилась.

Погасли звезды. Ночь устало злится.
В квартире пусто. Не горит свеча.
Мне кажется, как будто
сон мне снится,
Как будто я вернулся в никуда.

По-зверски злобно заорали страсти.
Хмельная радость воеет без конца.
Трещит судьба и рвется все на части.
Ревет в углу забитая мечта.

Безумствует любовь ревниво, грозно.
Горит в огне несчастная душа...
Хочу проснуться. Это очень больно.
Нет, не хочу вернуться я туда!

Ночь, перестань ты
на меня так злиться.
Неужто хочешь ты меня лишиться?

Застряли мысли на краю обрыва.
Тоска глумится, пухнет голова.
Ночь стонет тьмою, словно от нарыва.
Ложатся в стих угрюмые слова.

Мои следы, что на чужой дороге,
Сцепились крепко, звонко за меня...
Уж столько лет у жизни я был в моде,
Что заразился болью на года.

Допросом лает прошлое жестоко,
Скулят в мозгу чужие имена.
Пируют тени. Тени издалика
Моей рукой выводят письмена.

Мне без тебя, родная, одиноко.
Не оставляй же ты меня надолго.

Дай мне уйти без злости и проклятья,
Дай мне уйти, как будто не пришел.
Ты не мешай. Ты пожелай мне счастья,
Которого я так и не нашел.

Быть может, где-то есть моя отрада,
Что ждет меня уж сколько лет года.
Ну, отцепись ты от меня, зараза.
Зачем зовешь меня ты в никуда?

Мы – разные. Ты из другого мира.
Ты – чья-то радость, для меня – беда.
Сама же ты мне это говорила,
И каждый раз прощалась навсегда.

Хочу с тобой навеки распрощаться, –
Любить тебя всю жизнь
и не признаться.

Бывает, часто, очень часто слышу
Смех древних, не известных
мне, людей.
Мне кажется, что иногда их вижу,
Что с ними я делюсь судьбой своей...

Коварная красавица ущелий
Как будто бы решила стать моей.
А тот, другой, откуда-то пришедший,
Отбить ее решил без друзей.

Мы с ним на диком
встретились утесе –
Два зверя, два убогих существа...
Одной любовью связанные вместе,
Безумствуем в плену у колдовства.

Я до сих пор стою на том утесе,
А этот умник не явился вовсе.

Бормочет что-то ночь мне без умолку,
Беснуются виденья до утра.
Игру ведет, сбивая меня с толку,
На прошлое надетая чадра.

Я все забыл, меня забыли тоже,
Весь мир и я, и больше никого.
Я – властелин и раб у этой ночи,
Судья и подсудимый заодно.

В закрытую квартиру, и без стука,
Откуда-то явилась и она.
Кричит: «Эй, раб, откуда эта скука?!
Все ночи твои – собственность моя!..»

Любимая, когда-нибудь, увидишь,
Назло тебе сойду с ума! Ты слышишь?!

Приснился сон, что умер
смертью странной,
Что завязались в узел дни мои.
На полпути свернул с дороги главной.
Осиротели все мои мечты.

Воздвигли холмик посреди дороги –
Мне места на погосте не нашлось.
Я жил всегда у жизни на пороге –
Теперь в пути остаться удалось.

Ах, оборвался этот сон случайный –
Нарушен резко сонный договор.
Уже светает. Ночь уносит тайный,
Отложенный на время приговор.

К чему приснился этот сон забавный?
 Давно готов я встретить
 миг печальный!

В ту сторону я посмотрел случайно,
 Она смотрела тихо на меня.
 Я столько лет искал ее, но странно,
 Не замечал, хоть рядом и была.

Вот только-только, будто я проснулся,
 Как будто первый раз пришел сюда,
 Откуда-то как будто бы вернулся
 И вспомнил, что забыто навсегда.

Стоял я долго-долго. Обернулся.
 Она уже давным-давно ушла.
 От ужаса я, кажется, свихнулся –
 Она меня с собою унесла!

Меня украли! Знаю, кто воровка!
 Но только я не жалуясь нисколько.

Меня мало осталось на свете,
 Реку жизни почти перешел.
 Мои крылья устали в полете.
 Я грехами себя превзошел.

Мне грехи мои, знаю, простятся.
 Да и грешник я мелкий такой.
 Главный грех моей жизни –
 влюбляться,
 Не на ту променять свой покой.

Сколько раз этот мир я под ноги
 Недостойной достойно бросал!
 Сколько раз у беды на пороге
 Я, испачканный грязью, стоял!

Может быть, и ты тоже такая?
 Может быть, только с виду святая?

Заключив договор быть счастливым,
 Я пришел сюда очень давно.
 Договор оказался фиктивным –
 Заглянул я в чужое окно.

Этот мир показался мне дивным,
 И восторги росли день за днем.
 Рисовали узором наивным
 Дни мои ничего ни на чем.

По ошибке сюда я явился,
 Как во сне, свою жизнь я прожил.
 На приманку наивно купился –
 Свет чужого окна заманил.

Может, я не туда постучался?
 По ошибке не там оказался?

Ни ласковых, ни грубых слов не надо,
 Когда два сердца в унисон поют.
 Пусть воет ветер, крутится торнадо,
 Им все равно. Они собой живут.

Полмира где-то провалилось
 в пропасть,
 Погасло солнце, зверствует чума –
 Вменили им быть радостными
 в должность –
 Их опекает вечная луна.

Когда зачем-то фейерверки меркнут,
 Закрылась клетка с песней на замок,
 Здесь ни слова, ни речи не помогут,
 И не распутать мерзостный клубок.

А на Земле так тихо-тихо станет...
 Надрывно в клетке песня зарыдает.

Что воздух чуть пропах
 дождливой мглой,
 И это наводило на надежду
 О пробуждении под капающий дождь
 И запах сырости, отдавшийся в мозгу
 Предчувствием, как будто выходных.

Остатки лета

Кончалось лето тем, что всюду лил
 Накрапом дождь. Дни серые до жути.
 И в тусклом свете мотылек юлил,
 Как грустный человек на парашюте.

Трещала крыша. Капал потолок.
 Разбросанные всюду книги пухли.
 И окна, заглядевшие восток,
 Казалось, что не выдержат и рухнут.

Кончалось лето. Осень разожгла
 Невидимым огнем макушки веток.
 И теплой грустью жизнь
 все та же шла.
 И все казалось сном, и сон был крепок.

Китайская кофейня

Озноб бежал по пальцам. Сеял дождь.
 Деревья гнулись от порыва ветра.
 Прошлепала по луже тень подошв.
 Авто сверкнуло фарой в стиле ретро.
 Я шел домой от друга. Он давно
 Искал со мною встречи. Мы сидели
 В какой-то забегаловке и ели.
 И непрерывно дождь хлестал в окно.
 Рассказы о работе, о семье,
 Как мы все мерно двигаемся к цели,
 Как в жизни все легко, на самом деле.
 А дело, в общем, двигалось к зиме.
 Я зазевал. Протер стекло окна
 От испарений, – свернутой манжетой
 И видел, как настигнутые жертвы,
 Бушуя, дождь по тротуару гнал.
 Прекрасно, что у друга хорошо
 Дела идут. Я рад. Он добрый малый.
 Мы выпили по чашечке еще,
 И время нас со стульев поднимало.
 В прихожей колокольчик прошумел.
 Он взял такси, я постоял немного.

И небо надо мною било током.
 И я как будто вздрагивал в уме.

Утро в Венеции

Окна, запачканные водой канала,
 Сбрасывают с себя
 вечерние покрывала,
 И, будь они мониторами,
 вы увидели бы,
 Как становился город
 и умирали зрители,
 Как бледные лучи солнца пробивались
 Сквозь сгустки тумана,
 И каждое новое поколение горожан
 Сталкивалось с чувством
 самообмана –
 Что города не умирают.
 А утром турист,
 как моллюск в опале,
 Щуря глаза, которые не спали,
 Видит в своем отражении чужие лица,
 Испытывает одновременно боязнь
 И соблазн разбиться.
 Но, расслышав
 хихикающую девушку на
 Причале,
 Он оборачивается и
 не находит никого
 Кроме одинокой чайки.

Сумерки

Зимнее небо всегда немного розовое,
 Особенно после заката.
 Писать об этом – очень мало пользы,
 Даже если за это платят.
 Деревья как перевернутые люстры
 Готики, вечером, в часу пятом.
 Впервые в жизни я
 пишу не о грустном,
 Хотя и малоприятном.
 Писать следует линейно,
 о неизвестном,
 С замахом на гомерические письма.
 (Иногда стихи превращаются в песни,
 В редких случаях в истины).

Но главное – о красоте в привычном:
 Архитектуре фриза,
 фронтон и балюстрад.
 Не то чтобы я привыкал к ней лично,
 Но был бы рад.

Зимой все меняется. Ходьба по льду
 Становится вооруженным
 забегом на лыжах.
 И мне все еще непонятно, куда я иду,
 И для чего нужно выжить.

Досуг поэта

Потому что с детства не любит холод,
 Выходя из дому, он поднимает ворот,
 Разжигает пламя,
 верный любой привычке,
 И рассуждает о жизни
 на примере спички.
 И дым стоит как туманность альфы.
 Если бы вместо лиры он учился арфе,
 Или другому искусству,
 или хотя бы боксу,
 То день его разбивался б на до и после.
 Вот идет он, весь в черном,
 ступая в лужи,
 Ибо верит в судьбу,
 в неизбежность. Хуже
 Ответственности за свои проступки,
 Знать, нету. Души людские – хрупкие
 Без того, чтоб еще загоняться ношей.
 Вот он идет, как актер киношный,
 Оттого, что сам под своим прицелом,
 Как случайный зритель,
 и как критик. В целом
 Он понимает себя, как единицу жизни
 С инициалами,
 собственностью отчизны,
 Молодым побегом
 на обгоревшей ветке,
 Хранителем того,
 что завещали предки.
 Вглядываясь в воду,
 скопившуюся у скамейки,
 Он видит небо,
 параллельное небу Америки,
 Треугольники крыш,
 висящие, как дамоклов

Меч, одно за другим
 чернеющие окна...
 Последнее значит, что пора исчезнуть,
 И он покидает, как
 плачущего ребенка, бездну.

Глубокой осенью

Если снова падут на асфальт снега,
 Я умру. Убежит в пустоту строка.
 Голубая покроется льдом река.

Я любил вот в такие вот дни пропасть
 В переулках. Опавшие листья класть
 Друг на дружку,
 как карты в родную масть.

Было лето, на солнце бугор песка,
 Ты, босая, бросалась в него с бруска,
 Рыжий локон бежал с твоего виска.

На качели ходили. Один лишь Бог
 Знает, как это в сердце мое легло, –
 «Ты хороший,
 на мне бы жениться мог».

Все потеряно ныне. Остался дождь.
 Я не знаю, как надо осилить дрожь,
 Когда призраком ты за окном идешь.

И готов приложиться стволom к виску.
 Ускользает все это теперь из рук,
 Будто жизнь ускользает, давя искру.

Определение поэзии

Это крик на бумагу,
 Это шрамы грозы,
 Это «с места ни шагу»,
 Отсеченный язык.

Это психика детства,
 И эмоций наплыв.
 Это вовсе не средство,
 А со смертью пари.

Это зубы тирана
 И кровавый налет.
 Это старая рана,
 Как во рту уголек.

Это в лес по грибочки,
И проснуться в реке,
Эпиграммы, заточки.
Это сольный пикет.

Стихи о ночи

Ночью дышится как встарь.
Сон, сорвавшийся с плафона,
Убаюкивает сталь
И отряды фараона.

Ночью будто бы не здесь:
Улица, под влагой камни.
Будто можно вдруг присесть,
Зарыдать над рукавами.

Ночь – по прошлому тоска
В темени забот и тайн,
Лунного крючка оскал
На развалины окраин.

Ночь – разлившийся синяк
От звезды до горизонта.
Это черный особняк
С черною копной газона.

Это между арок тьма.
Это меж стихов сквозение.
Ночь не может стать спасением,
Если мраку не внимать.

Обманчивые речи

Я человек несчастный,
то есть несчастливый.
Таков статус моей души,
Если не полагать,
что счастье есть состояние
Интеллекта.

Меня подташнивает,
при том весьма часто,
Когда я пытаюсь
свой голос, нащупавший на
Кончике языка вектор,
Прервать или придушить.

А может, речь моя ложная,
И ответ висит
на крючке вопросительного
Знака и не спорит?
На крючке, брошенном
в темные воды,
В мертвые воды.

Какая все-таки жизнь сложная!
И все эти ее метафоры и аллегории
Окончательно загоняют
в тупик и умолкают
На долгие, долгие годы.

Писать уже и не о чем и глупо.
Все как-то мысли терпят кривизну.
Окно метафорическою лупой
Рисует мне квадратную луну.

Я не усну. Отвыкшие от дремы,
Глаза себе нащупывают дно
На подоконнике.

И сквозь окон проемы –
Всегда одно.

Как ночь гигантской
тенью прячет много,
Тесня материки в архипелаг.
Как будто под мифическую ногу
Вся жизнь легла.

И этот дождь неисчислимой каплей
Стремящийся к земному парикку...
О, что б ты делал,
человечек с граблей,
Не плавай океан по потолку...

Я капаю чернила на бумагу,
И оттого все меньше белизны
Перед глазами. Может, скоро лягу.
А может, больше: мне приснятся сны.

Роза Талхигова

Моя печаль...

Меня не волнуют случайные встречи,
Горящие страстью глаза...
Есть в памяти только последний наш вечер,
Прощальный твой взгляд и слеза,

Слеза, что невольно скатилась от боли
И губы мои обожгла,
Тебя я окутала светлой любовью,
Себя же согреть не смогла.

Как шаль, одиночество ляжет на плечи,
В потоке людской суеты...
Меня не волнуют случайные встречи –
Есть память, а в памяти – Ты!

Я не буду страдать,
Двери настезь открою!
Я не буду рыдать,
Звонким смехом залюсь!
И от всех свою боль
И отчаянье скрою,
И никто не заметит
В глазах моих грусть.
Я, разлуке назло,
Всех счастливее буду,
И в прохожем найду
Исцеляющий взгляд.
Все обиды прощу,
Все тревоги забуду,
Не позволю себе
Оглянуться назад.
В ожидании встреч
Сердце биться не станет,
И наступят души
Черно-белые дни.
Только ветер-бродяга,
В осеннем тумане,
Невеселые мысли
Развеет мои.

А я не ведала тогда,
А я не знала,
Что счастья, данного тобой,
Мне будет мало,
Казалось, молча я уйду,
С судьбой не споря,
Развеет ветер по земле
Обрывки горя.
Казалось, новая весна
В окно ворвется...
Так отчего душа моя
На части рвется?!
Как негасимая звезда,
Надежда светит,
Одной мечтой живу –
тебя случайно встретить.

А ты в безмолвие уйдешь,
Единым словом не нарушу
Я твой уход. И ты поймешь –
Какую ты покинул душу.

Запоздалая осень,
 Как и я, одинока в печали,
 Одинокая осень,
 Отчего нам не спится ночами?
 Пожелтевшие листья –
 Мои облетевшие мысли –
 Над бездонною пропастью
 В недоуменье повисли.
 Ты прости меня, осень,
 Что слезы украдкой прячу,
 В этом жизненном ритме
 Наверяд ли я что-нибудь значу.
 И мечта, разбросав
 Моих строк разноцветные бусы,
 Покидает меня,
 И на сердце становится пусто.
 Ты прости меня, осень,
 Что жизни я радуюсь мало,
 Что за счастье свое
 Я бороться безумно устала.
 И воздушные замки
 Бесследно вдали исчезают...
 Ты прости меня, осень!
 Что делать?
 Я просто не знаю.

Когда вдруг сердце опечалится
 И затуманится мой взгляд,
 Когда вдруг небо закачается
 И не смогу шагнуть назад,

Когда, серьезная и строгая,
 Застыну я среди бела дня –
 Меня заботливо не трогайте,
 В душе не сыщете огня.

Не утешайте словом ласковым,
 Не говорите: «Все пройдет!»
 Печальной былью, а не сказкою,
 Во мне любовь моя живет.

Иду знакомою дорогою,
 На радость или на беду...
 Оставьте! Я сама попробую
 Поверить в новую звезду!

Очень страшно,
 когда от всего устаешь...
 И от жизни, такой монотонной...
 И в слащавых словах
 только слышится ложь...
 И тошнит от улыбок притворных...

Очень страшно, когда
 ты вконец осознаешь,
 Как вокруг обесценились чувства,
 Когда недругам
 ты дифирамбы поешь –
 (Нет продажнее в мире искусства).

Очень страшно, когда,
 обессилив от слез,
 Ты стучишься в закрытые двери,
 И никто твое горе не примет всерьез,
 И никто в твою боль не поверит.

Очень страшно, когда остается зола
 От мечты, что сгорела до срока...
 Но страшнее всего
 в мире желчи и зла
 Сознать, как душа одинока.

Горит разноцветными красками
 Ночной вокзал...
 И люди прячут под масками
 Свои глаза.

И все хорошо, все ладится,
 Все есть у всех...
 И поезд по рельсам катится,
 Развозит смех.

Навеки с тоской повенчана,
 Но грусть тая,
 Под маской счастливой женщины
 Шагаю я!

Юбилей

Канта Ибрагимов

9 июля Народному писателю Чеченской Республики, председателю Союза писателей ЧР Канте Ибрагимову исполнилось 60 лет. Кавалер ордена Кадырова, прозаик, общественный деятель, доктор экономических наук, профессор, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области литературы Канта Хамзатович Ибрагимов родился в 1960 году в г. Грозном в семье ученого, доктора химических наук Хамзата Исмаиловича Ибрагимова. В 1982 году окончил экономический факультет ЧИГУ и поступил в аспирантуру Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева.

Путь в литературу начал на рубеже веков. Первый роман («Прошедшие войны») вышел в свет в 1999 году и сразу стал заметным явлением чеченской литературы. Именно этот роман в 2003 году был удостоен Государственной премии РФ в области литературы и искусства. К настоящему времени К. Ибрагимов автор 8 романов и большого фундаментального труда о жизни и творчестве первого художника из чеченцев «Академик Петр Захаров», который уже выдержал несколько изданий. Романы К. Ибрагимова переведены на многие языки народов России и мира. В настоящее время автор готовит к изданию свое новое произведение – роман «Маршал».

Союз писателей республики под председательством К. Ибрагимова стал площадкой для проведения творческих встреч, вечеров, выставок, там же собираются начинающие авторы, с которыми проводят мастер-классы ведущие писатели Чечни.

Коллектив «Издательского дома» поздравляет Канту Хамзатовича Ибрагимова с юбилеем, желает ему новых творческих успехов и долгих лет жизни!

Дала аьтто бойла хьан, Канта! Дуккха а кхиамаш хуьлда хьан кхоллараллехь!

Стигал

Отрывок из романа

30 апреля, вечер

Когда погода хорошая, как сегодня, то сидеть и писать всякую ерунду не хочется. Хочется бесконечно долго смотреть, любоваться горным пейзажем. И, кажется, все это очень знакомо, тысячу раз видел, все осмотрел, и пора бы привыкнуть и успокоиться, но я не могу и не хочу. Я не могу насладиться

этой потрясающей красотой, потому что это только кажется, что горы вечны, грандиозны и неподвижны. А они живые и изменчивые, под стать погоде, они постоянно меняют облик, оттенки, цвет и даже конфигурацию. Единственное, что не меняется, так это воздух – он в горах всегда чистый, сладкий, заряженный свободой. И когда ты дышишь полной грудью, ощущая этот горный вкус и аромат, ты сам становишься не только свободным, но и свободолюбивым, и хочешь быть независимым. Это высший кайф! Поистине, лучше гор могут быть только горы. Более лучшего, возвышенного и прекрасного на земле просто нет и быть не может. И когда ты это окончательно поймешь, полюбишь горы и отдашься им всей душой, то и они тебя полюбят, проникнутся уважением к тебе, оценят и примут за своего. И тогда ты поймешь их язык, ведь они, эти вершины, всегда общаются меж собой и всегда относятся друг к другу с почтением, любовью и вниманием – вот почему они вечны. Ведь среди них главенствует лишь любовь и уважение. Потому что не будь малых гор, как опор, не будет и главных вершин.

Почему горы так манят к себе? Потому что тот, кто взойдет на них, очищается от всякой скверны.

А почему горы так неприступны и на них так тяжело взойти? Потому что мысли и дела людей пачкают и грязнят вечную белизну, чистоту вершин. Но если ты горы искренне полюбил, то и они тебя еще сильнее полюбят, и тогда, пребывая среди гор, ты не чувствуешь тяжесть и брэнность своего тела, ты, как и орлы, словно над землей паришь и слышишь, как горы меж собой говорят, как довольны тобой... А сегодня они даже не говорят, горы сегодня поют вместе со мной. В моей душе музыка! В уме – песня! В теле – гармония и покой! Потому что накануне я получил от Шовды небольшую посылку (участковый принес), в ней – паспорт с многократной шенгенской визой, фотоаппарат, кое-какая одежда, а главное – диск песен на чеченском языке в исполнении моей Шовды, и она сама аккомпанирует на рояле. Это музыка А. Шахбулатова, А. Димаева, М. Айдамировой и других. Я ее слушал почти всю ночь, а когда вновь и вновь ставил песню Ганаева «Тоска по Родине», написанную во время депортации, я вспоминал свои детские годы, детдом, дядю Гехо и плакал. Так и заснул с наушниками в ушах. А утром вышел из дома. Весна в разгаре. Солнце теплое, нежное, доброе. Все цветет, благоухает. Мир обновляется. Воздух чистый, сладкий, родной. Божественная, величественная вселенская тишина, что бывает только в горах. Лишь тонко, счастливо и задорно птички поют, в ущелье речка журчит, и в этом особом космосе Седого Кавказа звучит милый голос моей дочери, и горы, словно нартский хор, подпевают ей. И мне хочется взлететь, летать, улететь... И тут я вспомнил, что сказал мне накануне участковый:

– А твой дельтаплан, действительно, самолет – сам улетел. Слава Богу, разбился.

Так оно и оказалось. Ветер был бешеный, а дельтаплан, словно пушинка... унесло его ветром аж за две горы. Я лишь на третий день еле его обнаружил, и то случайно. Издали, на скале, увидел красно-белый отблеск, как наш флаг! Туда бы и я не полез. И думал: все, конец моей заветной мечте – полетать, взлететь! А потом решил – куплю новый дельтаплан. Однако вспомнил Максима. Ведь на этом дельтаплане мой друг летал, а я не уберег. Вот и собрался я свой дельтаплан спасать. Было не просто. Очень опасно. Особенно на обратном пути – уже смеркалось, устал, да и дельтаплан, точнее то, что от него осталось,

– не пушинка, и таскать его на спине по отвесной скале трудно. Пару раз мог в пропасть улететь – не судьба. А иначе сказали бы – с дельтапланом не улетел, а полетел... в ущелье. Дурак! Это, правда, полупшепотом, полагая, что я не услышу, сказал участковый, когда вновь навестил меня, чтобы посмотреть, что же это я тащил на себе. Гады. Все видят. Подглядывают. Теперь даже в наших безлюдных горах спокойно ни сесть, ни встать... Теперь «они» возомнили себя богами – мол, мы теперь все видим, все слышим, все знаем – вот такой технический прогресс. Ну, как говорится, Бог с ними! Мне с ними недолго осталось жить. Но до этого я должен осуществить мою теперешнюю мечту – взлететь! Улететь! Навсегда!

А разве можно хотеть улететь от такой красоты, от таких гор?

От гор, от родных гор – нет! А вот от людей, некоторых людей, живущих в горах, теперь хочется. Для этого я должен восстановить дельтаплан. Хоть я и нефтяник, да в первую очередь инженер. Но нужно кое-что для ремонта аппарата купить, вот и пишу приехавшему участковому: «Достань мне буровой клей (есть такой) и вот такую же красную парашютную ткань».

– Зачем? – недоволен он. – Думаешь, восстановить эту рухлядь?

– Эга, – мычу я.

– Не дожدهшься... Ты и так больной, а летаешь...

– Эга, – вновь мычу я, но знаю, что участковый обязательно все кому-то расскажет, а тот в свою очередь моей дочери все доложит. Напрямую участковый звонить Шовде не посмеет. А еще участковый, хоть он и хороший, и мне явно или косвенно помогает, все равно в какой-либо форме доложит об этом своему начальнику – внуку дяди Гехо. Вот тот будет злорадствовать. Я представляю... И вспоминаю иное. Тогда, в декабре 1999 года, я вернулся от сына дяди Гехо из Нальчика в Грозный, а здесь ЧП. ЧП-то здесь всеобщее и глобальное – идет война. Но в данном случае я должен был как-то действовать. Генеральный, при малейшей возможности все руководители так делали, вновь уехал в Москву, я остался исполняющим его обязанности, и мне докладывают – как раз на территории моего бывшего УБР в одном из зданий, оказывается, остановились чеченские боевики. Об этом узнали федералы – вначале поработала авиация, потом дальняя артиллерия. Хотя у нас есть договоренность с военным командованием и даже приказ из Москвы, и на специальных картах это обозначено – там, где буровые, крупнокалиберное оружие не применять – нефть нужна, она дорого стоит. Однако на войне как на войне – видимо, попали прямо в установку. Даже из нашей конторы в центре Грозного видно, как от пожара озарен небосвод и как огромное черное облако к городу ползет, уже и дышать тяжело. Ко всему этому мы давно привыкли, и с этим живем. Да тут беда похлеще: в трубе дебит нефти упал до нуля, значит, вся нефть из буровой просто фонтанирует. Если срочно что-то не предпринять, то до утра вытечет огромное количество сырья.

Пожар от такой массы нефти не только потушить, но даже локализовать будет непросто. Тем более что пожарной техники почти нет, и тушить почти некому. И дело даже не в том, что деньги пропадают и по экологии удар, – все боятся, боятся, что на рассвете этот грандиозный огонь и дым кто-либо на камеру снимет, западным журналистам передаст – вот будет в мире шумиха. Вот почему мой телефон, несмотря что ночь, не умолкает, – звонят все – генеральный, из главка в Москве, из нашей временной администрации. А что я могу сделать? Понятно, что МЧС здесь нет, а у начальника нашей ведомственной

пожарной службы телефон отключен. Я уверен, что он специально отключил. По строгому предписанию военного времени нам категорически запрещено перемещаться в ночное время. Да и никто в городе ночью не ездит, в первую очередь сами военные. Ночью в Грозном хозяйничают боевики. Но и они на машинах не ездят – с любого блокпоста могут открыть огонь. Плюс авиация и прочее, прочее. Словом, очень опасно. Но я должен что-то делать, предпринять. И я решил ехать на своем служебном «уазике» до нашего гаража, где есть пожарные, благо не очень далеко, все на одном пяточке сконцентрировано. Кое-кто из нашей охраны хотел было поехать со мной. Однако, в случае чего, никто не поможет – здесь, а тем более ночью, все опасное случается внезапно, из-за угла, с неба, из-под земли. И зачем еще кем-то рисковать, тем более что по приказу выходить запрещено. Да и мне кого-то подставлять лишний раз не хочется. Быть в ответе лишь за себя гораздо легче.

До нашей пожарной части ехать всего минут пять, но мне показалось целую вечность – до того страх от этих руин, разбитых улиц, от этого беспросветного мрака. Как-то доехал, а наши пожарные мне даже ворота открывать боятся, вдруг за мной кто ворвется. Вот такие были времена. Начальник пожарной службы на месте; признался, что телефон специально отключил, и также прямо говорит:

– Никто ночью туда не поедет. Мы и не знаем, как туда ехать.

– Я дорогу покажу.

– Вот утром и покажешь.

– Мне приказано срочно пожар ликвидировать, – почти кричу я. – И вы должны потушить!

– Не шуми. Во-первых, есть предписание – ночью не покидать часть. А во-вторых, как мы можем этих ребят на такой риск послать... Сам знаешь, что творится. Тут и днем выйти боишься. А ночью – и те, и эти бабахнут, и фамилию не спросят. Умереть за эти гроши?

– Кто-то умирает и погибает и без грошей, – злобно выдал я.

– Да, – после некоторой паузы сказал начальник пожарной службы, – ты, наверное, имеешь в виду своего сына?

– Замолкни! – вскипел я.

– Я-то замолкну и даже прощения попрошу, – он сделал шаг назад. – Но знаешь, если я сейчас поеду тушить пожар, то не исключено, что именно твой сын меня и убьет.

– Невелика будет потеря, – злобно процедил я и приказал: – Открой ворота.

– Ты что?! – бросился пожарный ко мне. – Раз рискнул, пронесло. Ради чего? Ведь ночь, всюду стреляют... Ну, извини. Переночуй, а утром разберемся.

– Открывай! – жестко повторил я.

Такой был страх, и это повсеместно, время такое, поэтому автоматические ворота чуть приоткрыли, так, чтобы я лишь бочком протиснулся, и не успел я пройти, как тут же ворота закрылись, и я услышал вслед:

– Береги тебя Бог... Прости.

Я не ответил. Почему-то встал как вкопанный. На душе очень скверно. В этом почти мертвом городе – гробовая, давящая тишина, и я даже слышу бой своего рассерженного сердца. А ведь этот пожарный в чем-то прав. И может произойти так, что мой сын случайно убьет и меня... А случайно ли?

Моя машина в метрах пятидесяти за железобетонными блоками, так требует безопасность. И если от нее ранее я к воротам почти бежал, то теперь пошел

очень медленно, с неким вызовом, злобно и уверенно. Я даже не знаю, как меня заклинило. Поехал бы в контору, а там вновь эти звонки – «Что сделал? Сделай!». И я машинально повернул в другую сторону, в сторону своего УБР. Я не думал о пожаре. Я даже не представлял, что доеду туда, но я ехал. Ехал по городу-призраку, включив дальний свет, и мне казалось, что я, как ребенок, играю в какую-то кошмарную компьютерную игру. Лишь подъехав к первому блокпосту, я вернулся в реальность. Здесь горят прожектора, но никого нет, все замуровались за железобетоном и броней. Так же я проехал еще один блокпост – островок света. На краю города последний блокпост, но я почему-то решил его объехать – это уже родные места; я выехал за город, дорога пошла в гору, тут уже почище, всюду обильный снег, колеи почти не видно – редко ходят машины, но я эту дорогу прекрасно помню. Вот еще один крутой поворот, подъем, и даже глазам стало больно – до того ослепительно яркий огонь, словно извержение вулкана. Зрелище бесподобное! Слово бунт природы. Стихия восстала! И хочется смотреть, и хочется от этой ярости бежать. И, как ни странно, что-то подобное кипит, горит и внутри меня. И раз я уже здесь, то надо хотя бы приблизиться и посмотреть, что происходит конкретно – тем более что это моя обязанность. Я включил все рычаги блокираторов, пониженную передачу и, свернув с дороги, прямо по заснеженному склону горы поехал к огню. В метрах ста от очага я остановился. Вышел. От этой мощи – необъяснимый страх и восхищение. Даже на таком расстоянии чувствуется обжигающий жар, словно из печи, и ярко, как днем. Я здесь все знаю, можно сказать, наизусть, и вижу, что, как назло, попадание в самое нефтеносное место. Здесь нефть самотеком идет. Но хорошо, что снаряд попал не конкретно в буровую и скважину, а в отходящую трубу. Между очагом и буровой метров пятьдесят. Если я смогу заглушить кран скважины, то это почти что победа. Я побежал к буровой установке.

Все описать невозможно, да я и не помню, просто все делалось машинально, а мозг и все остальное во мне здесь словно расплавилось. Ни в какой бане так не бывает, только, может быть, в доменной печи или в аду. Однако это и помогло. Ибо проржавевшие и промерзшие краны я бы просто так не закрутил. А тут все нагрелось, почти накалилось, даже перчатки тлеют – закрутил я кран, весь поток перекрыл. Побежал обратно к машине. В тот момент я знал, что сделал нужное и доброе дело. И хотя это никто не оценит, но я был горд – хотя бы немного уберег экологию и здоровье еще живущих здесь людей. Теперь я мог ехать в контору и сделать доклад. С таким жизнеутверждающим чувством я сел в машину, завел мотор и, как здесь положено, сразу же заблокировал двери, и только когда пристегивал ремень безопасности, понял, что на мне нет толстой зимней куртки – бросил у буровой, и шапки нет, а главное – все мои документы тоже там. Бежать вновь в это пекло – невыносимо. С другой стороны, без документов здесь жизни нет. Буквально на мгновение я замешкался и словно боковым зрением увидел, как к машине стремительно приближаются какие-то тени. Первая мысль, что это стая голодных волков. Но вот дернули мою дверь – заперта. И без слов – удар прикладом в боковое стекло: мою щеку обожгло осколками. Наглая, холодная рука ловко и дерзко изнутри разблокировала дверь машины, схватила меня за шиворот и рванула на себя, но ремень безопасности меня удержал. Тут же, прямо у самого уха леденящий свист ножа, ремень словно простонал, вот теперь меня вытащили из машины и швырнули в сугроб. Скажу честно, от внезапности и сковывающего страха я даже сопротивляться не мог

и не посмел бы – такую я почувствовал хищную хватку, которая не пощадит, клацнет зубами, заживо загрызет. Такой голод, беспощадность и отрешенность в блеске взбешенных глаз и холод кинжала у горла:

– Кто такой? Что тут делаешь? – страшное бородатое лицо надо мной, и в отблеске теней от пожара оно вовсе ужасное, так что я от страха будто язык проглотил, не знаю, что сказать, а он меня потрянул и еще ядовитее прошептал:

– Кто ты? Что делаешь?

– Э-э-э! – я хочу что-то ответить, но уже знакомая мне боль в горле, которая появляется при сильном волнении, вновь перекрыла мне гортань изнутри, а сверху лезвие – вот-вот перережет горло... И тут услышал я команду на чистом русском языке:

– Что ты с ним цацкаешься? Проверь документы, карманы, машину и быстро решай... Ты – за руль...

– Ру-услан! Руслан! – вдруг вырвалось у меня.

Как по команде все замерли, и я даже почувствовал, что кончик кинжала отпрянул от моего горла.

– А ну, посторонись! – вновь этот очень знакомый, своеобразный звонкий голос, и надо мною склонилось другое, тоже обросшее лицо. Не то что при свете огня, а даже солнечным днем я бы не узнал сына Ольги Сергеевны. Он крайне изменился, облик войны на лице, два глубоких, едва зарубцевавшихся шрама, а главное – глаза совсем другие, не те юношеские добрые, задорные глаза; теперь они тоже искрятся, горят, но в них пронизывающий, смертельно-жесткий блеск. У него от прежнего юноши лишь голос сохранился, хотя тембр и интонация с пороховой хрипотцой:

– Это Вы?

Он меня за плечи поднял, крепко-крепко обнял. Отстранился, всмотрелся в меня – его лицо освещалось огнем, и я увидел, как оно вмиг изменилось, подобрело, его глаза увлажнились:

– Вы помните маму, бабушку? Наш подвал, – он вновь меня обнял, пряча лицо. В этот момент, а это было лишь мгновение, я почувствовал, как расслабилось все его тело, даже слегка обмякло, и он, мне показалось, чуть ниже стал. Но это было мгновение, мгновенная слабость, как вдруг, словно какой-то стержень в нем вновь до предела выпрямился, он стал как каменный. Отпрянул. Рукавом бушлата вытер лицо, и вновь я его почти не узнаю, и глаза жесткие, только еще влажные.

– Вы что здесь делаете?

– Авария... Приехал.

– Один? Ночью?.. Жить надоело?

– Работа.

– Какая работа?! Этим козлам за гроши служить, нефть и бабки делать!

– А иначе что? Жить-то надо? Другого я не умею, – почему-то я вынужден был оправдываться перед ним, а он все напирал:

– Нечего этим тварям служить... Сколько зла они вам и мне причинили?

– И что мне делать? – теперь и я стал злиться. – За тобой в горы, лес бежать? Не могу и не хочу – возраст, и знаю, что глупо. А ехать в Россию и там русских ненавидеть – то же самое, даже хуже.

– Причем тут русские? Я сам наполовину русский.

– В том-то и дело, что русские не причем, а причем политика...

– А вы им служите!

– Я никому не служу. Я живу у себя дома и пытаюсь выжить и жить. А это – моя работа.

– И вы так рискуете?

– А ты, а вы все?

– Хм, – ухмыльнулся Руслан. – Мать убили, бабушку убили, дядю убили, а нам на колени пасть и еще... – он очень грубо выразился. После этого, видимо, несколько смутился, отвел взгляд:

– Простите, – некая мягкость вновь появилась в его голосе и он, меняя тон, спросил:

– А Вам не холодно? Вы так приехали?

– Куртку и шапку бросил у скважины – и документы там.

– Вам без документов нельзя. А с ними тоже нельзя, – он впервые слегка улыбнулся. – Так, – он посмотрел в сторону своих ребят, – кто-нибудь – к скважине, там его куртка и шапка. Бегом... А вы садитесь в машину, можете простудиться.

– Да, весь взмок от пота, от пожара у скважины.

– Садитесь, садитесь в машину.

Он помог мне сесть. Отдал приказ своим:

– Скройте... Я минут пять поговорю, – обошел машину, сел рядом.

Я первым делом хотел спросить о сыне, но когда мы оказались в ограниченном, закрытом пространстве, несмотря на то, что разбито окно и явственно задувает, я сразу же ощутил резкий звериный запах человека, который много-много раз потел, остывал, но давно не купался. Поэтому я задал иной вопрос:

– Руслан, зачем? Как вы существуете в этих горах, в лесу?

– Приспособились, – усмехнулся он.

– Но это ведь бессмысленно. Конец ведь очевиден.

– Все в руках Бога, – жестко перебил он.

Наступила пауза, которую он нарушил:

– Выключите свет... И постарайтесь обратно поехать без света – опасно.

По правде, я мечтал отсюда живым и здоровым убраться, но не прежде, чем выясню все о сыне, – Руслан это, видимо, понял.

– О вашем сыне... Он мне друг, брат и самый близкий человек на этом свете. И всякое можно болтать, но вы должны им гордиться.

– Где он? – вырвалось у меня, а Руслан продолжил о своем:

– Я знаю, и ваш сын это знает, что вы наши действия не одобряете. Гораздо правильнее, и в этом будущее, было бы где-нибудь в безопасном месте жить, учиться, жениться, детей растить... Но я отвечу на своем примере. Был я в беззаботной Европе, харчи их ел, учился, но жить не мог. Каждую ночь печальная, очень печальная мать снилась, словно сюда звала. Я просто не смог там жить; вот и приехал, а тут, как по заказу, снова война.

– А сейчас спишь спокойно? – вставил я.

– Сейчас вовсе не сплю, – ухмыльнулся Руслан. – Или сплю с одним открытым глазом, слышу каждый шорох.

Тут я вспомнил Зебу, он тоже так спал – вот судьба народа. Однако это общее, а у чеченцев, к сожалению, всегда во главе частное и личное, поэтому я вновь спросил о сыне.

– Видимо, среди нас предатель. Кто-то вашего сына подставил, заманил в засаду. Но он сильный и мужественный парень – тяжело раненный, но вырвался, пришел. Мы его на лечение отправили за кордон, в Грузию.

- А как вы это сделали?
- За деньги... Заплатили федералам.
- Вы с ними в контакте?

– В постоянном контакте, – Руслан усмехнулся. – Вот видите – бомбят. Разве это не контакт?.. А если честно, то мы, конечно же, сами по себе, и никто нами не правит. Ходим под Богом... Однако, как вы знаете, есть у нас очень известные имена – так называемые полевые командиры. Вот они, почти все – это проекты неких спецслужб.

- Российских?

– Может, не только российских. Так вот им и коридоры создают, и пиар, и лечение и прочее-прочее. Почти концерт, кровавый спектакль. В кошки-мышки играют. И порою я все это понимаю и хочу на все плюнуть и, как вы советуете, поступить... Но не могу, теперь не могу. Ребят бросить не могу. Да и эти не дадут – все-таки мы с вашим сыном им временами жару давали. Так что нас не простят. Вот видите, как взялись. Кто-то и на сей раз сдал. А может, и вычислили. Такая техника – со спутника спичечный коробок видят. И мы перед этой махиной ничто.

Он глубоко вздохнул, задумался и чуть погодя уже совсем печальным голосом продолжил:

– Говорят, здесь скоро будут перемены. Хорошие перемены. Но до этого надо дожить. И видно, до этого с такими, как мы, хотят полностью рассчитаться. Чувствую, кольцо сжимается, кто-то «стучит», и я примерно догадываюсь... Накануне как бомбанули – прямой наводкой. Половину уложили, трое раненых. А мы – четверо – случайно уцелели, на вылазке были...

- Вам машина нужна?

– Нужна. И именно такая как ваша – вездеход. Ха-ха, увидели, думали, сам Бог послал. Но вашу не тронем... О, ваши вещи принесли.

Как из-под земли рядом появилась тень. Я вышел из машины. Передо мной очень худой, совсем юный парнишка – только редкая поросль появилась на лице, взгляд грустный, подавленный, тусклый.

Я взял у парнишки свои вещи и, надевая куртку, сказал Руслану:

- Забирай машину.
- Да вы что! – Руслан выскочил из машины.
- Забирай, – повторил я.
- А вы как?.. Вас за это...

– Разберусь. А вам нужнее.

– Да, до рассвета мы далеко бы убрались, ребят надо спасти, – он меня крепко обнял. – Спасибо! Я знаю, на что вы себя обрекаете.

– Ерунда, – бросил я. – Только просьба... две просьбы.

– Говорите, – он как бы стал по стойке смирно.

– Брось это дело!

– Не могу. Поэтому ваш сын вас избегает.

– Как с ним связаться?

– Не знаю... Этим всем ведает... – и он ошеломил меня, назвав имя внука дяди Гехо.

– А как его найти?

– Это я тоже не знаю... Что-то пропал.

Он торопился, конечно же, торопился, но мое любопытство разыгралось:

– Погоди, Руслан. Вроде для тебя, то есть для твоего отряда, он миллион долларов вымогал.

– Миллион?! Вот это аппетит! Нам штук сто – все проблемы решил бы...
Хм, миллион!

А я тут о своем:

– А ты знаешь, что у него удостоверение работника спецслужб?

– Знаю, а как иначе? Через кого же мы связь держим. Ваш сын его рекомендовал, сказал, что его дед Гехо был – скала!

– Это так! – подтвердил я.

– А не обмелечал род?

– Весь народ, кажется, обмелечал, – выдал я диагноз. – Все стали падкими на деньги.

– Да, – подтвердил Руслан, – деньги решают почти все.

– А вам зачем деньги? В лесу? В горах?

– Оружие, медикаменты, еда – ничего в лесу не растет. Все, даже проход у одних федералов покупаем, с другими воюем... Да и хочу я этих молокососов за кордон отправить.

– Вот об этом, – чуть не вскрикнул я, – и хотел тебя попросить.

– Я их не звал! – нервно выдал Руслан. – Их всех, как и меня, как и вашего сына, сюда загнали. И мочат потихоньку.

– А польза?

– Стоп! – резко перебил он. – Не все деньгами измеряется и деньгами делается. Туда все без денег пойдут. А я, даст Бог, не на коленях. Ха-ха-ха, – вдруг он засмеялся, крепко обнял меня. – Я вас так люблю и уважаю... Нам надо... – он очень торопился, а я о своем:

– Так, значит, сын, говоришь, в Грузии лечится? А точнее – где он конкретно?!

– Внук дяди Гехо должен знать, – Руслан так почему-то обозвал этого типа.

– Только на нас ли внук теперь служит? Мы-то ему не платим. Да и вообще – достойный ли он внук дяди Гехо?.. Мне попадется – вмиг выясню, – он вновь меня обнял и на ухо:

– Спасибо... Простите, поймите, прощайте.

Он отдал несколько команд. Сам сел за руль. Чуть отъехал, остановил машину. Выскочил, подбежал ко мне:

– Будут вопросы – вы нас не видели, в контакте не были... Машину оставили здесь, пошли к пожару, а пришли – увели. Кто? Не знаете... Спасибо! – он вновь меня обнял, улыбнулся, как-то сразу помолодел. – Вас увидел, словно каникулы или отпуск дома провел... Все будет отлично! Скоро маму увижу. Аллах!у Акбар!

...Где-то через месяц-полтора очень поредевший отряд Руслана при переходе голых альпийских гор был обнаружен авиацией, в очередной раз попал в засаду и сам Руслан был тяжело ранен, а кольцо сжималось. И тогда он приказал кому-то из товарищей добить его. Оказалось, что патронов уже не осталось. Тогда Руслан дополз до выступа отвесной скалы и полетел вниз, крикнув только одно слово «Мама-а-а!..»

Мансур Магомадов,
кандидат философских наук

Новая литературная вершина

(О романе Канты Ибрагимова «Стигал»)

Канта Ибрагимов пользуется большой популярностью у массового читателя. Он прочно вошел в историю чеченской, российской и мировой литературы. Отдельные его произведения переведены и переводятся на другие языки мира – это во-первых. Во-вторых, уровень, масштабы, затрагиваемых и отражаемых проблем, жизненные коллизии, художественные формы и методы жизнеописания героев, показ их внутреннего мира, изложение сюжетных перипетий, интерпретация жизненных условий, обстоятельств, все соответствует общим литературно-художественным стандартам, принятым и применяемым в мировой литературе. И, в-третьих, изучая чеченскую реальность – прошлую и настоящую – через призму

художественной литературы, исследователи разных стран всегда будут обращаться к творчеству Канты Ибрагимова, поскольку в его произведениях дана панорамная, широкомасштабная картина российско-чеченской действительности. Романы «Прошедшие войны», «Седой Кавказ», «Детский мир», «Дом проблем», «Сказка Востока», «Учитель истории», «Аврора», «Академик Петр Захаров», «Стигал» – это не только жизнеописания героев, реальных и вымышленных исторических персонажей, это еще и яркое, многогранное литературно-художественное отражение сложной, трагической жизни чеченского народа, и истории всей нашей страны. В ибрагимовских романах показаны непростые этапы формирования и развития чеченского общества, героических личностей, отдельных судеб, целых явлений и событий политического, социально-экономического, культурологического, психологического, философского, духовно-нравственного порядка. Какой бы пласт чеченской действительности мы не взяли, мы непременно находим его отражение в творчестве писателя.

Важным инструментом в писательской мастерской, как мы знаем, является художественный метод, его разные виды, принципы. Многие методы художественного познания, художественного отражения, в том числе – наблюдение, изучение исторических документов, свидетельств очевидцев разноплановых событий и явлений из жизни нашего народа, находят широкое применение в художественной мастерской Канты Ибрагимова. Есть писатели, которые без души описывают события, явления, судьбы своих героев, а есть такие, которые через собственное сердце пропускают все, что пишут, и уже, находясь внутри художественного действия, события, проживают вместе с героями их жизнь, переживая те же радости и горести, что и они. Такой писательский подход позволяет показать события и героев любого произведения реалистически,

выпукло, объемно, не сгущая и не ослабляя красок жизни. Правдивое отражение реальности, неукоснительное следование важным принципам художественного реализма – вот что лежит в основе миропонимания, мировосприятия и мироотражения писателя Ибрагимова.

Канта Ибрагимов – уникальный писатель. Его путь в литературу был непростым. Он готовил себя к писательской судьбе исподволь, много размышляя, полемизируя с самим собой, сомневаясь и не решаясь сделать этот важный публичный шаг. Он боролся не только с внутренними сомнениями, но и с внешними факторами, которые, безусловно, влияли на его решение. Писательский труд – он тяжелый, требующий постоянного внутреннего напряжения, ежедневной творческой работы, не приносящий человеку материального достатка. Но, тем не менее, он сделал свой выбор. Это как росток саженца, пробивающийся сквозь толщу асфальта, но потом становящийся большим могучим деревом. Так оно в принципе и случилось. Поэтому в творчестве Канта Ибрагимова я выделяю два этапа: публичный и непубличный. Начиная с юности и до самого принятия решения стать писателем, он не расставался со своей мечтой писать. Это был первый этап в его литературном творчестве – этап скрытый, негласный, непубличный, когда он писал, но в печать ничего не отдавал и о том, что пишет, особо на публике не распространялся. Канта Ибрагимов накапливал материал, наблюдал за течением жизни, изучал разные характеры, типы людей, вел записи, изучал документы, делал все, что могло ему пригодиться. Этот этап был связан с его внутренней борьбой, когда желание стать писателем осознано, вымучено, проверено, но психологически еще не созрело для публичной огласки. Началом самого важного второго этапа стал выход первого романа, который был назван им очень удачно – «Прошедшие войны». Нам, жившим тогда в условиях военного лихолетья, термин «война» был уже знаком не по фильмам, а по жизни. И мы знали, что такое войны – и прошедшие, и настоящие!..

И еще одна особенность свойственна творчеству Канта Ибрагимова. Он никого навязчиво не учит, не заметил я в его романах поучительного тона. И он никого навязчиво не осуждает. По его мнению, каждый получит по заслугам. Каждый подвергнется суду Всевышнего. И те эмоционально-экспрессивные негативные оценки, характеристики, которые иногда даются отдельным персонажам, скажем, того же романа «Стигал», – это всего лишь эмоциональное восприятие, эмоциональное отражение тех типов, характеров, персонажей, которые неприятны автору, но которых он должен так же старательно и добросовестно, как остальных, показать читателю, чтобы раскрыть перед ним всю их нелицеприятную, негативную сущность. Вот почему писателю Ибрагимову удается показать нашу жизнь, нашу реальность в своих романах колоритно, многогранно, такими, какие они есть на самом деле и какими они могут быть. Хотя, быть может, нам такой реализм может и не понравиться. Ну а что делать? Жизнь – она такая. Разная. Оттого что нам что-то не нравится, она не изменится, лучше не станет. Она может стать лучше, если станем лучше мы. Добрее и справедливее друг к другу. Вот и подсказывает писатель неназойливо, как жить, как быть, без нравочений, без навязывания своего мнения. И это – свидетельство высокого художественного мастерства, яркого, самобытного таланта писателя.

И действительно произведения Канта Ибрагимова заставляют нас глубоко задуматься о том, что происходит вокруг, как это происходит и к чему это может привести. Для того чтобы обострить мироощущение, мировосприятие

Канта Ибрагимов нередко сталкивает своих героев с чрезвычайными жизненными ситуациями.

В романе «Стигал», например, главный герой неизлечимо болен, у него – онкологическое заболевание. Это – страшная болезнь, страшное состояние и страшные муки. Каждый день. Невыносимо тяжелое существование и такая же трудная борьба с болезнью – на грани жизни и смерти. Когда мысль – обострена, боль – пронзительна, само существование – предельное напряжение душевных и физических сил. Но писатель беспристрастен. Мастерство Канта Ибрагимова заключается в том, что он описывает все, что происходит с главным героем, как нечто само собой разумеющееся, так, словно не происходит ничего сверхъестественного, необычного. Это, с одной стороны. А с другой стороны, форма повествования – дневниковая, описание ведется от имени главного героя. И он, понятное дело, не должен раскисать. Однако выбранная нейтральная манера описания усилена применением натуралистического метода изложения. Поэтому события, действия, описанные в романе, прочно входят в память, оставляя в сознании читателя разные детали сюжета. В этом и проявляется мастерство писателя Канта Ибрагимова, он так или иначе влияет на мировоззрение каждого, кто читает его произведения.

В зарубежной литературе существует понятие «литература действия». Считается, что Редьярд Киплинг первым описал в литературе человека действия – солдата, миссионера, чиновника, т.е. новый тип героя, который заменил собой авантюристов, искателей приключений. Так вот, на мой взгляд, Ибрагимов широко использует в своих романах этот принцип, этот литературный метод, оправдавший себя в мировой классической литературе. Человеком действия можно назвать главного героя любого из романов Канта Ибрагимова. Таков Стигал, такова Аврора, таковы и герои остальных романов – и «Прошедших войн», и «Седого Кавказа», и других. Более того, сами романы Канта Ибрагимова тоже, безусловно, относятся к литературе действия. Они, как мы отметили, не оставляют никого равнодушным: либо соглашаясь, либо не соглашаясь с той жизнью, теми принципами, которые в них показаны, читатель так или иначе все равно задумывается над проблемами, которые поставлены в ибрагимовских романах. Размышляя вслед за писателем, читатель, неосознанно, либо утверждает, либо сомневается в своем миропонимании, мировосприятии и, если требуется, пересматривает, что случается нередко, свое отношение к окружающим людям и к жизни. Так, талант писателя, вступая в противоречие с мировоззрением отдельных людей, одерживает верх. Этим ценна настоящая художественная литература. В воспитании нового человека проявляется ее великая миссия.

Таким образом, Канта Ибрагимов развивает лучшие гуманистические традиции чеченской, русской и мировой литературы. Нас не должно в данном контексте пугать слово «мировое». Мы давно уже стали частью мировых процессов. Политических, социальных, культурологических. И романы Канта Ибрагимова, в которых отражена эпоха грандиозных политических, социальных, культурологических, духовно-нравственных столкновений, уже являются составной частью мирового литературно-художественного процесса.

Что касается романа «Стигал», то могу сказать убежденно: это произведение – новая вершина в творчестве Канта Ибрагимова. И в то же время это и новый этап в его творчестве. Потому что роман «Стигал» – другой уровень мировосприятия, миропонимания и мироощущения. Здесь ярче проявилась

самобытность авторского художественного мышления, роман «Стигал» даже композиционно отличается от предыдущих его произведений. В нем все спрессовано, эмоционально-экспрессивный накал изложения сюжета собран, как луч прожектора, в один фокус, и этот фокус – внутренний мир героя, его мысли, воспоминания, переживания, суждения, подведение итога пройденного жизненного пути. Идея, сюжет романа заставили писателя использовать новые элементы композиции, применить новый стиль изложения. Думаю, что эта отличительная черта нового романа Канты Ибрагимов не прошла мимо внимания многочисленных поклонников его таланта. И, наконец, роман «Стигал» является новым литературным словом писателя еще и потому, что в нем на совершенно другом уровне показаны гуманистические ценности и идеи, по-новому раскрыты интернационализм, межнациональные и даже международные отношения, ибо чеченцы давно уже интегрированы в мировое межэтническое пространство, так как живут и трудятся во многих странах Западной Европы.

В романе «Стигал» все имеет значение, каждая деталь помогает раскрытию его главной идеи: при любых жизненных ситуациях важно сохранить человеческое достоинство, человечность, важно остаться человеком. Все элементы художественного отражения использованы для усиления этой главной идеи. И пейзаж, в данном случае горы, и диалоги, и монологи, все помогает раскрытию душевных переживаний, душевных метаний Стигала, который оказался у самого края жизни.

И последнее. Не могу не сказать об этом, так как через весь роман проходит эта мысль – главный герой часто задается вопросом: в чем смысл жизни? Вокруг этого художественного посыла разворачивается нешуточная борьба внутреннего «я» Стигала. Для него, оказавшегося на грани жизни и смерти, главным смыслом жизни становится месть за сына, который был безвинно убит бандитом в форме военнослужащего. Эта мысль высказывается как главная, единственная и основная в суждениях Стигала. Но, находясь перед лицом смерти, он понимает, что месть не может стать главным смыслом жизни человека. Проследивая душевные переживания Стигала, Ибрагимов показывает, как исподволь, незаметно для него самого меняется строй мыслей и чувств главного героя. И он начинает понимать, что смыслом жизни для него может быть только то, что укладывается в мировоззренческую систему его народа, а система духовно-нравственных, моральных норм и ценностей чеченцев предписывает прощать человека, а не лишать его жизни. И в конце романа главный герой Стигал отказывается от мести. Это – заметная эволюция в его взглядах и миропонимании. Но он исполняет свою другую мечту: летать! Так устроена его душа. Она не может смириться с тем, что скована разными ограничениями: жизненными условиями и обстоятельствами, скудными возможностями, обессиленным неизлечимой болезнью телом – многим другим!

В конце романа на дельтаплане Стигал взлетает в небо, возвышаясь тем самым над всем мирским и суетным. Таким образом, сам полет, как акт вознесения, воспарения над землей, равно как и полет мысли, воображения, духа, полет, как активное действие, возвышающее, очищающее, одухотворяющее, созидающее, становится смыслом жизни главного героя. Здесь полет – как аллегория, как символ, как знак, который каждый прочтет по-своему!..

Мы отметили, что роман «Стигал» – это роман действия. Так оно и есть. Он призывает читателей жить нравственно, творить безудержно, любить беззаветно – Родину, семью, близких, и людей.

Дебют

Элина Цугаева

Элина Цугаева родилась зимой 1994 года. Родители с детства привили ей любовь к чтению. В 2012 году она окончила среднюю школу с отличием и поступила на филологический факультет ЧГУ. Во время учебы увлеклась теоретическими принципами написания художественного текста, литературно-критических статей, изучала русскую и зарубежную классическую литературу. Творчество выдающихся писателей Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, И.А. Бунина произвело на нее неизгладимое впечатление и подтолкнуло к написанию небольших по объему произведений в жанре рассказов и новелл. В своем творчестве Э. Цугаева обращается к прошлому. На страницах многих ее произведений разворачиваются события Первой мировой войны, героями которых выступают молодые люди, из чувства долга и любви к Родине отправляющиеся на фронт и по-новому открывающие для себя чувство милосердия и сострадания.

Всадник

Рассказ

Июнь 1916-го года. Юго-Западный фронт. Карпаты.

Тяжелая вечерняя мгла расстилалась по горизонту. Долину заволокло нахлынувшим из скалистых ущелий густым туманом. Смутно вырисовывались очертания укреплений боевых позиций царской армии. Впереди по хребтам, за перевалом, длинной извилистой цепью простирались окопы противника. Вот уже трое суток австрийская пехота пребывала в тревожном ожидании следующей атаки вражеской кавалерии. После ожесточенных боев австрийцы понесли большие потери, потому они стягивали пехотные резервы, дабы остановить фронтовое наступление русской армии в Карпатах.

В составе девятой армии после тяжелых боев вторая бригада Кавказской конной дивизии готовилась к смене тактических позиций. На днях в командный пункт должен был прийти приказ о начале наступательной операции на южный фланг австрийского фронта. Все находилось в состоянии боевой готовности.

Прохладный ветер развеивал пламя костра. Искры столпом уносились прочь от сидящего в задумчивости молодого всадника. Он был одет в длиннополую черную черкеску, затянутую ремнем. Папаха покрывала голову всадника. На боку его висел широкий кинжал. Подле него в бурочном чехле лежала винтовка. В правой руке он сжимал рукоятку шашки, а левой водил точильным камнем по стальному лезвию.

Наружность всадника вполне отвечала характеру горца. Высокого роста, худощавого, но крепкого телосложения, карие глаза, густые темные волосы. На обветренных губах застыла холодная печальная улыбка.

Взгляд горца был устремлен в темнеющую даль. Он с тоской смотрел на изрытые морщинами горы, упирающиеся снежными вершинами в вечернее небо. Из размышлений его вывело раздавшееся вблизи ржанье коня. Он оглянулся. Вороной статный конь, потряхивая головой, глядел большими выразительными глазами на всадника, словно вопрошая о причине задумчивости своего хозяина. Всадник улыбнулся, достал из седельной сумки несколько кусков сахара и подошел к коню. Лошадь, довольно пофыркивая, приняла угощение.

Горец потрепал рукою гриву своего скакуна. Это был добротный конь карачаевской породы. Его ноги были вытянуты и тонки, как струны, но с необыкновенно прочными и цепкими копытами. Маленькие уши наострены и улавливали любой звук, раздававшийся в ночной тиши.

– И чего это ты так разговорился, а? – обратился молодой человек к коню. – Чем это ты недоволен?

Но лошадь в ответ лишь тряхнула головой и, склонившись к земле, стала мирно пощипывать траву. Всадник, похлопав рукой по крепкой шее коня, задумчиво произнес:

– Далеко же мы с тобой от родимого дома... Выходит, такова наша участь, сан тешаме доттаг!!

За спиной всадника вдруг раздался мужской голос:

– Что это ты ему сказал, Исмаил?

Молодой человек обернулся, мысленно рассердившись на себя, что не услышал приближающихся шагов. Всмотревшись в темноту, он различил стоящего перед собой рослого казака в заломленной папахе, из-под которой выглядывал светлый чуб. На загорелом лице всадника казачьей сотни поблескивали внимательные серые глаза.

Исмаил узнал однополчанина Петра, потому и ответил ему:

– Я сказал ему, что он мой верный друг.

– Да... конь у тебя хороший, – проговорил казак. – Как ты его кличешь?

– Аьрхо, – не оборачиваясь, произнес Исмаил.

– И что же значит это слово? – спросил с нескрываемым любопытством казак, вытянувшись на траве у костра.

– На ваш язык это слово переводится как Резвый, – промолвил молодой всадник.

Исмаил недолго постоял подле коня. Затем он снял седло и подсел к костру.

– Подходящее имя у твоего коня, – сказал Петр.

– Откуда тебе знать? Разве тебе доводилось ездить верхом на моем коне? – с недоверием осведомился горец, не опуская плеч и держа подбородок высоко.

Казак помотал головой и, улыбаясь, ответил:

– Нет... Но я видел тебя в недавнем бою, Исмаил. До недавнего времени я особо тебя и не примечал. Зная твою горскую мнительность, я особо и не старался войти в доверие к тебе. Но я был наслышан о том, как ты метко бьешь из винтовки и рубишь шашкой на убой. Я родом из казаков, потому и сам могу в этом деле любому преподавать урок. Но в тот день, Исмаил, я понял, что с

тобой мало кто сможет сравниться, – говорил Петр, зорко наблюдая за каждым изменением выражения лица горца.

Молодой всадник на похвалу казака никак не реагировал. Он молчал, взгляд его был направлен на пламя костра. Его лицо не выражало никаких эмоций. Исмаил, подбросив несколько веток в костер, слушал казака дальше:

– Гляжу, окружили тебя австрийцы, ну думаю, пропал парень. А ты верхом на коне отбиваешься, не сдаешься. Твой конь, как бес, крутится, прыгает, ноздри раздувает, храпит, и камни брызгами летят из-под копыт его. Хотел я тебе уже подсобить, скачу во весь опор. Вдруг конь твой, рассердившись, встал на дыбы, австрийцы так опешили, что тут же расступились. А ты, не мешкая, ринулся вперед, здесь и земляки твои подоспели, в беде тебя не оставили. Но знай, не будь у тебя такого скакуна, не грелся бы ты сейчас у костра, – произнес Петр и кивнул головой в сторону коня, который, наострив уши, глядел на всадников, словно понимая, что они говорят о нем.

Исмаил улыбнулся, через плечо с гордостью взглянул на своего скакуна и промолвил:

– У нас на Кавказе говорят, что человек без коня – все равно, что птица без крыльев. Мой Аьрхо много раз выручал меня из беды. Ты прав: не будь рядом со мной такого друга, я и не знаю, как долго смог бы оставаться в живых.

Петр слушал Исмаила внимательно. Ему были интересны мысли молодого всадника. Его серые глаза, всегда спокойные и добродушные, взирали на собеседника с интересом и открытостью. Худошавые, жилистые руки казака познали немало труда. А неправильные черты загорелого и покрытого мелкими морщинами лица несли отпечаток души испытанной и верной.

– Я слышал, что горцы лошадей особо не балуют. Расскажи мне подробнее о лошадях горской породы, – сказал Петр.

Исмаил после недолгого размышления решил не таиться и поведать казаку об особенностях разведения лошадей на Кавказе.

– Жизнь в горах тяжелая и суровая, потому в них мы ценим неприхотливость и выносливость. Не хочу обидеть тебя, Петр, ваши донские лошади хороши: спокойного нрава, надежны, но горские сильнее. Они резвы, полны огня, в ногах тверды и крепки, а это очень важно и значимо для всадника, ведь путешествие в горах – дело не из самых легких. Лошади горские также чутки, и у них очень хороший слух, так что любой горец даже в самую темную ночь может положиться на своего коня. По каким бы скалам и ущельям ни пробивался конь, он не споткнется и осторожно проберется по любой узкой тропе.

– Но в скорости ваши лошади уступают нашим, – отметил Петр.

– Это так, – улыбнувшись, согласился молодой всадник. – Но горские лошади не предназначены для передвижения по равнинной местности. Их стихия – горы. Они не капризны, выносливы, могут обходиться малым пропитанием и способны стойко переносить морозы и холодные ветра.

– Стало быть, Исмаил, пребывание здесь, в Карпатах, тебе и твоему коню не тягостно и привычно?

– Я бы так не сказал, – произнес молодой всадник и перевел взгляд на темнеющие вдали горы.

Он вспомнил себя еще до начала войны. Как он, с перекинутой за спину винтовкой, вместе со старшим братом на несколько недель уходил в предгорья,

у реки Аргун, пасти небольшой табун, оставляя дома пожилого отца, мать и двух младших сестер. Как помогал матери возделывать каменистую почву для посевов, или как принес домой маленького серенького волчонка, чем несказанно удивил и рассердил отца, который сказал что зверь этот создан Всевышним для жизни на свободе, а не на цепи, потому Исмаил должен отпустить зверя на волю, как только волк подрастет. Также молодой всадник вспомнил тот день, когда объявил отцу о своем решении принять участие в войне в составе конной дивизии, основанной на добровольческих началах из горцев, которые не привлекались к обязательной воинской повинности.

«Это не наша война...», – вспомнил Исмаил слова отца. – *«Ради чего же ты отправляешься сражаться?»*

«Ради сохранения мира в горах», – ответил сын.

«Я тебя не понимаю, Исмаил. Ты хочешь сражаться в ряду с теми, кто отнял у нас свободу. Зачем? Я знаю, что такое война... сколько горя она несет людям... Одумайся... Я твой отец, и я запрещаю тебе даже думать об этом...», – произнес сурово отец, скрывая в душе страх и переживание за жизнь младшего сына.

«Но что, если русские проиграют? Что тогда помешает одолевшему их врагу пойти войной на нас? Сможем ли мы защитить себя? Русским нужно помочь. Ибо если падут они, тогда и мы окажемся под ударом. Придут новые завоеватели. И каковы будут их намерения по поводу горцев? Оставят ли они нас в горах? Или прогонят? Никому из нас не будет ведомо об их решении. Я знаю, отец, какой ценой мы обрели мир. Но чтобы сохранить его, мы должны сражаться. Пусть же Всевышний решит, кому быть победителем, а кому побежденным», – сказал Исмаил, не смея глядеть в лицо своему отцу.

Пламенная речь сына проникла в сердце старика. Он долго хранил молчание, после разочарованно произнес:

«Что ж, сын мой, если ты хочешь этой войны – поезжай. Я не стану тебе препятствовать. Но знай, Исмаил, что это не война выбрала тебя... это ты выбрал войну...»

Молодой всадник с поникшей головой сидел у костра в раздумьях. Тяжесть от долгих размышлений настолько сдавила его грудь, что он беспрестанно сжимал и разжимал правый кулак. Дыхание его было прерывистым и тяжелым. С несгибаемой суровостью во взгляде он смотрел на вершины гор, едва различимые в темноте. Глаза его сверкали. Вены на шее вздулись. Казалось, что он сейчас сорвется. Исмаил изо всех сил старался не выдать своих чувств перед Петром. Но он ничего не мог с собой поделать. То, что он видел на войне, оставило глубокий неизлечимый след в душе горца. Смятение терзало его душу, нельзя было подобрать слов для выражения того, что он сейчас испытывал.

Петр был обеспокоен тревожным состоянием горца, он сказал:

– Ты, Исмаил, себя не терзай понапрасну думами. Они только затуманивают голову. В бою нужна ясность ума, иначе не убережешься от вражеских пуль и штыков.

Молодой всадник едва заметно кивнул казаку в знак согласия. Петр же, сняв с головы папаху, протер ладонью влажный лоб. Он молча наблюдал за горцем, про себя отмечая его военную выправку. Также казак смог разглядеть в Исмаиле

того человека, который не был способен делиться мыслями и переживаниями с теми, что по воле судьбы оказались его боевыми товарищами.

Стояла тишина. Было слышно только потрескивание дров в костре и мерное стрекотание насекомых в густой траве. После продолжительной паузы казак произнес:

– Я сам из терской станицы, и мне часто доводилось слышать горскую речь. Но ни одного слова по-вашему я не говорю. Мог бы ты меня научить?

Исмаил взглянул на казака с недоверием и спросил:

– Зачем тебе это, Петр?

– Мы все ходим под одним небом, дышим одним воздухом, но при этом мы очень разные. Я хочу научиться вас, горцев, понимать. Быть может, между нами и не было бы вражды.

Исмаил не сводил своих темных глаз с лица говорящего. Он внимательно вслушивался в каждое произнесенное слово, выискивая какой-либо подвох или неискренность.

– Не стану скрывать и таить от тебя свои мысли, Петр. Мне странно слышать от тебя такую речь, – начал говорить молодой всадник. – Полвека прошло с тех пор, как отгремела война на Кавказе. Мой дед был врагом твоему деду. Не думаю, что ты об этом забыл. Так зачем, стало быть, тебе понимать нас?

– Наши деды были врагами... это так... Но я тебе не враг, как и ты мне. Наш враг таится за тем перевалом, – и казак указал рукой в темноту, в сторону окопов австрийцев. – Если среди нас будет вражда, нам их не одолеть. Ты ведь это понимаешь? – он говорил, не повышая голоса, но в каждом слове ощущалось чудовищное напряжение.

Исмаил ничего не ответил. Он сомневался, потому решил ничего не говорить. Петр продолжил:

– Помнишь, какой ранней и морозной выдалась зима в прошлом году? Кругом все бело. Снег настолько глубокий, что лошади проваливались по самый круп. Полк выстроился для атаки. Тревожно у всех на душе. Впереди неизвестность... И вот я сижу в седле, замерз. Рук от холода не чувствую. Вспомнил я родную станицу, дом свой, семью... И вижу я, как мимо нашей казачьей сотни проезжает на белом коне мулла. Скаун его такой дивной красоты, что слов не могу подобрать для описания. Удивился я, ведь мулле был уже шестой десяток... Старик, а в бой идет наравне с молодыми. И выезжает он вперед колонны, остановился и окинул взглядом полк. С каким же уважением и почтением вы взирали на него... Помню, так же и мы взирали на государя нашего... И вот опустил мулла поводья, сложил руки ладонями вместе и зачитал молитву. А лица у вас такие угрюмые, молчаливые. Слышу, как проносится по рядам подхваченное ветром «аминь». Провел ладонями по лицу старик, и вы следом. Затем разобрали поводья и замерли в ожидании боя. И настолько преобразились лица ваши, что казалось, словно вам вовсе и не ведом страх, что в душах ваших царит покой и смирение перед уготованной вам участью. Вот тогда я и стал иначе смотреть на горский народ, стал понимать характер ваш, обычаи... Так что, Исмаил, ты это недоверие свое ко мне убери... Не враги мы с тобой, не враги...

На темно-синем небе взошла луна, озаряя долину бледным, холодным, словно блеск стали, светом. Очерченные в сиянии луны контуры гор лишились

красок. Мрачный лес на склонах казался отлитым из серебра. На землю тени ложились уродливыми серыми пятнами.

Вдруг в безмолвии раскинувшихся пространств раздалось протяжное, заунывное и печальное завывание, усиленное эхом в горах.

Конь Исмаила нервно заржал и стал переминаясь с ноги на ногу, мотая головой. Молодой всадник вскочил, быстро подошел к скакуну и стал его успокаивать, поглаживая шею.

В темноте ничего нельзя было различить. Но по докатившемуся звучанию Исмаил определил направление, откуда доносился волчий вой. Несколько мгновений всадники и конь, прислушиваясь, стояли неподвижно.

– Этого еще не хватало, – первым нарушил молчание Петр.

– Должно быть, они в нескольких верстах от нас, за тем перевалом, – указал рукой Исмаил.

– Пусть даже и так... Сегодня мне уж точно не выспаться, – стиснув зубы и недовольно сморщившись, произнес казак, упершись руками в бок.

– Не стоит тревожиться, Петр. Волки никогда не подходят близко к людям, если их только не гонит голод. Сейчас лето, и в лесу много оленей и кабанов. А значит нам нечего бояться. Но сейчас, возможно, из-за боевых действий многое изменилось в их повадках. И, должно быть, своим воем они нам, людям, напоминают об истинном хозяине этих мест, – сказал, улыбаясь, молодой всадник.

Затем Исмаил привязал коня к дереву, постелил попону и улегся, закинув руки за голову и скрестив ноги.

– Так ты собираешься меня обучать вашему языку, Исмаил, или нет? – спросил казак, усевшись у костра.

– И чему я тебя научу сейчас, Петр? Иди лучше, отдохни. Завтра вставать с восходом солнца, – произнес молодой всадник и повернулся на бок, спиной к казаку. Глаза его были открыты и смотрели в черную бездну неба, усеянную звездами.

– Ну, хотя бы несколькими словам. Вот, к примеру, как по-вашему небо?

– Стигал, – коротко ответил горец, не оборачиваясь.

– А горы?

– Лаьмнаш.

– Ветер? – спрашивал казак дальше, стараясь запоминать каждое новое услышанное слово на дивном и грубоватом на слух для него языке.

– Мох.

– Мох? – переспросил казак, широко улыбаясь. – Надо же, а мы так называем стелющееся растение, растущее в сырых местах, – произнес весело Петр, а затем добродушно засмеялся, обрадованный таким нелепым совпадением в звучании слов, но различных в обозначении предметов.

Казак на минуту задумался, повторяя про себя заученные слова. После он взглянул на луну. Лик ее, такой далекий и печальный, заставил его невольно вспомнить сияние ровной глади глубокого Терека, широкую необъятную степь и табуны гнедых лошадей, что паслись на лугу.

– Исмаил, а как будет по-вашему родина? – поникшим тихим голосом спросил Петр.

– Даймохк, – промолвил молодой всадник. – Земля отцов, если дословно переводить.

– Вот оно как у вас... со смыслом...

– Да, именно так... земля отцов... и я ее оставил ради войны, – с сожалением проговорил Исмаил.

– Не тужи, брат, – похлопал его по плечу казак. – Ты парень крепкий, не пропадешь, – подбадривал горца Петр.

– На все воля Всевышнего, – только и ответил Исмаил.

– Да, на все воля Господня... – негромко добавил Петр.

По интонации голоса горца казак понял, что разговор исчерпан, потому ему лучше отправляться на ночлег у костра к своим товарищам. Он с сожалением вздохнул, поправил на голове папаху и удрученно взглянул на горца.

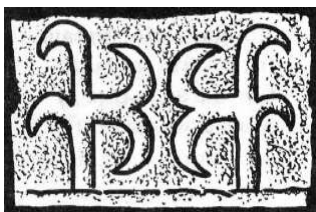
– Ну что ж, Исмаил, отдыхай, спи крепко... Дай Бог, вернешься домой... – произнес он, встал, отряхнулся и, не дожидаясь ответной реплики, направился к полыхающим в ночи кострам казачьей сотни, откуда доносились смех и песни.

– Петр, – неожиданно раздался спокойный и ровный голос Исмаила, казак обернулся. – Спасибо... Желаю и тебе выжить и вернуться к родным, – промолвил, стоя на ногах, горец. Петр ему улыбнулся, кивнул головой и скрылся в темноте.

Исмаил мгновение постоял, затем вновь улегся на землю. Закрыв глаза и натянув на лоб папаху, он перебирал в голове события минувших лет, которые он провел на войне в составе Кавказской конной дивизии. За верную и доблестную службу он был не единожды выделен верховным командованием и был несколько раз представлен к наградам. Но самым заветным его желанием, которое он никому не высказывал и с благоговением хранил в сердце, было возвращение в родной аул.

«Всевышний, прошу тебя, позволь мне вновь увидеть своего отца, мать, брата и сестер. Больше ни о чем не смею Тебя просить... Только бы вновь увидеть их... увидеть...» – думал Исмаил.

Вдали вновь раздалось заунывно-урчащее завывание волков. Всадник улыбнулся, повернулся лицом к горам и заснул.

Ибрагим Гамзатов

Во имя мечты...

Очерк

О людях уникальной судьбы, которые идут вперед к намеченной цели, преодолевая все препятствия, писать всегда приятно. Именно за счет упорства, несгибаемой воли, а иногда и везения, они добиваются своей мечты.

Одним из таких целеустремленных людей был и историк Исамудди Исмаилович Исмаилов. Он был первым, кто открыто заговорил о подлинной истории Ауха.

Многих заинтересовал собранный им богатый архив ауховской истории. Из рук в руки передавали старинные рукописи, которые указывали на большие искажения, допускаемые некоторыми дагестанскими исследователями в своих книгах. Официальное издание его научных трудов в советское время было под негласным запретом. А после развала Союза на фоне происходивших негативных событий данный вопрос и вовсе отошел на второй план.

Родился Исамудди Исмаилов в селе Ярыксу-Аух (ГПачалкъа) Хасавюртовского округа ДАССР в 1938 году в семье кузнеца-колхозника.

Отец Исамудди, Исмаил, с детских лет оставшийся сиротой, воспитывался дедом Илесом. С раннего возраста Исмаил был приучен к труду. Охотно брался за любую работу. Впоследствии он в совершенстве освоил профессии строителя и кузнеца. Односельчане уважали Исмаила как волевого и справедливого человека. Справедливости и честности он с раннего возраста учил и своих детей.

В семье Исмаиловых был приемный сын. Как-то мать Исамудди, Пана, пошла к роднику за водой и увидела четырехлетнего русского мальчишку в окружении женщин. Как удалось выяснить позднее, ребенок оказался сыном кубанского казака, который переселился на Кавказ, спасаясь от голода. В то нелегкое время он от безысходности оставил старшего из детей на берегу ручья в надежде, что его заберет к себе кто-нибудь из местных. Женщина не смогла равнодушно отнестись к судьбе ребенка. Забыв о том, за чем пришла к ручью, она побежала обратно домой, чтобы тут же рассказать мужу об увиденном. Исмаил согласился усыновить мальчика с условием, что она вырастит его как родного. На тот момент у молодой семьи был ребенок шести месяцев – Асруди.

Звали приемыша Александр. В новой семье ему дали мусульманское имя – Аюб. Ребенок часто болел и даже не мог ходить. От пережитого голода он опух. Но молодые родители сумели поставить его на ноги. Через полгода мальчик выздоровел и даже стал помогать матери – ухаживал за братом, который был еще в люльке.

Аюб хорошо помнил своего отца, который, оставив его на берегу ручья, ушел с двухлетним братом на руках. Когда вырос, он женился на чеченке. Но детей у них так и не было.

...Шестилетним ребенком Исамудди познал вместе со всеми вайнахами лишения и тяготы ничем необоснованных сталинских репрессий. В ссылке семья Исмаиловых оказалась в с. Ленинжол Узгенского района Киргизской ССР.

В школу Исмаилов пошел в 1947 году. На всю жизнь он запомнил своего первого учителя Темирсолтана Абдурашидова, уроженца с. Герзель Гудермесского района ЧИАССР. Исмаилова и его ровесников собрал и повел в школу именно он. Посадил за парты и сказал: «Вы будете учиться!». Так Исамудди оказался в первом классе.

В послевоенные годы, как и многие школьники тех лет, принимал участие в полевых работах на различных участках местного колхоза. В период летних каникул дети наравне со взрослыми трудились на хлопковых полях.

Окончив седьмой класс, Исамудди и его старший брат Асруди устроились на работу в строительную бригаду местного МТС. Они резали кирпичи для будущих мастерских. Исамудди был принят в ряды местной молодежной организации, избран делегатом районной комсомольской конференции. Он принимал активное участие в общественной жизни села и района.

Чуть позже довелось ему также участвовать в строительстве моста через местную реку. Строили мост по просьбе избирателей. Председатель Президиума Верховного Совета Киргизской ССР Кулатов не смог дать прямого обещания о строительстве, ссылаясь на оборонные расходы. Но во время весеннего половодья река отрезала села от райцентра. Из-за этого строительство моста началось в 1956 году. Строила его Узгенская «Ремстройконтора», возглавляемая чеченцем Залимханом Хакимовым. Возводили мост в основном чеченцы. К лету все бетонные работы были завершены, оставались монтажные. Мост надо было собрать из железных конструкций. Их соединяли заклепками. Соединить эти детали было делом не из легких. Надо было знать, как производить монтаж. Требовались профессиональные клепальщики. Для сборки конструкций были приглашены два мастера. Но, отработав неделю, они уволились. После их ухода строители оказались в тяжелой ситуации. Подумав, главный инженер стройки отдал отбойный молоток Исамудди, заявив, что он будет клепальщиком. Так ему пришлось на ходу осваивать новую профессию. Это была сложная и ответственная работа. Одновременно Исамудди нужно было сдать экзамены за 9 класс. Он не хотел бросать учебу. Когда он уходил сдавать экзамен, рабочие отдыхали или занимались мелочами, сортировкой отдельных узлов. Скоро было построено уже пять пролетов моста.

20 августа Исамудди сообщил главному инженеру, что после 25 августа он прекращает работу, так как ему нужно купить учебники и подготовиться к новому учебному году. Начальство не хотело его отпускать. Но потом согласилось с условием, что он подготовит себе замену. В течение десяти дней Исмаилов обучал работе клепальщика другого рабочего. Мост был готов в конце 1956 года. Исамудди в сентябре продолжил учебу в десятом классе средней школы.

Успешно сдав выпускные экзамены, Исамудди начал готовить документы для поступления в институт. Для этого ему надо было получить свидетельство о рождении. Он подал заявление в ЗАГС с просьбой выдать ему документ. В ЗАГСе работал узбек, который в течение 5-6 дней выдал ему свидетельство о рождении, в котором указывалось, что родился он в селе Ярлыксу-Аух. «Моему удивлению не было предела, ведь я указал в заявлении, что родился в селении Ярлыксу Хасавюртовского района. А тут Аух...», вспоминал позже Исамудди Исмаилов.

В 1956 году прошел 20 съезд КПСС, на котором в последний день работы съезда первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев выступил с докладом, развенчивающим культ личности Сталина. Было принято решение о восстановлении незаконно упраздненных республик и реабилитации необоснованно репрессированных народов. Истосковавшиеся по родному краю чеченцы и ингуши еще до официального разрешения начали массово уезжать на Кавказ.

Исамудди сообщил родителям, что выезжает на Кавказ для поступления в институт. Подготовив все документы и получив паспорт, он 17 июля 1957 года сел на поезд, отбывающий на родину. Его провожали друзья, родственники, соседи. Они пешком пришли в райцентр Узген. Дальше до железнодорожной станции Кара-Суу с ним поехали отец и младший брат.

В Грозном Исамудди сдал документы на железнодорожный факультет вагоностроительного отделения Нефтяного института. Но не прошел медкомиссию. Однако он не стал возвращаться, решил остаться и работать. Обратился в Оргкомитет (так тогда называли будущий Совет Министров ЧИАССР), где его выслушали. Оргкомитет тогда возглавлял Муслим Гайрбеков. К нему и записался Исамудди на прием. Муслим Гайрбеков посоветовал Исмаилову поехать в один из горных районов Чечни. Исамудди выбрал

Веденский район. Прибыв в село Дарго, он зашел к председателю колхоза. Его встретил сын председателя колхоза, который предложил Исамудди жить у него дома. Обязанности его состояли в описи имущества и домов уезжающих аварцев и возвращающихся в родные края чеченцев. Не раз приходилось сглаживать острые углы, тушить на корню возникающие между людьми стычки и скандалы на межнациональной почве. А провокаций хватало. Приходилось решать немало сложных вопросов. После необоснованных репрессий в отношении чеченцев опустевшие села Ножай-Юртовского, Веденского, Шатойского, Курчалоевского и Саясановского районов были заселены аварцами и даргинцами. А сами районы переданы Дагестану. После восстановления Чечено-Ингушской автономии эти районы были возвращены в состав ЧИАССР. А дагестанцы переселились на

ауховские земли, переданные вновь образованной Дагестанской АССР после упразднения Терской области в 1920 году.

За время работы, которой сопутствовали многочисленные командировки, Исамудди обратил внимание, что в селе Корен-Беной нет школы. Решив исправить ситуацию, он начал хлопотать об открытии здесь хотя бы начальных классов. Добираться детям из Корен-Беноя в Дарго было тяжело. Особенно первоклассникам.

Школу решили разместить в двухкомнатном домике для доярок, рядом с бывшим коровником. Не было парт. В сентябре на санях, запряженных двумя быками, Исамудди с помощником доставили во вновь открываемое учебное заведение 13 парт. Через реку Ясси парты пришлось перетаскивать на своих плечах. Начальная школа была оформлена, как и положено, по всем документам. Завучем и первым учителем небольшого контингента учащихся в первое время из-за нехватки преподавателей пришлось стать самому Исмаилову. Уроки он проводил вечерами в свободное от основной работы время. Приходилось и в дождь, и в слякоть добираться пешком из одного села в другое.

В конце 1957 года на родину вернулась семья Исмаиловых. В родовое село Ярыксу-Аух, переименованное дагестанским руководством в Новокули, их не пустили. Как и подавляющее большинство возвращающихся тогда на историческую родину чеченцев-ауховцев. Ситуация не поменялась и сегодня. Селам Ауаха до сих пор не возвращены исторические названия, и до сих пор не восстановлен, несмотря на все заверения руководства Дагестана, Ауховский район. Исмаиловым пришлось поселиться в небольшом селе Герменчик Бабаюртовского района ДАССР.

Исамудди усиленно готовился к вступительным экзаменам. Своим искренним и честным характером, обостренным чувством справедливости он завоевал среди жителей сел Дарго и Корен-Беноя непререкаемый авторитет и всеобщее уважение. И вот конец учебного года. Все село вышло проводить его на учебу.

Перед тем, как сдать вступительные экзамены, Исмаилов навестил родных в Герменчике.

В 1958 году успешно сдав вступительные экзамены, Исамудди начал учебу на первом курсе историко-филологического факультета в Чечено-Ингушском педагогическом институте. В семидесятых годах прошлого века данный пединститут был преобразован в Чечено-Ингушский государственный университет.

Уже с конца первого года обучения Исамудди Исмаилова начали привлекать к исследовательской работе. Исраил Арсаханов в то время был преподавателем в институте. Впоследствии он защитил диссертацию и стал доктором филологических наук.

Арсаханов отправлял Исамудди то в архив, то в музей, то в библиотеку имени Чехова для освещения той или иной исторической темы. Уже в конце первого курса, основываясь на изученных материалах, спорил с преподавателями. Не обходилось без дискуссий также с кандидатом наук Дошлако Мальсаговым и самим Исраилом Арсахановым. Именно эти два наставника заметили в студенте Исмаилове склонность к исследовательской

деятельности, несгибаемую волю, аналитическое мышление и упрямый настырный характер. Они всячески старались развить в нем все эти качества.

Поиски в государственном архиве ни к чему не приводили. Исмаилов не мог найти нужные документы. Сотрудники архива, указывая на двор, со слезами на глазах признавались ему: «Ваш архив сожгли в 1944 году на наших глазах!». И действительно, в грозненском архиве не было никаких документов за исключением чудом сохранившихся старинных рукописных текстов. Как выяснилось позже, материалы по истории чеченцев уцелели в Дагестанском государственном архиве, а также в архивах Грузии и Армении.

Во время учебы в институте Исамудди штудировал труды авторов немецкой классической философии, английской политической экономии, французских социалистов-утопистов. Основательно изучал труды Маркса и Энгельса, философские работы современных авторов. К концу учебы в институте неосвоенного материала для Исамудди почти не оставалось. Он ознакомился с литературой тюркских народов, историей кавказских языков. Углубленно работал над русским языком. По истории чеченского народа оставалось еще много неизученного. Но исторические материалы были недоступны для Исамудди. Для этого надо было ездить в Москву, а будучи студентом, он не мог себе это позволить. Особенно его притягивали книги по истории. В библиотеке он ознакомился с многотомным изданием XIX века – «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией».

В студенческие годы у Исамудди на квартире собирались студенты грозненских вузов – педагогического и нефтяного институтов. Помимо политических тем, обсуждались и практические вопросы. Думали, как и чем помочь многострадальному народу. На последних курсах обучения студенты сверяли свои дальнейшие планы на будущее: кто-то собирался изучать вайнахские народные песни, другие – сказки, третьи – материалы о вайнахских героях Советского Союза.

После окончания института Исамудди приступил к сбору полевого материала. Купил фотоаппарат, магнитофон. Но остался в одиночестве. Товарищи, в силу разных обстоятельств, отошли от исследовательской работы. Да, наверное, многие и понимали, какими жизненными проблемами и неурядицами грозит им подобного рода научная деятельность.

По распределению в 1963 году он начал работать учителем русского языка и литературы в средней школе в с. Кошкельды. Через год перевелся поближе к родным в Герменчик Бабаюртовского района ДАССР. В средней школе преподавал русский язык и литературу, историю. Из-за нехватки учителей пришлось стать и учителем физики. Неоднократно поднимал вопрос о введении в Герменчикской средней школе уроков по чеченскому языку и литературе. Они были введены в данной школе намного позже.

Вскоре Исамудди ушел из школы. Устроился работать строителем в местный колхоз. Мотив был лишь один: преподавательская работа мешала воплощению в жизнь мечты, которой он посвятил всю оставшуюся жизнь.

Исамудди каждый день вел поиск материалов по истории вайнахов. Собрал богатейший полевой материал про участников Гражданской и Великой Отечественной войн, общаясь непосредственно с участниками тех событий, копии документов из государственных архивов Дагестана, Грузии, Армении,

Москвы, Ленинграда, Ярославля. Объездил вдоль и поперек Дагестан и Чечено-Ингушетию. Вместе с другими патриотами боролся за полную реабилитацию аккинцев. Написал немало писем в обком КПСС Дагестана, Центральный комитет КПСС, в правительство СССР, в которых разъяснял реальное положение чеченцев-ауховцев. Выступал с предложением включить Ауховский район в состав Чечено-Ингушской АССР. Доказывал ошибочность решения о присоединении ауховцев к Дагестану.

– Я познакомился с Исамудди Исмаиловым в 1987 году, – рассказывает общественный деятель Жумахан Умалатов. – Впервые мы поехали к нему с Индерсолтаном Гантемировым. Он был незаурядным человеком. Ему очень хотелось, чтобы народ знал свою историю. Делился копиями исторических материалов. У него было много фотокопий первоисточников. В частности, книги «Тархи Дербент-наме». А когда он изучал какой-либо исторический факт или легенду, то пытался его раскрыть со всех сторон. Много общался со стариками – с вайнахами, кумыками. Вел поиск документов в архивах. И только после этого писал об исследуемом предмете всесторонне в своих статьях. Книгу «Ауховские хроники» он писал, основываясь на материалах Махмы Магомедова из с. Юрт-Аух и Висирпаши Ибрагимова из Бони-Юрта. У них были тексты, написанные арабскими буквами «синсил». Записывая рассказы, он тексты вначале сравнивал. И лишь потом описывал их в своей книге.

В созданном Исамудди музее много фотографий и рассказов героев Гражданской и Великой Отечественной войн. Исмаилов первым начал изучать ауховскую историю как часть общечеченской. Все остальные историки, которые занимаются прошлым Ауха, опираются на него. Вполне возможно, он мог допустить кое-где искажения. Но содержание и направление его работ безошибочны. Исамудди изучил немало архивных материалов на разных языках. Он был всесторонне развитым, многогранным ученым. Его исследования охватывали культуру, быт, общественное и социальное положение нашего народа.

– Взяв с собой рукопись Исамудди Исмаилова «Надругательство над разумом и здравым смыслом», которая состояла из сорока одного тезиса, мы вместе с Самаилом Бийбулатовым и Эрсмурзой Нуцалхановым поехали в Москву, в Институт истории Академии Наук СССР. Книга являлась ответом на допущенные искажения в двухтомном издании «История народов Северного Кавказа», – вспоминает Жумахан Умалатов. – Секретарь института истории Л.М. Гаврилов письменно ответил: «...По-видимому, сложившиеся взаимоотношения между отдельными обществами чеченцев, лакцев и аварцев можно объяснить только ошибками, имевшими место при возвращении аккинцев и благоустройства их жизни на прежних родных местах. Эти исторические факты получают объективное освещение и оценку в готовящихся к изданию 3 и 4 книгах «Истории народов Северного Кавказа». Партия и Советское правительство принимает ряд конкретных мер по восстановлению законных прав акинцев: в частности, в местных органах республики введено их представительство. Предпринимаются меры по дальнейшему налаживанию добрососедских отношений между жителями чеченских, лакских, аварских и кумыкских селений в условиях расширения гласности и демократизации нашего общества». Но третий и четвертый тома

данного издания так и не вышли. Мы отпечатали рукопись Исмаилова в восьми экземплярах и раздали ее дома патриотам.

Исмаилов в письмах спорил с академиком Виноградовым, указывая ему на ошибки, которые тот допускал в своих научных публикациях, и осуждал его за попытки искажения реальной вайнахской истории.

Исамудди вкладывал в изучение истории всю свою душу. Наверное, это и послужило причиной ранней для его возраста болезни. 3 июня 1979 года Исмаилов со старшим сыном Абдулмалайком поехал на самодельном тракторе на сенокос. Траву косили вручную. Двенадцатилетний ребенок чистил луг, когда заметил, как упал его отец. Исамудди с трудом попросил сына привести кого-нибудь из взрослых. Абдулмалайк побежал в сторону домика колхозного сторожа, который находился примерно в километре от них. Рядом с домом были чабанские овчарки, которые не стали преградой для мальчика. Преодолев страх, он вошел в сторожку. Дома никого не оказалось, и он побежал обратно к отцу. Отец с трудом сказал сыну: «Беги в село по дороге, по которой мы приехали». А село находилось в пяти километрах от них. Абдулмалайк побежал по дороге в сторону села. К счастью, плачущего ребенка увидели председатель колхоза и его помощники, которые приехали на поле обсудить некоторые вопросы посева. Заметив мальчика, бегущего по дороге, они почуяли неладное и пошли ему навстречу. Они привезли Исмаилова домой. А паренек сел впервые за руль трактора и пригнал его домой.

Врачи выявили у Исамудди инсульт головного мозга. Впоследствии Исамудди так и не отошел полностью от болезни и получил группу инвалидности. Ездить и собирать полевой материал у него сил уже не было. В основном работал дома. Изучал и анализировал собранные архивные документы, писал статьи.

Властям Дагестана не нравилась подобного рода деятельность Исмаилова, чиновники любыми способами пытались помешать его исследовательской работе.

«...Дагестанская ученая общественность не замечала Исамудди, делала вид, что его научные труды их не интересуют, но факты – вещь упрямая: приходилось отвечать на обращения ауховского исследователя; признать его правоту они не могли, так как пришлось бы переписать всю историю Дагестана и Чечни, а ведь она была «так красиво слеплена». Сделать этого они не могли.

Раз за разом к нему приходили, «беседовали», конфисковывали его материалы, но он не остановился, не прекратил работу, даже в самые «интересные» 60–70-е годы, когда все и вся было под контролем. Его пытались изолировать от общества, объявить чуть ли не одиночкой с «другой планеты», многие «известные чиновники» и руководители сторонились его, хотя и использовали его материалы для некоторых собственных и «общественных» нужд. Но он не покорился. Только его семья и близкие способны оценить, через что он прошел», – писал в статье «Горение или жизнь во имя...» кандидат исторических наук Асрудди Адилсолтанов в газете «Халкъан аз» («Голос народа») в 2006 году. И не солгал ни в одном слове.

Как-то к старшему брату Исамудди, Асрудди, подошел местный участковый милиционер и попросил остановить брата, на что Асрудди ответил: «Если он остановится, то его дело продолжу я». Приезжали и профессора из

Махачкалы, пытаюсь опровергнуть его выводы. Но под обилием очевидных фактов уезжали ни с чем.

В одно время, когда сыновья Исамудди учились в младших классах, они пожаловались отцу, что учителя упрекают их, что они на чужой земле: уходите, мол, в свою Чечню. Исамудди написал письмо в управление КГБ ДАССР. Но ответа не было. Тогда отправил копию письма в Москву. Разразился скандал. Приехала комиссия из Москвы, директора Герменчикской средней школы вызвали в райцентр и объявили строгий выговор. Дело дошло до того, что председатель колхоза в Герменчике, начал утверждать, что он чеченец. Сопровождающие высоких гостей республиканские чиновники мягко упрекали Исмаилова: «Зачем писать в Москву? Мы бы сами разобрались и наказали виновных».

Не раз власти Дагестана с помощью своих карманных врачей пытались объявить его психически нездоровым человеком. Умудрились вызвать врача-психиатра из Москвы. Они приехали к нему, и врач начала задавать вопросы, пытаюсь выяснить отклонения в психике. Исамудди внимательно выслушал все вопросы. Ответил на некоторые из них и спросил: «А кто вы по специальности?» Та ответила: «Врач-психотерапевт». Исмаилов, поняв все, сказал: «По вашей части я абсолютно здоров». Вердикт был однозначен: психически здоров.

– С Исамудди Исмаиловым меня познакомил отец, Айнудди Адилсолтанов, они были сокурсниками в институте, – рассказывает Асрудди Адилсолтанов. – Впервые мы поехали к нему в 1982 году. Он мне много рассказывал о настоящей истории вайнахов, которая сильно отличалась от официальной. Он является моим учителем.

При непосредственной поддержке Исмаилова, Адилсолтанов защитил кандидатскую диссертацию. Основываясь на исторических материалах из личного архива Исамудди Исмаилова, написал книгу «Акки и аккинцы в XVI–XVIII веках».

Посильную помощь в создании домашнего краеведческого музея вайнахов Исамудди оказали друзья и единомышленники, патриоты своей малой Родины: учитель истории Алвади Махтиев, известный краевед-историк Калсын Устарханов. Немалую лепту в благородное дело внес журналист, автор книги «Черный февраль» Муса Гусеев.

Во всех начинаниях Исамудди поддерживала с 1965 года и была верной спутницей в жизни супруга Сижан Исмаилова (Батиева). В крепкой и дружной семье Исмаиловых родилось четверо детей: сыновья Абдулмалайк, Абдулвахид, Абдулбасир и дочь Айна. Немало невзгод пришлось пережить Сижан. Но она сохранила семью, несмотря на все лишения и удары судьбы. Помогала супругу во всем и воспитала детей достойными людьми, настоящими сыновьями и дочерью нашего народа.

Дочь Айна пошла по стопам отца. Закончила исторический факультет Чеченского государственного университета. Затем защитила кандидатскую диссертацию. Автор многих исторических статей. Ныне работает на историческом факультете ЧГУ в должности доцента. Хранит и бережет музей, созданный дома отцом, и является достойным последователем дела, которому ее отец посвятил всю свою жизнь.

– В области научных исследований, – рассказывает кандидат исторических наук Айна Исмаилова, – отец планировал устроиться работать в какое-нибудь научное учреждение: в Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт или в Дагестанский филиал (Дагестанский научный центр) и тем самым включить свои материалы в программу научной организации. И издавать публикации по истории ауховцев. Собранные и обработанные им материалы о гражданской войне в Дагестане должны были стать его кандидатской диссертацией. А книги и статьи о русско-вайнахских отношениях и национально-освободительном движении вайнахского народа XVIII–XIX веках должны были лечь в основу его докторской диссертации. Но всему этому не суждено было сбыться. 3 июня 1979 года его свалила тяжелая болезнь. Но это его не остановило. Он продолжал заниматься историей вайнахского народа, не выезжая из дома. Кроме указанных его перу принадлежат работы «История гражданской войны или Борьба трудящихся хасавюртовского округа (Ауха) за установление Советской власти», «Очерки по основным событиям ауховской истории с начала нашей эры до конца XVIII века», «Очерки по основным событиям ауховской истории с начала XIX века до 1924 года», «Надругательство над разумом и здравым смыслом», «О вайнахском переселении в феврале 1944 года на восток», «Вайнахские сказки», «Основные научно-теоретические проблемы вайнахских языков», материалы для аккинского толкового словаря, большая работа «Аккинско-русский словарь» (130 тысяч слов), «Самоучитель арабского языка». Собраны также «Местные хроники по истории ауховцев».

Исамудди Исмаилова не стало 2 июля 1999 года. Врачи диагностировали инфаркт. Работал он практически до последних дней своей жизни и оставил после себя яркое историческое наследие. К сожалению, ему не удалось защитить ни кандидатской, ни докторской диссертаций. Хотя для восстановления исторической справедливости он сделал больше, чем некоторые ученые с научными степенями кандидатов и докторов исторических наук. Его книги до сих пор не изданы. Как-то велись разговоры о создании краеведческого музея чеченцев-аккинцев в восстанавливаемом до сих пор Ауховском районе. Но, к сожалению, дело пока не сдвинулось с мертвой точки.

Исамудди Исмаилов остался в нашей памяти человеком неслышимой воли и обостренного чувства справедливости. Человеком, который ради правды был готов пожертвовать всем. Был искренним патриотом родного края. И он достиг своей мечты: изучил огромный пласт нашей истории. И прав Жумахан Умалатов, когда говорит, что Исамудди является стержнем в изучении ауховской истории. Историю Ауха надо изучать, не отрывая ее от общей чеченской истории. В ней много неизученных белых пятен. Исамудди Исмаилов сделал очень многое. И до сих пор ни один из нынешних ученых со степенями кандидатов или докторов исторических наук не прошли и половины того пути, которому Исамудди Исмаилов посвятил всю свою жизнь.

Зелим Мусаев

Мне выпал шанс родиться здесь...

Затаив дыхание, жду вестей,
глупый мальчуган,
но искренний, ранимый –
как солдат письмо от девушки своей,
как тепла – юродивый, гонимый.

И печалью век мой омрачен,
по земле скитаясь рваной тенью,
музу я ищу, в которую влюблен –
чтоб ожить хотя бы на мгновенье.

Скамейка в парке одиноко
стоит и ждет. Деревьев круг.
Я бы отдал весь мир вокруг –
чтобы вернуть в мгновенье ока,
и не обидеть ненароком
тебя, любезный милый друг.

Я жду тебя под деревом густым,
как вечный принц, как месяц
восходящий.
Открытый сердцем, как всегда
простым,
но искренним, большим и
настоящим.

Наблюдаю мириады звезд
этой ночью. Только б не уснуть.

Тени от луны легли на мост,
я спешу и пробую рискнуть.

Кто-то показался вдалеке,
что-то так стучит и греет грудь –
я открылся, я пришел к тебе
этой ночью. Только б не уснуть...

Где-то там, глубоко под водою,
среди мрака лесов, среди порчи,
в подземелье, покрывшись корою,
зверь живет, что ужаснее ночи.

Его облик – свирепое море,
в нем приливы огней и кошмаров,
его лапы – печали и горе,
а глаза – угольки от пожаров.

Этот зверь точно смерти подобен.
Я боюсь его – в то же мгновенье,
я прикован к нему, несвободен,
так как он есть мое отраженье.

В саду моем цветенье роз,
в нем так спокойно и уютно,
но мое чувство безрассудно –
и в том саду сорняк пророс.

И чтобы множились деянья
благие совести моей,
я веры нож достал своей,
сорняк тот срезал в назиданье.

В моем саду цветенье роз,
в нем так уютно и спокойно.
Я вместе с этим садом рос,
прожив смиренно и достойно.

Смерть

Я открыт, заходи!
Растерзай меня изнутри,
разорви мою душу на сотни
тысяч кусков –
я уже никуда не спешу, я готов.
Мое сердце скорми волкам,
мою печень пусть ворон клюет,
мое тело в лесу пусть гниет...
Погрузи меня в пустоту
и оставь разлагаться на дне –
я уже никуда не уйду,
я весь твой, я открылся тебе.
Мне не страшно, уже не боюсь –
не мила мне здесь жизнь из песка.
Заходи, я тебе отдаюсь –
без остатка и без конца.

Пусть в дальние страны
 плывут корабли,
и движутся реки по венам Земли.
Останется нам на закате багровом
все то, что, влюбляясь,
 мы в сердце нашли!

Этой осенью будем грустить
о потерянном времени, лежа,
о снегах не пришедшей зимы –
и о песенке той, что не спета,
но в которой хотели бы мы
рассказать, чем же сердце задето.

Из глубины веков течет ручей:
кто изопьет воды –
 король всех королей.
Кто обойдет его – тотчас освободится.
Ты властвовать рожден
иль вольным быть, как птица?

я шаман
береги виски
этот мир
нерушим стоит
зоркий взгляд
как змеиный яд
что пронизывает
все подряд

я шаман
стерегу свой лес
вечный дух
этих диких мест
враг врагу
сын седой зимы
добрый друг
для святой земли

Грустно и смешно...
 Смешно и грустно.
Сердце я открыл, в котором пусто.
Сердце я закрыл, в котором небо,
жизни радуюсь, она – плацебо.

Музыка – и та не греет уши,
наблюдаю звук через беруши,
наблюдаю солнце через раму –
я легко от жизни не отстану.

Как тихо стало во дворе...
А нет... в бушующем уме.

В нашем городе нет самураев.
И философов тоже нет...
Почему же за чашкою чая
ты угрюм и задумчив, поэт?

Как много было, как много прошло.
Я вчерашний, не поверил бы
ни за что...
Что можно прожить тысячу жизней,
просто поняв, что все есть одно.
И с кем же мечтать,
как болью делиться –
когда понимаешь, что ты – единица?

Легко гармонию познать,
когда кругом леса и горы.
А ты попробуй обуздать
возникший гнев на пике ссоры.

Сон, длиною в жизнь,
боль, которой нет.
Я искал на внутренний вопрос
вовне ответ.

Я всегда спешил,
строил и ломал...
Там, где смысла нет,
я его искал.

Сон длиною в жизнь.
Пробуй, пробудись –
если сможешь обуздать
больную мысль.

Вызов мира здесь,
сила смелых ждет.
Осознай ненужной жизни гнет.

Выбор есть всегда –
сердце или ум.
Прекрати поток ненужных дум.

Внутрь загляни –
там ищи ответ –
на любой вопрос увидишь свет.

Природа, не зная усталости,
излечит от горя и ран.
Отбросив все прочие важности,
будь ближе к земле, падаван!¹

Улыбнись своему несчастью,
и печали своей улыбнись.
Будь светилом в грозу и ненастье,
за себя и других помолись.

Помогай тем, кто просит прощенья.
Сострадай тем, кому не помочь.
И тогда, юный друг, без сомнения,
твоей жизни закончится ночь.

По пустынной равнине скитаюсь,
душу Господу вверив на милость.
Там, где небо касается края,
моя смерть за холмом затаилась.

И пылинки песка под ногами
мне напомнят, что все это тщетно –

то, к чему я стремился годами,
в миг последний исчезнет бесследно.

Пустоту заполняю звуком,
раздающимся из гортани.
Он теперь стал мне новым другом:
выручает, когда я на грани.

Заглушает чужие страхи,
что навязаны мне не мною.
Сняв доспехи своей рубахи,
сердце настезь Ему открою.

Мне выпал шанс родиться здесь.
Теперь Я Есть – и даже весь.
Теперь я тут, как дважды два.
И кто-то шепчет мне слова:

«Играй на солнышке, резвись.
Наступит час – остановись.
Верни предметы на места,
сполна вкуси любовь и страх.

Еще грехи, чтоб знать, где свет.
За тьмой последует рассвет.
Твори добро и жизнь познай.
Забудь себя, затем узнай.

Запомни, смысла не найдешь.
Трудись, чтоб радостней жилось,
люби сильней и будь любим,
а остальное Мы простим».

Когда-нибудь узрим мы Бога,
узнаем тайны бытия,
увидим первопредков рода
у бесконечного ручья.

Тогда мы потеряем смысл,
и горе не коснется нас.
В уме моем мелькнула мысль:
«Когда-нибудь, но не сейчас...»

Уходит в ночь один из дней
печали-радости моей.
Чего я жду? О чем мечтаю,
безмолвно сидя у дверей?

Линии мира, сплетаясь в узлы,
нам открывают другие миры.
Знающий, ведает разницу в них.
Видящий – знает, поэтому тих.

Волны пронзают детали мостов.
Звук тишины уникальнее слов.
В редком безмолвии кроется суть –
в нем и слепому откроется путь.

Я, как в детстве, радуюсь всему,
что тревожит мир воображения,
что открылось гибкому уму
и застыло в ритме исполнения.

Мне все так же хочется летать,
открывать бесчисленные дали.
Что бывает слаще чувства – знать
то, что мы вчера еще не знали?

Прекрасное не существует без печали,
как зло не существует без любви.
И было бы печальной,
если б мы не знали,
что в этом мире мы совсем одни.

И все-таки, когда льет дождь –
это лучше, чем без дождя.

Когда рядом, подруга,
со мною идешь –
это лучше, чем без тебя.

Открыв свое сердце,
иду за порог –
За каменной дверцей
раскрылся цветок.

Отпусти меня, злое прошлое,
не хочу быть я больше злым.
Мне от этих иллюзий тошно –
что укутали мир мой в дым.

Я устал от своих опасений
и от вечных раздумий устал.
Мне противен я сам – и мой гений
не поднимется на пьедестал.

Надоела мне вся эта мука –
нету сил, чтоб себя пожалеть.
Либо стану мгновением звука,
либо мне суждено умереть.

Я не в силах нести эти мысли
и все время ходить по земле,
над которою тучи нависли...
Мне так страшно признаться себе,

что я сам виноват, и во многом,
не сумел от беды уберечь
то, что было даровано Богом
и должно было в сердце залечь.

Отпусти меня злое прошлое,
за советом к тебе не вернусь,

и, разрушив все замки пошлого,
в бесконечности растворюсь.

Я покупаю мыло в Amway²
и регулярно старею.
Если возьмем за основу today³,
то постепенно умнею.

Каждый, кто хочет жить в paradise⁴,
должен навеки усвоить –
только развив свой разумный devise⁵,
счастье возможно построить.

Тебя ожидают горы,
пустынные берега,
раскинувшееся море,
Сибири глухой леса..

Падения и высоты,
умеренные места,
арктические красоты
и южные города.

Открой для себя равнины
большой и богатой страны.
Освободись от рутины!
Пойми, наконец, кто же ты!

Что движет нас к звезде далекой,
сияющей в небесной тьме –
усталость жизни одинокой?
Томленье Духа на Земле?

Мирская жизнь нам не напрасно
Творцом Всевидящим дана,
минуя страхи и опасность,
мы жить хотим, как та звезда.

Любить, неистово сияя,
тепло даруя всем вокруг,
гореть – никак не догорая,
спасая мир от тьмы и мук.

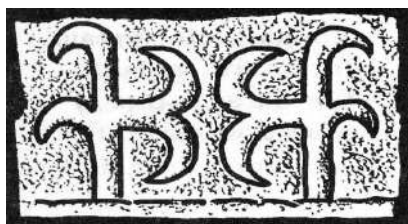
Надежду в лучшее вселяя,
покой оставив навсегда,
гори, мой друг, не догорая!
Живи, мой друг, как та звезда!

Песнь варвара

Во мраке бездны тьма утонет –
а вместе с ней моя душа –
среди сражений и агоний,
среди врагов и грабежа!

Рожденный властвовать вовеки,
рожденный смерти попирасть,
проплыв Аид и крови реки,
я стал царем, чтоб побеждать.

льется река
летит комета
издалека
попутным ветром
из-под волос
моей любимой
вижу пророс
орнамент дивный
вижу накрыт
обед и ужин
счастье летит
в дома и лужи
счастье поет
о нашей встрече
вкушаем мед
безмолвной речи

¹ Падаван – персонаж из американского сериала «Звездные войны», джедай-ученик: мальчик или юноша, в чьи обязанности входит подавать меч и т. п.

² Amway (англ) – американская фирма бытовой химии и нутрицевтиков.

³ Today (англ) – сегодня.

⁴ Paradise (англ) – рай.

⁵ Devise (англ) – девиз, поиск и т.д.

Иса Закриев**Рассказы****Торговец**

– Имбирь – чудесный подарок, ниспосланный нам свыше. В нем столько витаминов, активных веществ, убивающих все известные и неизвестные вирусы и бактерии, что владельцы фармацевтических компаний хватаются за голову. Если человек сумеет в полной мере использовать волшебные качества имбиря, то врачи перестанут быть нужными, а лекарства потеряют востребованность! – рассказывал продавец имбиря.

– То же самое вы говорили и про семена льна неделю назад, – заметил покупатель.

– Семена еще не подвезли. Знали бы вы, какое чудо творят они вместе с имбирем...

– Надеюсь, корнем лопуха вы не будете торговать, – улыбнулся покупатель, и тут же пожалел о сказанном, заметив, как торговец задумался, зависнув словно «Pentium 2».

Одиночество в пыли

Иные любят одиночество – им так легче, без лишнего груза. И она была из таких... Радовалась, когда ее покидали, бросали, забывали, даже пыль становилась сладка.

А сколько боли ей передалось? Слезы часто капали, густые, как вода Мертвого моря, разъедая кожу. Эти пятна не проходят, они как рубцы от оспы, остаются, как и следы синюшных пальцев, цеплявшихся за нее, впивавшихся в нее.

Сколько скорбных жалоб было в заунывном плаче ее спутников.

А вы знали, что скрип зубов всегда разный? Нет?

Спросите у инвалидной коляски...

Свет и тьма

У меня отключили электричество – погас свет. Правду говорят: «тьма – отсутствие света». Отключился телефон, связи нет, обрезана для меня и всемирная паутина. Появляется минутная тревога. Во мне все-таки сидят эти капризные детишки, требующие общения, роликов, картинок, новостей. Мозг тоже начинает беспокоиться – ведь он облегчил свою память, доверив все знания и информацию Гуглу. Сейчас он запаникует, предчувствуя «ломки» и информационный голод.

Зажигаю свечу, беру книгу и читаю. Книгу никто не выключит.

Свидание

Снова состоялось их чудесное свидание. Она ждала с нетерпением, хотя он приходил всего несколько дней тому назад. Так быстро соскучилась, истосковалась, что губы начали покрываться трещинами, изнывая от жары. Солнце устало наблюдало за ней.

И вот их встреча состоялась вечером, они весело говорили до глубокой ночи, звонкий смех разлетался по крышам домов, стучался в окна спящих домов, пытаясь поделиться счастьем.

О чем они говорили на своем, понятном только им языке, осталось тайной, но веселая дробь их речи убаюкивала и давала новую надежду.

Встреча земли и дождя – чарующее действие.

Верность

Женщина слегла внезапно, ходила себе без жалоб на здоровье и видимых предпосылок к недугу и вот... Она довольно бойко справлялась с домашними делами, несмотря на преклонный возраст, радовала этим мужа, детей и внуков. Это бывает, когда уже перестаешь беспокоиться за здоровье стариков, поверив, что им еще долго здравствовать.

Дед, который сам часто кряхтел от болей в коленях и пояснице, да и гипертония давала о себе знать, вошел в комнату и сел на стул. Женщина виновато улыбнулась, что не может сесть в кровати.

Мужчина махнул рукой. Сноха вышла, «вспомнив», что пора ставить мясо на огонь.

Старик чертил на ковре круги тростью и тщательно подбирал слова.

– Ты знаешь, как тяжело мужчине моего возраста остаться без спутницы. Вам, женщинам, легче – с вами дочери, внучки, а с нами они соблюдают дистанцию, невольно обрекая на одиночество. Шестьдесят три года мы с тобой живем вместе, и не было случая, чтобы ты сделала шаг вперед моего. Никогда не говорил этого, но я благодарен тебе. И моя последняя просьба – не уходи раньше меня.

– Конечно, я не уйду, – тихо ответила женщина. – Молю Аллаха об этом, все в Его воле.

Они прожили еще несколько лет. Старик ушел первым вечером в четверг. Через три дня скончалась и его верная супруга.

Падение

Солнце палило немилосердно, нещадно, иссушая, выпаривая всю жидкость из тела и обжигая до треска.

Он тяжело упал на землю лицом, не понимая, что лучше – упасть лицом в пыль или в грязь. Люди равнодушно проходили мимо, перешагивали, не обращая внимания, не выражая жалости, хотя он и был достоин. Игнорирование было оскорбительно и больно, а он привык сам причинять боль.

Его взгляд мутнел, силы покидали, дыхание становилось сдавленным, словно тысячи пауков связали легкие паутиной изнутри. Он смотрел по сторонам, ища спасения, но не увидел ничего, кроме плевков. Такое падение было унижительным, мучительным, и воспоминания о прошлом, в котором

были сила и мощь, пожирали кислород вокруг, оставляя удушающие азот и углекислый газ. Хотелось плакать, но пекло выжгло слезы.

Зарываясь в пыль и превращаясь в прах, COVID-19 понял: ничто не вечно под луной и тем более под солнцем.

В узде?

Она прекрасна. Изящные, без изъянов, изгибы влекут, ухоженность, манящая за собой в бесконечную даль, вызывает уважение.

Ее не догнать, она убегает, хотя кажется, что совсем близко, что можно рукой достать. Но посмотришь и увидишь – она убежала и скрылась в тени горизонта. Прямо кокетка...

А как она умеет провоцировать молодых людей на безумные поступки! Адреналин в крови надувает вены и неокрепшую «сносит башню».

Прямая дорога. Она манит и притягивает к себе ноги водителя даже через железо автомобиля. Жаль, что между ступней и асфальтом всегда стоит педаль дросселя – виновника превышения скорости.

Трасса – как своенравная женщина-аристократка. Она слушается только настоящих мужчин, способных держать в узде свои чувства и эмоции и вовремя ослаблять давление отполированного ботинка.

Когда хочется что-нибудь написать

Когда хочется что-нибудь написать и ты ищешь причину, почему не пишется, невольно начинаешь тревожиться. Заглядываешь в задворки мозга, где из-за каждого поворота извилины выглядывает вирус, и понимаешь, что он – вирус – играет твоими нейронными связями, как гуслиар струнами. Мозг просит тебя о помощи, и ты бежишь за ней в душу, но там, за закрытой дверью, в изоляции скребется карантин. Не достучаться.

Сердце тоже ничем не может помочь, только клапанами пожимает, рутинно, без энтузиазма качая густую кровь. Вся надежда на глаза. Смотрю из окна своей изолированной – не смежной – комнаты на нависшее над горами небо, оно просветлело сегодня, по его синеве пасутся круглые упитанные облака. Яблоня машет веткой, пчела недовольно жужжит и, отяжелевшая, улетает домой. Везучая.

Но сюжета нет, мысли в масках и не ясно, какие они – за масками. Простите, друзья, и сегодня рассказа не будет.

Аквариум

Люди! Я не успеваю. У меня не хватает ни сил, ни времени. Столько информации... Вы думаете, что человек способен потреблять все, что вы выкладываете в Интернет?! Сайты, сети, онлайн-трансляции, прямые эфиры, мессенджеры, радио, телевизор. Все приглашают, зазывают, рекламируют, предлагают. Мы забыли о простом человеческом общении. Я не могу одновременно смотреть десять онлайн-трансляций, у меня только один мозг. Интернет как безбрежный мировой океан, у меня нет столько жизней, чтобы осматривать все его экзотические достопримечательности. Поэтому я смотрю в свой аквариум, в котором собрано все самое интересное – люди избородили океан и выбрали то, что стоит внимания. Я беру и читаю свежую газету. Кстати, хорошо пахнет.

Мансур Магомадов

Социальная и религиозно-философская мысль Чечни в начале XX века

Прогрессивная общественная мысль Чечни в освещении газеты «Терский край» (1910–1912)

Продолжение. Начало в № 1 (2020)

Как известно, «печатное слово – ускоритель общественного прогресса, стимул развития человеческой мысли»¹. Грозненская пресса начала XX века наглядное тому подтверждение. Со страниц местной печати звучит голос не только представителей официальной власти, но и общественности, лидеров различных партий и движений. Особенно яркое тому свидетельство – газета «Терский край». Есть, правда, в истории этого издания периоды, когда общественная мысль была стиснута в жесткие рамки цензурных ограничений, любое проявление инакомыслия каралось властями, а правду, истину приходилось высказывать, используя для этого эзоповский язык.

В начале XX века тема Кавказа не сходит со страниц многих петербургских и московских газет. Столичные журналисты, по мнению «Терского края», называют Кавказ «классической страной разбоев». Такая характеристика раздражает газету. Признавая наличие преступности в крае, она вместе с тем упрекает столичных журналистов в отходе от принципов истинного знания, когда на основе отдельных, нетипичных, изолированно взятых из жизни фактов, делаются масштабные обобщения, ложные выводы относительно ценностных ориентаций всего местного населения, не учитывая при этом глубинных социальных, экономических, политических причин данного явления.

Подобные обобщения, как считает газета, не делаются относительно Парижа или центральных губерний России, где преступности ничуть не меньше, чем на Кавказе. «Совершенно иное отношение наблюдается в случаях, когда заходит речь относительно язв, разжигающих общественный организм Кавказа. К делам его касающимся подходят с предвзятым убеждением о каких-то особенных свойствах характера местного населения – свойствах, препятствующих применению на нашей окраине общегосударственных законов»², – пишет газета. Социальные, экономические, политические, судебные реформы на Кавказе не проводятся из-за такого, по мнению газеты, «неверного отношения к краю». Газета усматривает в подобном отношении не просто заблуждение, а целую программу, негласно принятую и одобренную в самых верхних эшелонах власти. Свои наблюдения «Терский край» иллюстрирует словами премьер-министра страны П.А. Столыпина, который высказался так: «Сначала успокоение, а потом реформы».

«Успокоение» местного населения осуществлялось настолько своеобразно, жестоко и бесчеловечно, что многие представители передовой русской и чеченской интеллигенции вынуждены были высказать на страницах газет свое

негативное отношение к нему. Резкой критике подверг такие действия властей и А. Мутушев. Его статья в защиту гражданских прав и свобод горского населения была опубликована в петербургской газете «Новая Русь». 38 членов Государственной Думы, среди которых был Т. Эльдарханов, выступили с поддержкой горского населения. Они направили запрос наместнику его Величества на Кавказе³. Депутаты потребовали от местной администрации положить конец гонениям ни в чем неповинных людей.

Грозненские газеты «Терский край», «Терец», «Север Кавказа» поддержали членов Государственной Думы, подготовили и опубликовали на наболевшую тему немало острых критических статей.

Особенно четко и более последовательно проявилась в этот период позиция газеты «Терский край». Она одной из первых напечатала на своих страницах запрос депутатов Государственной Думы, снова и снова возвращалась к поднятым ими проблемам. Вот что пишет газета в одном из ноябрьских номеров в 1910 году: «Борьба, предпринятая терской администрацией с Зелымханом (абрек – М.М.), оперирующим в последнее время в пределах Назрановского округа, вылилась в настоящее время в нетерпимые ни в одном правовом государстве меры, направленные не столько к поимке Зелымхана и его шайки, с которыми местная администрация борется безуспешно в течение многих лет, сколько против мирного, ни в чем неповинного ингушского населения»⁴.

Страдали не только ингуши. В начале XX века в результате колониальной политики царизма экономическое и политическое положение народов Северного Кавказа заметно ухудшилось. Невыносимые условия толкали отдельных горцев на такие поступки, как кража, разбой, абречество и т.д. «Царское самодержавие под лозунгом борьбы с «падением нравов» кавказских народов усилило свою шовинистическую политику, основным принципом которой стало натравливание одних народов на других. Наместники царизма считали, что горцы преступны по своей натуре, беспокойной и необузданной»⁵.

Представители передовой интеллигенции подвергли резкой критике подобные взгляды. Так, Д. Шерипов, скрывший свое настоящее имя под псевдонимом «Чеченец», писал в газете «Терский край»: «Народная масса, выбитая из старых устоев обычного права, лишенная возможности за свое полувековое существование под владычеством России проникнуться новыми основами гражданского строя, мечется и стонет, а темные элементы спешат использовать такой порядок вещей и продлить его для своих корыстных целей»⁶.

Общественность, особенно представители передовой интеллигенции, считали невежество, необразованность горских народов основной причиной роста преступности в крае. Тесно увязывая эти социальные язвы с просветительскими задачами, они все более настойчиво ставили на страницах местной печати вопрос о народном образовании. Предлагались разные варианты просветительской деятельности. Особенно жаркие дискуссии вокруг данной проблемы развернулись на страницах владикавказских и грозненских газет в конце 1910 – начале 1911 года⁷. Poleмика о школьном образовании, возникшая между тремя ведущими северокавказскими газетами «Терские ведомости», «Терек» и «Терский край», положила начало целой серии публикаций о жизни горских народов. В газетных статьях поднимались вопросы исторического, общественно-политического, социально-экономического, межнационального характера. Все они, в той или иной степени, увязывались с проблемой образования, просвещения местного населения.

Тип школы, который предлагался газетой «Терский край», и по своему содержанию, и по форме, был более близок к национальным традициям и обычаям горских народов, в том числе и чеченцам, нежели варианты, которые выдвигались для рассмотрения владикавказскими газетами. «Идеал всякой народной школы, в том числе и туземной, должен заключаться в полноте ее народности»⁸, – подчеркивала газета «Терский край». В чем заключалась, по мнению газеты, «народность школы»? Газета отвечала на этот вопрос так: школа должна быть с «одноплеменным учителем, с местной сферой высших умственных, нравственных и экономических интересов и, без сомнения, с родным материнским языком»⁹.

Почему школьному образованию уделялось столь пристальное внимание? Почему и русская, и национальная интеллигенция всячески пыталась привлечь внимание властей на эту проблему? Почему она так настойчиво добивалась ее решения? Безусловно, речь шла не столько о грабежах и разбоях, наличие которых непременно обосновывалось отсутствием у горских народов отлаженной системы образования, сколько о масштабных, глобальных проблемах и интересах, связывающих совместно живущие братские народы – русских и горцев. «В просвещении туземцев у нас ощущается величайшая нужда, потому что реформы и нашей школы, и нашего экономического благосостояния, и, наконец, нашего нравственного возрождения в желательном направлении, теснейшим образом связаны с непросвещенностью соседнего с нами туземного населения»¹⁰, – отмечала «Терский край».

Принцип взаимообусловленности, взаимосвязанности единичного и общего, который не мог быть игнорирован в нарождающихся новых общественно-политических условиях, диктовал и новые подходы к решению национальных проблем. Вопрос межнациональных взаимоотношений мог быть решен в более или менее устойчивом виде только в условиях паритета гражданских прав, в том числе и на образование. Это хорошо понимали в начале столетия лучшие представители русской и горской интеллигенции, однако такой подход не мог быть принят за основу для принятия решений правительством, ибо, преследуя четкую цель русификации присоединенных народов, царская власть не могла допустить лояльности и терпимости к национальным языкам, обычаям, традициям.

На фоне подобных противоречий особенную остроту приобретала проблема межнациональных отношений. Все сильнее заявлял о себе на Кавказе национальный вопрос. В период относительной свободы печати, т. е. после революционных событий 1905–1907 годов, когда легальная печать добилась значительного расширения своих прав, обсуждение этой проблемы в прессе стало более доступным тем, кто о ней хотел публично высказаться. Правда, не все решались критиковать действия царского правительства и терской администрации. Однако на страницах «Терского края» и остальных грозненских газет нередко встречаются публикации по этому вопросу. А некоторые столичные газеты и вовсе не пытались скрыть свое возмущение по поводу антинародной деятельности терской областной администрации¹¹.

Объективно пытается освещать этот вопрос газета «Терский край». В статье «Национальный вопрос на Кавказе» она пишет: «Русским интересам на Кавказе приходится постоянно сталкиваться с интересами множества других народностей, тесно скученных на небольшом клочке земли»¹². К чему приводили эти столкновения? – задается вопросом газета и сама же отвечает: «Грузию, например, которая почти сто лет питала к русской империи самые верноподданнические чувства, в последнее десятилетие пришлось вновь завоевывать»¹³.

Каковы причины такой разительной перемены во взаимоотношениях двух народов? И почему интересы народов сталкиваются также и на территориях, населенных горскими народами, в том числе чеченцами? По мнению газеты «Терский край», причина одна, это – «хищническое хозяйничанье местной администрации среди крестьянского населения, страдающего от малоземелья и безземелья еще более, чем крестьяне европейской России»¹⁴.

Земельный вопрос был в начале XX века на Северном Кавказе самым острым, актуальным, вокруг него разворачивались жаркие дискуссии и в Государственной Думе¹⁵, и на местах. На необходимость его справедливого решения не раз обращали внимание властей и общественности известные просветители Чечни Ибрагимбек Саракаев, Исмаил Мутушев, Данилбек Шерипов, Таштемир Эльдарханов, Ахметхан Мутушев и другие. В качестве трибуны для выражения своих взглядов, принципов, убеждений они часто использовали страницы местных печатных изданий. В том числе и газеты «Терский край». Стоявшая в конце 1910 – начале 1911 года на прогрессивных позициях – в период, когда редактором «Терского края» был Владимир Парамонов, – газета часто освещала земельный вопрос, не пытаясь сгладить при этом его острые углы.

В одной из своих публикаций, посвященных истории и современности чеченского народа, газета писала о том, что в селе «Устар-Гардой (нынешний город Аргун – М.М.) 3-го участка Веденского округа из общего числа 386 дворов 132 двора безземельных». По свидетельству автора статьи, «такова картина и в других селениях»¹⁶.

Как же эта проблема решалась чеченцами? Какие последствия она имела для них и края в целом? Вот как отвечает на данные вопросы газета. «Некоторые из безземельных сельчан-чеченцев живут путем аренды пахотных загонов у своих или соседних сельчан, – пишет она. – Другие ищут источники существования на стороне в качестве рабочих и служащих, а третьи живут за счет других, предоставляя населению из своей среды значительный процент воров, специализирующихся включительно до грабителей и «разбойников» в юридическом смысле этого слова»¹⁷.

Земельный вопрос, считает «Терский край», – экономическая причина наличия в крае преступности. Однако не единственная. Есть и другие не менее важные причины. Есть среди них и политические, и морально-этические, связанные с предрассудками, устаревшими представлениями о чеченцах. По мнению газеты, «нередко приходится читать неосновательные и вздорные суждения, что будто чеченец еще в утробе матери зарождается с воровскими и абреческими наклонностями»¹⁸.

Результатом такого неверного отношения к чеченцу, подчеркивает автор статьи, является нарушение его гражданских прав, отчуждение от общественной жизни, искусственные преграды, создаваемые царской властью на пути решения насущных проблем, связанных с трудоустройством, переездом на новое место жительства, защитой прав и свобод в судебном порядке. «Для приема на службу или работу по железной дороге, на нефтяные промысла чеченец считается «неблагонадежным». Терская милиция заменена полицейской стражей из казаков, а потому чеченцу доступ туда закрыт»¹⁹, – пишет газета.

Слово «неблагонадежный» редакция берет в кавычки, подчеркивая тем самым свое негативное отношение к его содержанию и смыслу. За короткий период в конце 1910 – начале 1911 года «Терский край» публикует десятки объективных, достоверно отражающих реальную действительность, статей. В них газета не

делит народы на первосортные и второсортные, не противопоставляет их друг другу, характеризуя духовно-нравственные качества и устремления народов по принципу «цивилизованно-нецивилизованно».

Она с одобрением встречает факты, рассказывающие о новых веяниях в жизни чеченского села, пытается осветить как позитивное явление в жизни чеченского народа открытие новых школ, тенденцию роста национального самосознания. Именно как достижения национальной общественной мысли преподносит газета такое социальное явление, характерное чеченскому селу начала XX века, как желание местных жителей видеть на выборных общественных должностях людей образованных, грамотных, ничем себя не запятнавших.

В январе 1911 года «Терский край» пишет: «Нельзя, наконец, обойти молчанием обнаруживающееся в некоторых селениях стремление выбирать на общественные должности до должности сельского старшины включительно, людей интеллигентных»²⁰. Газета с сожалением отмечает, что «это обстоятельство вызывает у краевой администрации недружелюбное к себе отношение». «Терский край», высказывая несогласие с подобной точкой зрения, пишет: «Администрация, очевидно, полагает, что какой-нибудь невежественный деревенский кулак или милиционер, кончивший курс в передних участковых или окружных начальников, может быть лучшим старшиной, чем человек интеллигентный»²¹.

Такой подход не сиюминутный порыв, продиктованный стремлением понравиться определенной категории читателей, а конкретно-историческая позиция газеты, которая главенствовала в ее деятельности в тот период. Это – общественная смелость, скорее всего, синтез взглядов и позиций самого редактора В. Парамонова и лучших представителей чеченской интеллигенции И. Саракаева, Д. Шерипова, И. Мутушева, Т. Эльдарханова, А. Мутушева и других, которые печатались на страницах «Терского края» и остальных местных газет. Что важно отметить – авторами многих острых социальных публикаций являются именно представители передовой чеченской интеллигенции. Правда, в силу сложившейся в ту пору социально-политической ситуации они вынуждены скрывать свои настоящие имена. Их статьи в «Терском крае» подписаны псевдонимами «Чеченец», «Веданхо», «Аргунец» и т. д.

Неприятие официальной точки зрения, которая выставляет всех без исключения чеченцев преступниками и грабителями, проявляется во многих публикациях газеты. Так, на страницах «Терского края» Данилбек Шерипов пишет: «О нас – чеченцах – пишут всякий вздор, кому не лень, пользуясь тем, что не встречает ни возражений, ни разъяснений... В прошлом столетии подобные явления можно было бы объяснить недостатком грамотных чеченцев, теперь на это мы не можем пожаловаться, но, тем не менее, и в наши дни приходится читать всякие небылицы по адресу чеченцев»²².

Эти слова звучат не только как разоблачение неверного представления о чеченском народе, они не только выражение личной позиции, но и готовность отстоять свою точку зрения, вступив в полемику с кем угодно. Более того, в них выражена еще и нравственная направленность социальной мысли чеченцев.

На страницах «Терского края» постоянно встречаются две полярные точки зрения. Происходит такое довольно часто. Так, в одном из номеров «Терского края» были представлены две позиции, два взаимоисключающих взгляда на место и роль писарей в жизни чеченского села. Дискуссия разворачивалась на фоне публикаций о выборах на должность сельских старшин представителей интеллигенции. Она вписывалась в контекст обсуждения новых социальных

явлений в жизни чеченского общества. По мнению газеты, эти вопросы играли «громадную роль среди темного, поголовно неграмотного чеченского населения». И поэтому считалось очень важным, кто будет представлять интересы простых людей в структурах власти. По мнению газеты, это «должны быть лучшие из лучших людей, честные и порядочные, грамотные и образованные, болеющие за судьбу своего народа», то есть «представители интеллигенции»²³.

Такова была позиция не только «Терского края». Социальная мысль чеченцев все больше склонялась к тому, что на ключевых должностях в чеченских селах должны находиться люди действительно способные изменить ситуацию в лучшую сторону. Желание видеть на выборных сельских должностях представителей именно интеллигенции, – явление, характерное той эпохе, ведь именно в этот период представления многих о будущем чеченского народа тесно увязывались, прежде всего, с проблемами образования, просвещения народных масс.

Общественное мнение, формируемое публикациями представителей передовой русской и чеченской интеллигенции, все больше склонялось в пользу необходимости дать чеченцам возможность получить образование, а затем уже искоренять социальные болезни, порождаемые невежеством, безграмотностью широких трудящихся масс.

В газетных публикациях рассматриваемого периода такая тенденция прослеживается очень четко и ясно. В сложившейся социальной атмосфере газета охотно печатает на своих страницах позитивные сообщения из мест, как, скажем, это: «...Надтеречному участку Грозненского округа немного посчастливилось: туда назначен был участковым начальником чеченец-ротмистр Чуликов, которому удалось открыть в своем участке две одноклассные сельские школы – в Старом Юрте и Нижнем Науре»²⁴. Через оценку таких «богоугодных», по словам газеты, деяний можно оценить личность человека. Просветительские идеи становятся доминирующими.

Позиция тех, кто выступает за расширение учреждений образования, всецело поддерживается редакцией газеты «Терский край». Просветительские мысли высказываются и в других местных и столичных газетах. Если в самом начале века эта тенденция представлена голосами только А. Мутушева и Т. Эльдарханова, то в 1910–1911-х и последующих годах идея просвещения заметно расширяет ряды своих сторонников. В чеченских селах один за другим открываются школы. Среди активных сторонников просвещения чеченского народа встречаются имена людей, представляющих разные течения общественно-политической и религиозно-философской мысли. Это – Исмаил Мутушев, Ибрагимбек Саракаев, Данилбек Шерипов, Таштемир Эльдарханов, Ахметхан Мутушев, Ибрагим Чуликов, Тапа Чермоев, Сугаип-мулла Гайсумов, Дени Арсанов, Ирисхан Алиев, Али Митаев и многие другие.

В русле прогрессивных тенденций написаны многие публицистические материалы «Терского края» и весной 1911 года. Освещая целый ряд важных и актуальных проблем современности с прогрессивных позиций, газета рассматривает их с разных сторон, пытаясь донести до читателя многообразие взглядов, суждений, предпочтений и сводя основные выводы авторов к единому знаменателю. Таким образом, в печати появляются публикации, так или иначе связанные друг с другом общей проблематикой, общим взглядом на рассматриваемый вопрос, общим подходом к решению социальных проблем.

Тема столкновения национальных интересов, земельного голода, неподкупности власти, причин и последствий негативных социальных явлений

находит дальнейшее развитие в попытках рассмотреть жизнь сельской общины с другой позиции. Так появляется новый взгляд на проблему горской деревни, так появляется новая тема газетного выступления.

Весной 1911 г. самые актуальные, злободневные вопросы края освещаются смело, без оглядки на цензуру, отводя им в рамках передовых статей самые заметные места на первой полосе. В статье «К нуждам края» развиваются, углубляются проблемы, поднятые на газетных страницах раньше, но теперь они находят иное воплощение, иное осмысление. Речь шла о денежных повинностях, налагаемых государством на сельское население. Тяжесть налогов, по словам газеты, растет «все более и более». «Иными словами, – пишет «Терский край», – сельские власти вырывают у вверенного их попечению дерева, один за другим, корни... Дерево, у которого вырывают корни, не может расти... Оно обречено на гибель»²⁵.

Через номер появляется перепечатка из столичного «Русского Вестника» под названием «Шампанское и революция». «Терский край» публикует статью на самом видном месте. Мысли, высказываемые в ней, газете явно импонируют. «Терский край» не пытается этого скрыть. «Трудно управлять свободным народом, – пишет она. – Так трудно, что, глядя на бедные правительства свободных народов, начинаешь ощущать причины, по которым правительства народов рабских ни за что не желают расставаться с практикой ежовых рукавиц. Там, где эта практика в моде, там дело правительства самое простое: наделало глупостей, приказало считать эти глупости самомудрейшими реформами и сидеть тихо – и баста! Ничего не сделало – и то хорошо»²⁶.

Такая статья могла появиться в печати и в «Русском Вестнике», и в «Терском крае» только в годы нового революционного подъема, только в эпоху ослабления ограничений цензурного характера. Но это вовсе не означало, что газеты, позволявшие себе печатать подобные взгляды, или редакторы, дававшие разрешение на их публикацию, не преследовались и не наказывались царской администрацией. Всякое проявление в печати свободомыслия строго каралось законом. Руководители изданий, допускавшие политические вольности, облагались денежными штрафами или им грозило заключение в тюрьму на определенный срок. Печатные органы изымались из продажи или вовсе закрывались. Редактор газеты «Терский край» Владимир Парамонов в течение одного только 1911 года трижды подвергался денежному штрафу²⁷.

В первый раз он вынужден был уплатить денежный штраф в сумме 300 рублей в областное казначейство в феврале 1911 года. В постановлении начальника Терской области говорится следующее: «...усмотрев из помещенных в №№ 14 и 15 газеты «Терский край» статей под заглавием «Вскользь», тенденциозное распространение ложных слухов о деятельности областной администрации, имеющих целью возбудить общественную тревогу среди туземного населения, постановил: ...редактора названной газеты В.А. Парамонова подвергнуть денежному штрафу в сумме триста (300) рублей, а при несостоятельности – арестовать на три месяца»²⁸.

Такие жесткие административные меры наказания в отношении редактора В. Парамонова были приняты на «основании статьи 1,2 обязательного постановления об охране в Терской области общественной безопасности и спокойствия, изданного и. д. наместника его императорского величества на Кавказе 16 июля 1909 года в порядке усиленной охраны»²⁹.

Преследование В. Парамонова продолжается на протяжении всего 1911 года. В октябре его снова подвергают крупному денежному штрафу за

публикацию в газете «Терский край» рассказа «Клад». В постановлении об административной ответственности редактора, подписанном начальником Терской области и наказным атаманом Терского казачьего войска генерал-лейтенантом Михеевым, сказано, что «по содержанию названная статья имеет своей целью внушить рабочему классу наглядным примером необходимость упорно и настойчиво продолжать забастовки».

Появление в «Терском крае» в самый разгар забастовочного движения на грозненских нефтяных промыслах подобного рассказа, конечно, не случайное совпадение. Широко освещая забастовки на промыслах³⁰, а также, публикуя на своих страницах иногда даже требования бастующих рабочих³¹, газета, безусловно, сочувствует рабочим нефтяных промыслов, но открыто поддержать их, заняв позицию бастующих, она не может. Такое не допустит и издатель газеты, служащий фирмы АРМО (Англо-Русское Максимовское Общество – М.М.) В. Файвишевич, который, прежде всего, представлял интересы местных буржуазных дельцов. Правда, в опубликованном рассказе он сам ничего крамольного, антигосударственного не усмотрел. Завуалированную поддержку забастовочного движения рабочих выявили уже в аппарате Областного Правления. Видимо, рассказ попал на страницу газеты, минуя предварительную цензуру, иначе трудно объяснить, как она могла быть опубликована без соответствующих сокращений.

О чем повествует автор рассказа «Клад» Михаил Траценко? Сразу видно – он симпатизирует рабочему движению. Общественная мысль, доминировавшая в тот период в рабочей среде, высказана четко и недвусмысленно. Она заключалась в том, что недовольные своим социальным положением трудящиеся массы все больше утверждались в необходимости добиваться осуществления поставленных задач, т. е. идти до победного конца в отстаивании своих прав и свобод. Главная идея рассказа, на наш взгляд, выражена в следующих словах: «Рабочий человек должен или умереть, или настоять на своем...»³². Настоять на своем, по мнению автора рассказа и газеты, означает одно – добиться свободы.

Вот как описывает М. Траценко внутреннее состояние своих героев: «Холодной осенней ночью на условленном месте собирается народ – рабочие. Выбирают председателя и открывают собрание», некоторые из собравшихся начинают жаловаться: «не выиграть нам забастовки... денег ждать неоткуда, а тут обыски, аресты. Городскую тюрьму битком набили портовыми, а в губернской – грузчиков, как проса в трюме... сбор денег на поддержание забастовки не клеится»³³.

Отчаявшись, одни рабочие хотят разойтись по домам, а другие – приступить к работе. И в тот момент, когда никто не знает, что делать дальше, звучат слова самого старшего из них о том, что рабочие должны «или умереть, или настоять на своем». По мнению М. Траценко, другого не дано. Рабочие принимают решение продолжать забастовку. По тому, как автор освещает этот момент, можно судить о том, что такое решение ему ближе всего, и он его приветствует.

Опубликовать рассказ, открыто призывающий к противостоянию с властью, когда вся грозненская общественность была взбудоражена слухами о забастовках на нефтяных промыслах, – решение довольно-таки смелое для того времени. Оно могло быть принято только после долгих раздумий и являлось, следовательно, политически осмысленным. Подписывая в печать газетный номер с рассказом, редактор Владимир Парамонов не мог не знать о последствиях такого шага. Тем не менее, считая своим долгом донести

до читателя мысли и чаяния рабочих, он осознанно пошел на это и снова пострадал за свои убеждения. Следует отметить: в тот период редакция газеты всеми доступными средствами пытается более полно отразить социальную мысль той эпохи, причем делает она это, глубоко осознавая свою огромную роль как средства формирования и утверждения определенного общественного мнения у читателей.

Информационным поводом для выражения своих взглядов и убеждений для «Терского края» и его редактора становится любое историческое явление, любой факт из реальной действительности. Так, в феврале 1911 года Россия празднует пятидесятилетний юбилей отмены крепостного права. Редакция «Терского края» посвящает данному событию весь очередной номер газеты, который выпускается в свет именно 19 февраля, т. е. в день отмены крепостного права в России. На первой полосе печатаются снимки царствующих особ, рядом с которыми помещена передовая статья под заголовком «Грозный, 19 февраля». Вторая и третья страницы также посвящены главной теме дня. Сразу приковывают к себе внимание читателей объемные статьи «Остатки крепостничества на Кавказе», «Помещики накануне воли», «По воспоминаниям современников» и др.

Юбилей празднуется широко, с размахом. И газета оперативно откликается на него. Она отражает общественные события, предшествовавшие и сопровождавшие крепостную реформу, раскрывает состояние социальной мысли того периода, пытается прокомментировать последствия проведенной реформы. Оставаясь, как и прежде, последовательной в вопросах, касающихся объективного отражения общественной мысли, «Терский край» пишет: «Мы видим, ...что, празднуя сегодня полувековой юбилей со дня освобождения крестьян от крепостной зависимости, мы также далеки от цели, которая поставлена была себе царем-освободителем, как и в тот день, когда русские люди «увидели народ, освобожденный, и рабство, павшее по манию царя»³⁴.

По мнению «Терского края», в основе реформы лежали «две главные идеи: обеспечение быта всего сельского населения путем наделения его землею и постепенное уравнивание крестьянства в правах с другими сословиями»³⁵. Удалось ли осуществить задуманное? Успешно ли проводилась реформа? Насколько свободными и независимыми стали крестьяне? Все эти вопросы «Терский край» ставит перед читателями и на каждый из них отвечает отрицательно. Более того, газета подчеркивает, что «уже при самой выработке положения 19 февраля дворянству, шаг за шагом отстаивавшему свои привилегии, удалось добиться чрезмерного увеличения размера выкупных платежей за наделенные земли, благодаря чему крестьянство многих губерний в первые же годы после освобождения впало в нищету...»³⁶.

Газета пытается четко следовать принципу объективности. Показывая реальную действительность такой, какая она есть, «Терский край» сама того, быть может, не замечая, сеет в сознании читателя семена недоверия к действиям царствующего монарха, правительства. Такая позиция является, на наш взгляд, одной из форм выражения социальных взглядов редактора Владимира Парамонова. Газета под его руководством сыграла положительную роль в формировании и развитии передовой социальной мысли в Грозном в начале XX века. За свои прогрессивные общественные взгляды В. Парамонов страдал неоднократно. Исчерпав возможности сломить его денежными штрафами и устными порицаниями, терская администрация начала оказывать жесткое давление непосредственно на издателя газеты. В. Файвишевича вынудили принять жесткие меры по отношению к редактору.

Владимира Парамонова вскоре отстранили от должности редактора, ему запретили работать в газете даже рядовым корреспондентом. Он вынужден был уйти из редакции. В ноябре 1911 года в «Терском крае» появилось сообщение, в котором сообщалось о том, что «В.А. Парамонов с 1 ноября с. г. ответственным редактором и сотрудником газеты «Терский край» больше не состоит»³⁷. Номер газеты от 4 ноября был подписан Л.С. Ямпольским. В декабре того же года редактором «Терского края» назначили Николая Новикова, но такое решение не внесло существенных изменений в содержание газеты, ее направление все еще оставалось таким же радикальным, каким оно было при В. Парамонове.

По своим социальным взглядам Н. Новиков был близок к своему предшественнику. Он, как и Парамонов, считал, что газета должна быть независимой и находиться в определенной оппозиции к существующей власти. Причем, свои взгляды на взаимоотношения печати и органов власти Николай Новиков ни от кого не скрывал. Он излагал их на страницах «Терского края» в форме поэтических образов, в которых ярко раскрывалась трудная и противоречивая реальная действительность. Свои стихи Н. Новиков подписывал псевдонимом «Н. Иванович». В них он звал к свободе и выражал горькое сожаление о том, что «...разум человека и сердце робкое не ожили пока: все та же темь в душе и сон, и страх от века – и прометеева тоска...»³⁸.

Редакторство Н. Новикова длилось недолго. Уже в марте 1912 года он вынужден был обратиться к читателям газеты с прощальным словом. В статье «Последнее слово редактора» он, не скрывая своих чувств и своего отношения к существующему порядку вещей, пишет: «Терский край» – умерла... Она – воплощение наших дум, наших надежд, нашего гнева и печали... Правда, неполное воплощение, так как то, о чем мечтается, так далеко-далеко, а за одну мечту об этом далеком, светлом, мы переживаем бичи и скорпионы... И чтобы спасти горение огонька – газеты, нам приходилось, увы, увы, говорить только вполголоса. И молча страдать. Имеющий уши слышать – слышал нас, но могло ли утешать нас то, что нельзя было говорить правду сполна? Это трагедия всех пишущих, трагедия всех желающих блага для бедной, темной страждущей родины... Мы верим – настанет на Руси весна, придет общее долгожданное счастье»³⁹. Приведенные слова Н. Новиков проиллюстрировал строчками из своего стихотворения: «Мы вольны, к борьбе мы готовы, и подвиг наш честен и свят: нам бог разрывает оковы, нам бог закаляет булат»⁴⁰.

Газета переживает трудное время, из нее уходят лучшие журналистские силы, она продолжает терять читателей. Вплотную подступили к ней и другие проблемы – не хватает средств, бумаги, типографских красок. В. Файвишевич теряет интерес к газете. Из-за финансовых затруднений «Терский край» вынуждена была перейти на меньший формат. Это позволило ей хоть немного сэкономить на бумаге, типографских расходах. В середине 1912 года В. Файвишевич продает газету. «Терский край» становится собственностью известного издателя Н.А. Корганова. Тот объявляет себя одновременно редактором газеты и, не скрывая своих намерений, заявляет о своем желании вернуть ей былую славу и читателей.

Обращаясь к читателям, новый издатель «Терского края» пишет: «Мы поставим своей целью сделать из газеты тот фундамент, на котором бы стоял и неугасимо горел маяк нашей общественной совести»⁴¹.

Однако его замыслам не суждено было осуществиться. В конце 1912 года газета «Терский край» прекратила свое существование. Прежде чем уйти с общественной арены, она, раздраженная надвигающейся реакцией, нанесла по существующему социальному строю последний критический залп. Правда,

газета все еще не осмеливается критиковать саму политическую систему – основу государства, но заметный моральный ущерб властям нанести смогла.

Критическая статья, о которой идет речь, озаглавлена просто – «Мысли». Ее автор – Рославцев. Это, скорее всего, псевдоним самого Н. Корганова. Размышляя о судьбах России, он пишет: «Над Россией явно собирается Божий гнев. Признаки его я вижу не в нашем поражении на Востоке и не в нашем внутреннем неустройстве, а исключительно в явлении, отмечать которое приходится не в первый раз: в потере нами здравого смысла. Кого Бог желает наказать, у того отнимает разум»⁴².

По мнению автора, нигде нет столько умных людей, как в России, и нигде нет такой глупой народно-общественной и государственной жизни. Газета пишет: «Наша коллективная (общественно-государственная) глупость произошла не только от преобладания у нас мозговой инерции над волевой, но и оттого, что на бюрократические высоты, на выдающиеся ступени нашей жизни попали люди неумные... Словно гигантский черпак захватил со дна русской жизни все ее тупоумие, кретинизм, недомыслие и полил этой жижицей верхи и карнизы нашей жизни»⁴³.

Будто предвидя грядущие общественно-политические и социальные катаклизмы, газета далее отмечает: «...над нами сейчас нависли две тучи, и из них уже брызжет молния: 4-я Дума и война. Обе эти напасти, как квинтэссенция нашей общественно-государственной глупости, должна бы заставить нас встряхнуться, сбросить с себя наваждение»⁴⁴.

Пророческие предсказания газеты «Терский край» сбылись. И первая мировая война, начавшаяся с военных действий на Балканах, и Февральская буржуазная революция, и Октябрьская социалистическая революция, ставшая причиной кровопролитной гражданской войны, и новая идеологическая система, утвердившаяся на огромных просторах бывшей царской империи, и новый образ жизни, и новые духовные ценности, и развал СССР – все это уже исторические вехи нашего прошлого.

Социальная мысль, как живой организм, развивалась, углублялась, впитывая в себя все прогрессивное, светлое, полезное, которое озвучивалось, печаталось однажды в нашей истории. И в этом плане историческая роль газеты «Терская край» в развитии социальной мысли Чечни в начале XX века огромна. Несмотря на жесткий контроль со стороны царской цензуры, который был установлен за легальными газетами, ей удалось отразить на своих страницах мысли, взгляды и позиции, наиболее ярко отражавшие настроения представителей передовой русской и чеченской интеллигенции той эпохи.

Таким образом, бурное развитие социальной мысли Чечни в начале XX века было обусловлено рядом важнейших факторов, среди которых экономический фактор занимал ведущее место. Строительство железной дороги способствовало активизации торговых, экономических связей не только с остальными регионами царской России, но и всего мира. В Чечню хлынул российский и иностранный капитал. Активное развитие нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности повлекли за собой изменения в социальной сфере. В г. Грозном появились частные типографии, возникла

необходимость в обмене и распространении экономической, торговой, научно-технической информации – все это обусловило рождение первых частных печатных изданий, которые сыграли важную роль в развитии социальной мысли Чечни в начале XX века.

Продолжение следует.

- ¹ Ватейшвили Д.Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. М., 1973. С. 7.
- ² «Терский край». 1910. № 178.
- ³ «Терский край». 1910. № 184.
- ⁴ «Терский край». 1910. № 184.
- ⁵ Цховребов З.П. Развитие общественно-политической и философской мысли в Осетии. М., 1977. С. 91.
- ⁶ «Терский край». 1911. № 12.
- ⁷ См.: «Терский край». 1910. №№ 176 и 196; «Терские ведомости». 1910. 15 декабря.
- ⁸ «Терский край». 1911. № 16.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ См.: «Новая Русь». 1910. №№ 49, 56, 69, 76, 90, 97; «Мусульманская газета». 1913. №№ 11, 25; «Голос Кавказа». 1906. №№ 1, 5, 16; «Кавказское слово». 1912. №№ 184, 189, 191.
- ¹² «Терский край». 1911. № 9.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См.: Выступления депутатов Госдумы от Терской области А. Маслова и Т. Эльдарханова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия первая. Т. 11. М., 1906. С. 1237, 1694; Авторханов А. К основным вопросам истории Чечни. Грозный, 1931. С. 29; Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. Грозный, 1994. С. 97.
- ¹⁶ «Терский край». 1911. № 18.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ «Терский край». 1911. № 12.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ «По поводу корреспонденции из Чечни» // «Терский край». 1911. № 151.
- ²² «По поводу корреспонденции из Чечни» // «Терский край». 1911. № 151.
- ²³ Там же.
- ²⁴ «Терский край». 1911. № 215.
- ²⁵ «К нуждам края» // «Терский край». 1911. № 53.
- ²⁶ Шампанское и революция // «Терский край». 1911. № 55.
- ²⁷ РГИА. Ф. 776, оп. 21, ч. 2, ед хр. 217, л. 9, 10, 11.
- ²⁸ РГИА. Ф. 776, оп. 21, ч. 2, ед хр. 217, л. 9, 10, 11.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ «Терский край». 1911. №№ 63, 69, 74.
- ³¹ «Терский край». 1911. №№ 74, 111.
- ³² Траценко М. Клад // «Терский край». 1911. № 205.
- ³³ Там же.
- ³⁴ «Терский край». 1911. № 30.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ «Терский край». 1911. № 241.
- ³⁸ Н. Иванович. Весною // «Терский край». 1912. № 50.
- ³⁹ Н. Иванович. Последнее слово редактора // «Терский край». 1912. № 69.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Корганов Н. От редактора-издателя // «Терский край». 1912. № 70.
- ⁴² Рославцев Н. Мысли // «Терский край». 1912. № 172.
- ⁴³ Рославцев Н. Мысли // «Терский край». 1912. № 172.
- ⁴⁴ Там же.

*Критика и литературоведение***Валерий Сухов****Переключка эпох:
поэты Северного Кавказа о
Лермонтове**

Творчество М.Ю. Лермонтова и трагическая судьба поэта были тесным образом связаны с Кавказом. Именно поэтому многие представители национальных литератур народов Северного Кавказа обращались к лермонтовской теме. Одним из первых это сделал выдающийся осетинский поэт Коста Хетагуров, который родился 15 октября 1859 года. Есть глубокий символический смысл в том, что 205-летие со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова и 210-летие со дня рождения автора «Осетинской лиры» мы будем отмечать в один день. С поэзией Лермонтова юный Коста познакомился впервые во время учебы в ставропольской гимназии. По воспоминаниям современников, он часто читал на гимназических вечерах свои собственные стихи, а также произведения Пушкина, Лермонтова и Крылова. 16 августа (по новому стилю это 28 августа) 1889 года в Пятигорске состоялось открытие первого в России памятника великому русскому поэту, приуроченное к 75-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. Памятник был создан по проекту академика А.М. Опекушина. На высоком постаменте из больших белых камней в виде усеченной пирамиды был изображен Лермонтов в офицерском сюртуке. Поэт задумчиво смотрел на вершины Эльбруса. Этот великолепный памятник произвел огромное впечатление на Коста. В числе многих почитателей лермонтовской поэзии он возложил на постамент венок с надписью: «От осетинского юношества. Художник Хетагуров». От имени осетинского народа Коста Хетагуров выступил и на торжественном обеде в Пятигорском общественном собрании. В газете «Северный Кавказ», вышедшей в августе 1889, была кратко пересказана суть его речи: «Художник Хетагуров, напомнив собранию лермонтовского пророка, между прочим, высказал, что пусть этот праздник послужит стимулом для нашего возрождения к лучшему, честному, доброму, пусть поэзия Лермонтова жжет нам сердца и учит нас правде». Вдохновенная речь горца произвела сильное впечатление на всех присутствующих на этом торжестве, которому власти хотели придать официально-казенный характер. Коста Хетагуров не смог не откликнуться на это знаменательное событие и своими стихами. По горячим его следам он пишет на русском языке стихотворение «Перед памятником», где есть такие строки:

Торжествуй, дорогая отчизна моя,
И забудь вековые невзгоды,
Воспарит сокровенная дума твоя,
Вот предвестник желанной свободы!
Она будет, поверь, вот священный залог,

Вот горящее вечно светило,
 Верный спутник и друг по крутизнам дорог,
 Благородная, мощная сила!..
 К мавзолею искусств, в храм науки святой
 С ним пойдешь ты доверчиво, смело,
 С ним научишься ты быть готовой на бой
 За великое, честное дело.
 Не умрет, не поблекнет в тебе уж тогда
 Его образ задумчивый, гордый,
 И в ущельях твоих будут живы всегда
 Его лиры могучей аккорды.

Поэт предполагал опубликовать это стихотворение в периодической печати, но этому воспротивилась цензура. Понятно, почему. Все стихотворение проникнуто лермонтовским бунтарским духом. Коста Хетагуров не случайно называл здесь Лермонтова «предвестником желанной свободы» и «верным спутником» народов, которые идут на борьбу за торжество «сокровенных дум». Используя космическую образность, характерную для лермонтовской поэзии, автор «Осетинской лиры» уподобляет Лермонтова «горящему вечному светилу», утверждая, что в его поэзии сокрыта «благородная мощная сила». Обращаясь к Осетии, Хетагуров призывал осетинский народ полюбить русского поэта, ставшего «жертвой интриг и опалы» и обреченного царем на изгнание. Именно поэтому у стихотворения такой волнующий заключительный аккорд, обращенный ко всем просвещенным жителям Северного Кавказа: «Возлюби же его, как изгнанник-поэт / Возлюбил твои мрачные скалы, / И почти, как святыню, предсмертный привет / Юной жертвы интриг и опалы!..»

В стихотворении «Перед памятником» Коста Хетагуров заложил основы традиций, которые получили развитие в произведениях многих других поэтов Северного Кавказа, писавших на эту тему. Он ярко и образно выразил мысль о духовном единстве горских народов и русского народа, которых объединяет любовь к таким поэтам, как Лермонтов. В 1901 году Хетагуров пишет на русском языке стихотворение «Памяти М.Ю. Лермонтова», в котором нашли отражение его личные переживания, связанные с преследованиями со стороны царского правительства за передовые убеждения. Автор, не скрывая своего волнения, напрямую обращается, как к современнику, близкому по духу, к своему любимому поэту. Его риторические вопросы придают стихам особую взволнованную интонацию и проникновенность:

Зачем, поэт, зачем, великий гений,
 Явился ты так рано в этот мир,
 Мир рабства, лжи, насилия и гонений,
 Мир, где царил языческий кумир?..
 Зачем судьба с таким ожесточеньем
 Гнала тебя из-за пустых интриг
 Трусливых бар, взлелеянных бездельем,
 Когда клеймил их твой могучий стих?
 Ты нужен был не царству бар и рабства,
 А вот теперь, когда талантов нет,
 Когда нас всех заело декаденство,

О, если бы ты жил теперь, поэт!
 Твой мощный стих, могучие аккорды
 Рассеяли б остаток прежней тьмы,
 Тогда бы по пути добра, любви, свободы
 Пошли бы за тобой вперед со славой мы.

Коста Левонович Хетагуров в своем творчестве неоднократно обращался к лермонтовским традициям и опирался на художественные достижения поэта. Это нашло отражение в его «кавказской повести» «Фатима» (1889–1895) – первом крупном лирико-эпическом произведении классика осетинской литературы. Эта поэма хотя и отличается оригинальным сюжетом и своеобразными характерами героев, но в ее стиле явно прослеживается влияние кавказских поэм Лермонтова. Образ отрицательного героя Джамбулата во многом схож с такими персонажами кавказских поэм Лермонтова, как Аджи, Селим, Измаил-бей. Таким образом, мы можем определить характерную тенденцию, свидетельствующую о том, что Лермонтов настолько глубоко смог проникнуть в особенности национального духа горских народов, что сами представители их литератур учились у него живописать нравы и характеры горцев. Скрытая переключка образов К.Л. Хетагурова с образами М.Ю. Лермонтова ярко проявляется и в пейзажной лирике. Например, в двух стихотворениях с одним названием «Утес» русский и осетинский поэты применяют один и тот же прием олицетворения. Под их пером старый утес оживает и плачет, как человек. У Лермонтова:

Но остался влажный след в морщине
 Старого утеса. Одиноко
 Он стоит, задумался глубоко,
 И тихонько плачет он в пустыне.

Сравним у Хетагурова:

Наступила полночь, тихая, немая
 В сон невозмутимый погружен утес
 Только по ланитам, змейкою сбегаю,
 Падают беззвучно в бездну капли слез.

Долгие годы К. Хетагуров провел в ссылке вдали от родных гор. Именно тогда его особенно волновало лермонтовское стихотворение «Пророк». Но К. Хетагуров не был только лишь эпигоном Лермонтова, ясно сознавая, что у него своя поэтическая судьба. Именно поэтому он так полемично начинает свое стихотворение, перефразируя хрестоматийно известные лермонтовские строки:

Я не пророк. В безлюдную пустыню
 Я не бегу от клеветы и зла.
 Разрушить храм, попать мою святыню
 Толпа при всем безумье не могла...
 В тюрьме ясней мне чудится свобода,
 Звучнее песнь с бряцанием цепей,

В изгнание я дороже для народа,
Милее смерть в безмолвии степей.

Создавая стихи на русском языке, которые были еще во многом несовершенны и частью подражательны, К. Хетагуров прошел хорошую поэтическую школу. Именно это помогло ему стать великим национальным поэтом Осетии и создать на осетинском языке свою знаменитую книгу «Иронфандыр» («Осетинская лира»), которая вышла в 1899 году. И в этом сборнике мы можем найти ряд переключек с Лермонтовым. Так, например, известное хетагуровское стихотворение «А-лол-лай», написанное в жанре фольклорной колыбельной песни, во многом созвучно со лермонтовской «Казачьей колыбельной песней». Сравним у Лермонтова:

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.

У Хетагурова:

Мать легко тебя качает.
Лунный луч с тобой играет.
Ты расти, мужай!
А-лол-лай!..

(Перевод Д. Кедрина)

Таких примеров мы можем привести много. Они свидетельствуют о духовном родстве братьев по перу, в жилах которых текла русская и осетинская кровь.

Чтобы глубже проникнуться духом лермонтовской поэзии, многие представители литературы народов Северного Кавказа посетили Тарханы – духовную родину Лермонтова. В разные годы здесь побывали народные поэт из Северной Осетии Б. Гагиев, поэты Кабардино-Балкарской Республики М. Геттуев, А. Кешоков, К. Кулиев, народная поэтесса Чечено-Ингушской АССР Р. Ахматова. И для многих из них пребывание на пензенской земле стало вдохновляющим событием, нашедшим отражение в поэтическом творчестве. Известный пензенский краевед и поэт О.М. Савин подготовил к изданию «Венок Лермонтову», в который включил стихи и многих поэтов – горцев. Это уникальное издание дает возможность понять, чем дорог им Лермонтов. Следуя призыву К. Хетагурова, осетинский поэт Борис Гагиев написал проникновенное стихотворение «В Тарханах», в котором создал образ мальчика – будущего гениального стихотворца:

Бабка в нем души не чаяла.
Быстро детства дни летели.
Здесь, большие и печальные,
В мир глаза его глядели.

Осетинского поэта в Лермонтове привлекает прежде всего дар пророчества, способность постигать сердцем «тайны слов» и отчаянная смелость творца,

способного бросить вызов «тайне Бога», за что и последовала расплата. В духе фольклорных традиций Гагиев изображает смерть Лермонтова:

И сбылось,
Как он предсказывал:
Закружились стаей вороны,
Чтобы выклевать глаза его.
Прах развеять во все стороны.

Завершает первую часть стихотворения автор – посланец Северной Осетии – афористично, переключаясь со своим учителем К. Хетагуровым, призывавшим ценить и любить Лермонтова:

И блуждает Дух пророческий
Высоко в небесном свете.
Низко лермонтовской вотчине
Кланяюсь я от Осетии.
(С. 127)

Удачный перевод этого стихотворения М. Шаповаловым позволяет донести до читателя все, что задумал автор.

Проникновенно в стихотворении «Если б мог» (перевод Я. Серпина) Максим Геттуев передал острую боль утраты гениального поэта, погибшего на роковой дуэли у горы Машук в июле 1841 года. В духе горских преданий автор обращается к силам природы, которые могли бы спасти Лермонтова от пули Мартынова:

Облаками, словно едким дымом,
Я бы даль затмил на склоне дня
И потоком лег непроходимым
Под копыта жаркого коня.
Я б велел, чтоб буря загремела,
Замела любой приметный след;
Я бы молнией ударил белой
По руке, поднявшей пистолет.

Финал поражает трагизмом обреченности гения на гибель. Геттуев винит себя в том, в чем не виноват, чувствуя сопричастность лермонтовской судьбе:

Я убийцу у горы не встретил
И не преградил ему пути.
Не было тогда меня на свете.
Лермонтов, прости!

Свое стихотворение «Лермонтову» в переводе Я. Козловского Алим Кешоков прочитал в Тарханах 4 октября 1964 года, когда отмечалось 150-летие со дня рождения гения. Кешоков воспринимает своего гениального собрата по перу как современника, хотя и моложе его на сто лет:

И я рожден в четырнадцатом тоже,
Но позже на столетие одно.

Кешоков относится к Лермонтову как к своему «кунаку», который горцам был «многих... ближе и дороже». Именно поэтому на Кавказской войне пули горцев пощадили автора поэмы «Демон»:

Но раздавались выстрелы в ауле,
И горец из укрытья своего
Кричал тебе:
– Не опасайся пули.
Кавказцы знают целиться в кого!

Народный поэт Кабардино-Балакарии создает ряд живописных картин, отражающих колорит, быт и нравы горных селений, которые так любил Лермонтов:

Моя сестра до солнышка вставала.
Тебе лепешки белые пекла,
Когда с коня ты спрыгивал, бывало,
Держал я стремя твоего седла.
И благодарен собственной судьбе я
За то, что там, где высется снега,
Тебе рассказы Измаил-бея
Переводил, присев у очага.

Кешоков от лица народов Северного Кавказа выражает благодарность Лермонтову за то, что русский поэт «так простого горца / Сумел возвысить в пламенных стихах». Обратившись памятью к прошлому, Алим Кешоков изображает трех всадников-поэтов. При этом два горца берегут от пуль русского гения:

И скачешь по горам не иноверцем,
И, как мюриды, издавна верны,
Тебя я слева прикрываю сердцем,
Кайсын Кулиев с правой стороны.

Завершая стихотворение, поэт обращается к приему открытой реминисценции, перефразировав известную лермонтовскую строку:

Вершины гор задумчивы и строги,
Звезда с звездой над нами говорит.
И молод ты, и нет конца дороге
И пыль веков летит из-под копыт.

Не случайно Кешоков упомянул своего друга Кайсына Кулиева, который так же принимал участие в Лермонтовском празднике поэзии 4 октября 1964 года. В своем стихотворении «Памяти друга», переведенном на русский язык Яковом Козловским, посвященном известному лермонтоведу Ираклию

Андронникову, Кулиев уподобляет Лермонтова горе, – обратившись к одному из самых любимых горскими поэтами образов:

Я стою вечернюю порою
 Пред горою в снежном серебре.
 Как с тобою, говорю с горою,
 Потому что ты под стать горе.
 Мне сегодня кажется, что Мцыри
 Видел тот же самый вечный снег,
 Ибо изменилось в этом мире
 С тех столетий все, но не Казбек.

Обращаясь к приему олицетворения, поэт создает выразительные образы «говорящих» гор, которые «перенимают» голос поэта:

И еще не веруя, что живы,
 Я тебе кричу, и в тишине
 Горы, что от века молчаливы,
 Переняв твой голос, вторят мне.

В 1988 году в Тарханах побывала народная поэтесса Чечено-Ингушетии Раиса Ахматова. Ее стихотворение «А Лермонтову было двадцать семь...», переведенное на русский язык Ириной Озеровой, подводит своеобразный итог размышлениям горских поэтов на лермонтовскую тему. Оно настолько выразительно по образному строю и глубине мысли, что стоит процитировать его целиком:

Проходит жизнь, невидимая всем,
 И новая зима сменяет лето...
 А Лермонтову было двадцать семь
 У Машука под дулом пистолета.
 Над пушкинской могилой плакал он,
 Убийц поэта жег булатным словом...
 Он тою же рукою был сражен,
 Убийцей тем же, но в обличьи новом...
 Ты с книжной полки трепетно возьми
 Любовь и гнев, презренье и бессмертье,
 Он прожил не до двадцати семи –
 Столетия жил и проживет столетья.
 Давно Мартынов обратился в прах,
 До старости дожив, исчез бесследно.
 А Лермонтов живет во всех домах –
 Он каждого народа сын бессмертный.
 Однажды я в Тарханы доберусь,
 По давнему сердечному приказу,
 И Лермонтову привезу на Русь
 От Лермонтова горсть земли с Кавказа.

Тут, как говорится, «ни убавить, ни прибавить». Лучше и проникновеннее о любви к Лермонтову не скажешь...

Книжные новинки**История родного города**

Адиз Кусаев – народный писатель ЧР, заслуженный журналист, ветеран республиканского радио и телевидения, автор многих книг, написанных в разных жанрах прозы, поэзии, публицистики. Они посвящены различным этапам возникновения и развития чеченской литературы, грозненского телевидения и радио, истории нашего края, а также творчеству чеченских писателей. Адиз Кусаев является постоянным автором нашего журнала и частым гостем редакции.

На этот раз Адиз Кусаев презентовал нам свою новую книгу под названием «История города Грозного: восстановление истины». Этот объемный труд, которому автор посвятил немало лет своей жизни, вышел в свет в издательстве «Алеф» (Махачкала). Книга – уникальная. Под ее обложкой разместились различные жанры. Она написана на сугубо документальной основе, автор опирается на архивные документы. Есть в книге и

поэтический раздел, в котором размещены стихи и поэмы о любимом городе. Привлечет внимание читателей также и мемуарная публицистика, где автор приглашает нас пройти вместе с ним по улицам Грозного, мысленно переместившись во времена его молодости. Новая книга Кусаева будет интересна всем, кто интересуется историей родного города.

Желаем Адизу Джабраиловичу долгих лет жизни, еще больше изданных книг и преданных читателей!

Саламбек Алиев

*Слово о художнике***Монументальная живопись Яхиханова**

Рустам Яхиханов родился в 1986 году в городе Грозном. Член Союза художников России, заслуженный художник Чеченской Республики.

В 2005 году Яхиханов поступил на факультет живописи Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени Ильи Репина, где обучался в мастерской монументальной живописи под руководством Александра Быстрова. Дипломная работа Рустама – полиптих – под названием «Земля моих предков», была отмечена государственной аттестационной комиссией как одна из лучших. Во время учебы Рустам был награжден медалью Российской академии художеств «За успехи в учебе».

Все его творчество связано с национальной темой, в которой преобладают старинные кавказские мотивы: обычаи и традиции, быт и история вайнахов. Большая часть картин выполнена в стилистике монументальной живописи. Рустам Яхиханов отражает в своем творчестве культурное наследие чеченского народа. Художник часто посещает музеи, где вдохновляется реалистическим русским искусством. И в то же время на него производят сильное впечатление картины, выполненные в жанре социалистического реализма.

Рустам Яхиханов является постоянным участником многочисленных всероссийских и международных выставок, на которых его работы получают самую высокую оценку. В настоящее время он преподает в институте имени Репина на подготовительных курсах. Живет и работает в Санкт-Петербурге.

На обложке этого номера мы представляем репродукцию картины «На праздник» из цикла «Земля моих предков».

Ася Умарова

